

Учреждение Российской академии наук Ордена Дружбы народов
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

На правах рукописи

Лисицына Ольга Игоревна

**НОРМЫ И ПРАКТИКИ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНКИ КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук, профессор Н.Л. Пушкарева

Москва – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Теоретические подходы в изучении сексуальной культуры и вопросы женской саморепрезентации в российских эгодокументах конца XVIII – первой половины XIX века	33
§ 1. Особенности «говорения» на сексуальные темы в российской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века: гендерная составляющая.....	33
§ 2. Российская дворянка в автодокументальных источниках конца XVIII – первой половины XIX века.....	53
Глава II. Механизмы формирования системы ценностей в повседневной жизни российской дворянки конца XVIII – середины XIX века	67
§ 1. Социально-обусловленные особенности воспитания российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX века.....	67
§ 2. Нормативная модель поведения и система ценностных ориентаций женщины в российском дворянском сословии конца XVIII – первой половины XIX века.....	90
§ 3. Гендерный аспект представлений о чести в российской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века.....	105
Глава III. Способы реализации интимных помыслов представительницами русского дворянства конца XVIII – первой половины XIX века	121
§ 1. Конструирование внешнего вида: канон красоты и телесные практики в женской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века.....	121
§ 2. Флирт и его место в сексуальной жизни представительниц дворянского сословия конца XVIII – первой половины XIX века.....	137
§ 3. Повседневные сексуальные практики столичной дворянки в светском обществе.....	152

Заключение.....	167
Опубликованные источники.....	177
Архивные фонды.....	187
Литература.....	188

ВВЕДЕНИЕ

Ежедневные социальные практики, обыденный жизненный опыт и, в частности, восприятие собственной и чужой телесности, способы осмысления и «конструирования» своего тела, были всегда и останутся неотъемлемой частью повседневной жизни индивида. Но, несмотря на существенные подвижки, тема тела и особенно «телесного низа» продолжает оставаться в отечественном гуманитарном знании негласно табуируемой. В классической науке о прошлом человечества социальные процессы веками рассматривались без учёта фактора пола и, тем более, – сексуальности. Такое направление, как история сексуальной культуры, возникло совсем недавно, во второй половине XX в., а в нашей стране действительно широкий научный интерес к подобной проблематике стал возможен лишь в 1990-е гг.

Между тем, постмодернистский дискурс актуализировал изучение обыденного жизненного опыта и истории смены структур повседневности индивида. Сексуальность предстала в этой обновленной науке о прошлом неотъемлемым компонентом повседневной жизни «обычных людей», частью как социальной, так и этнокультурной истории. Без изучения человеческих эмоций, чувств, переживаний и побуждений картина исторического прошлого не может считаться полной, а исследование повседневности сведётся просто к изучению быта. Очевидно, что сексуальное поведение исторично и связано с целым комплексом социальных, культурных и иных факторов, обуславливающих его специфику.

В связи с этим важно обратиться к культурам, которые ранее с данной точки зрения не изучались. К ним, в частности, относится и российская дворянская культура конца XVIII – первой половины XIX в., во всех отношениях обделённая вниманием исследователей: историков-русистов – в силу слабого проникновения новых методов исторического исследования в данную дисциплину, этнологов – в силу бóльшего интереса к изучению крестьянства как носителя традиционных

черт национальной культуры. Однако жизнь образованного сословия (в конце XVIII в. окончательно преобразовавшего свой быт в соответствии с нормами и образцами европейской жизни) требует специального этнологического исследования ввиду существенной специфики дворянских повседневных жизненных практик, нетипичных для традиционной народной обыденности.

Также следует отметить, что маргинальное положение темы сексуального поведения российского дворянства стало следствием и идеологических причин, ведь не только изучение собственно проблематики, касающейся вопросов истории сексуальной культуры, находилось под запретом до недавнего времени, но и жизнь дворян была фактически исключена из рассмотрения учеными и приоритетных направлений советской исторической науки. Нормы и практики сексуального поведения женщин из среды образованного сословия не привлекали исследователей из-за существующего и по сегодняшний день восприятия женского как вторичного, производного, менее значимого и определяющего, чем мужское. Однако без обращения к данной теме наши представления о жизни людей прошлого не будут полными, а историческая картина – целостной, ведь «жизнь тела», касающиеся её запреты и предписания не только представляют значимую часть эмоционального мира человека, его частной жизни, его культуры и его аксиосферы, но и формируют социокультурный контекст той или иной исторической эпохи. Кроме того, изучая модели сексуальности, присущие какому-либо обществу и узнавая о принятой в нём системе запретов, принципах их конструирования и действия, мы получаем возможность глубже понимать аналогичные механизмы в современном мире.

Объект диссертационного исследования – повседневная жизнь российского дворянства центральной России (преимущественно Петербурга и Москвы, а также прилегающих к ним территорий) в конце XVIII – первой половине XIX в.

Предмет исследования – нормы и практики сексуального поведения как необходимая и неотъемлемая часть обыденной жизни дворянок в конце XVIII – первой половине XIX в.

Хронологические рамки исследования. Нижняя хронологическая граница (последняя треть XVIII в.) связана с окончанием периода политической нестабильности, характеризующегося либерализацией сексуальных практик, и установлением Просвещённого абсолютизма. Эти события повлекли за собой трансформацию этикетно-этических норм дворянства в направлении ужесточения половой морали. На фоне массового распространения грамотности среди российских дворянок именно тогда возник феномен «женского письма», ввиду чего начал производиться особый женский способ говорения о себе (дискурс), заслуживающий первоочередного внимания исследователя при обращении к гендерной проблематике. Верхняя граница связана с началом буржуазных преобразований, обусловивших последующую трансформацию традиционной дворянской культуры в контексте размывания сословной структуры российского общества, а также с переходом женской сексуальности на новый дискурсивный уровень, нашедший своё отражение как в эволюции женского письма, так и в изменениях репрезентации женской сексуальности и женского тела в «большой», мужской художественной литературе данного периода.

Территориальные рамки исследования обусловлены его источниковой базой: многие представители российского дворянства, имея земельные владения в разных частях Европейской России, часто меняли место своего пребывания, однако привлечённые к данному диссертационному исследованию источники исходят от жителей столиц (старой и новой, Москвы и Петербурга) и прилегавших к ним губерний.

Степень изученности темы. Изучение эмоциональной составляющей повседневности различных социальных страт в те или иные исторические эпохи, «мира чувств» людей прошлого – достаточно молодое явление в исторической

науке¹. Развитие данного направления было связано с распространением интереса к привычному, повторяющемуся, обыденному – то есть всему тому, что прежде не привлекало внимания историков и, ввиду этого, не становилось предметом специального научного изучения. Безусловно, неотъемлемой составляющей повседневных жизненных практик является сексуальное поведение индивида.

Основа научного изучения сексуального поведения была заложена в поздневикторианский период в рамках медицины. Традиционно первым, кто попытался осмыслить его с данной точки зрения, считается «отец» психоанализа Зигмунд Фрейд, однако, в действительности у истоков сексологии стояло несколько практикующих медиков конца XIX – первой трети XX в. (Р. фон Крафт-Эбинг, А. Форель, А. Молль, М. Хиршфельд, И. Блох, Х. Эллис и З. Фрейд), работавших, по преимуществу, в области психиатрии и потому сконцентрировавших своё внимание на «половых извращениях», то есть неких «отклонениях» от общепринятой «нормы» сексуального поведения, но фактически не рассматривавших при этом саму «норму»². Однако, несмотря на это, а также на то, что, в большинстве своём, данные учёные исходили из позиций биологического детерминизма, их усилиями были сделаны важные шаги по преодолению сексофобии в науке.

Следовательно, сексология возникла лишь во второй половине XIX в., и столь долгое «молчание» по данному вопросу понятно: табуирование всего, что

¹ Подробнее о западной и отечественной историографии истории повседневности см.: Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. М., 2004. № 5. С. 3–19; Её же. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 93–112. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. М., 2006. № 4. С. 85–97; Её же. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. СПб., 2010, С. 16–31 и др.

² Кон И.С. Сексология // Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/medicina/SEKSOLOGIYA.html?page=0,0#part-1> (дата обращения: 15.07.2015).

имело отношение к сексуальности³, связанное с христианской идеологией, лежащей в основе буржуазной морали, представляло собой известную грань мировоззрения, проникая тем самым и в науку. При этом, однако, уже в 1928 г. была основана Всемирная лига сексуальных реформ под руководством Х. Эллиса, А. Фореля и М. Хиршфельда, которая в середине века сменится Всемирной сексологической ассоциацией⁴.

Следует признать, что наиболее влиятельным из вышеперечисленных исследователей, безусловно, оказался З. Фрейд, чьи идеи в отношении вопросов сексуального поведения человека примерно на полвека определили вектор развития психологического направления в сексологии. Важно, что в работах З. Фрейда не только произошла реабилитация сексуальности в качестве значимой сферы человеческого бытия⁵, но и было отмечено, что «понятие сексуальности и вместе с тем сексуального влечения должно быть расширено, пока оно не включило в себя многое, что не подчинялось функциям продолжения рода»⁶. Несмотря на то, что бóльшая часть заключений З. Фрейда была впоследствии подвергнута конструктивной критике, важность его идеи о несводимости сексуального поведения лишь к репродукции для своего времени трудно переоценить. Не удивительно, что эту идею развил последователь З. Фрейда философ Ж. Лакан⁷, выдвинув тезис о том, что сексуальность и вовсе следует понимать отдельно от размножения и дав тем самым толчок дальнейшей «социализации» данного понятия⁸.

³ Подробнее об этом см.: Бородай Ю.М. Эротическая аскеза как культурно-исторический идеал // Эротика. Смерть. Табу. Трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 351–361.

⁴ Кон И.С. Сексология...

⁵ Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М., 2014. (1-е изд. 1904).

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Лакан Ж. О наслаждении // Семинары. Книга 20. Ещё. М., 2011.

⁸ Третьяков В. История сексуальности и понятия о ней в XX веке // Новое литературное обозрение. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2641> (дата обращения: 23.08.2015).

Однако для первой трети XX в. были характерны исследования не только психолого-медицинского толка, проблематика сексуального поведения тогда начала привлекать всё большее внимание и гуманитарных наук. В особенности это касается этнографии, ведь исследования антропологов наглядно демонстрировали различия в моделях сексуального поведения разных обществ, а, следовательно, – их искусственную природу. Так, в 1920-е гг. вышла работа английского антрополога Б. Малиновского о сексуальной жизни аборигенов Тробрианских островов⁹, а в 1930-е гг. исследовательница М. Мид описала интимную сторону жизни племён Новой Гвинеи¹⁰.

Однако лишь в середине XX в. накопленные знания о многообразии моделей сексуального поведения были обобщены в рамках сравнительно-этнографического исследования К. Форда и Ф. Бича «Паттерны сексуальности» (1951 г.), положившего начало широким статистическим и социологическим исследованиям. Одним же из крупнейших социологических исследований сексуального поведения по сей день остаётся двухтомный труд Альфреда Кинси («Сексуальное поведение мужчины» (1948 г.) и «Сексуальное поведение женщины» (1953 г.)), наиболее известный как «Отчёты Кинси», целью которого было не только изучение социальных, гендерных и индивидуальных вариаций сексуального поведения, но и проблемы методологии подобного исследования. Понимая сложность сбора материала по данной проблематике, А. Кинси занимался разработкой такого подхода, при котором интервьюируемый мог бы максимально откровенно рассказать о своих интимных переживаниях и фактах сексуальной жизни. Однако методология исследования по-прежнему оставалась одной из важных проблем сексологических исследований.

⁹ Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей северо-западной Меланезии // Избранное: динамика культуры. М., 2004. (1-е изд. 1929).

¹⁰ Мид М. Пол и темперамент в трёх примитивных обществах // Культура и мир детства. М., 1988. (1-е изд. 1935).

Если вплоть до 1960-х гг. развитие сексологии в различных отраслях науки происходило практически изолировано¹¹, то начиная с этого периода исследования приобрели известную междисциплинарность, по крайней мере, в рамках гуманитаристики. Это в значительной степени было связано с появлением научных трудов феминистского толка. Первой из таких работ, освещающих проблемы сексуального поведения, следует признать вышедшую ещё в 1949 г. книгу Симоны де Бовуар «Второй пол»¹². Будучи приверженкой философии экзистенциализма, С. де Бовуар выдвинула знаменитый тезис о том, что «женщиной не рождаются, женщиной становятся»¹³, следовательно, пол представлял для неё социальный конструкт, лежащий, к тому же, в основе гендерного угнетения. Следовательно, С. де Бовуар первой в рамках феминистской мысли предложила идею о социокультурной природе половых различий.

В последующие годы, вплоть до современности, вышел целый ряд разнонаправленных междисциплинарных работ, объединённых трактовками пола и сексуальности в подобном, социально-политическом ключе. На них следует остановиться несколько подробнее с целью выявления специфической междисциплинарной методологической базы диссертационного исследования.

В первую очередь, следует упомянуть о теории андрогинной личности, которая, сформировавшись окончательно к 1970-м гг., коррелирует с пониманием пола, свойственным для С. Бовуар. Данная теория нашла своё отражение в трудах С. Бем и К. Хейлбран, и суть её заключалась в представлении об идеальном человеке как о личности, сочетающей в себе и «мужские», и «женские» качества независимо от половой принадлежности¹⁴. При этом предполагалось, что представления о том, что есть «мужское» или «женское» не детерминированы, а

¹¹ Подробнее об этом см.: Кон И.С. Сексология...

¹² Бовуар С. Второй пол. Т. I, II. М.; СПб., 1997.

¹³ Там же. С. 310.

¹⁴ Красова Е.Ю. Андрогиния // Словарь гендерных терминов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/002.htm> (дата обращения: 24.03.2015).

искусственно сконструированы в контексте того или иного социума. Здесь следует отметить, что подобное же видение полового поведения ранее предлагал психолог К. Юнг, по мнению которого, изначально в каждом индивиду присутствуют как мужские, так и женские черты, однако культурные нормы и правила предписывают ему быть исключительно «мужчиной» или «женщиной», а социум осуществляет контроль над соответствующим сексуальным поведением индивида, обеспечивая тем самым его «одностороннее» развитие¹⁵. Данная идея стала важным шагом на пути к интерпретации сексуальности в социокультурном ключе.

К 1970-м гг. относится и одна из ключевых работ Гейл Рубин – «Обмен женщинами»¹⁶, где на основе обобщений этнографического материала о значении дара в архаичных культурах, брак в первобытном обществе был представлен ничем иным, как одной из форм обмена подарками, а женщина, следовательно, – своеобразным даром¹⁷. Таким образом, смысл брака, причём отнюдь не только первобытного, заключается, по её мнению, лишь в формировании новых социальных связей, в котором женщина играет пассивную, второстепенную роль.

Сексуальность у Г. Рубин также была показана культурно конструируемой категорией, лежащей в основе гендерного неравенства¹⁸. Предложив концепцию обмена женщинами, она пришла к выводу, что данное конструирование имеет целью сохранение мужского доминирования в обществе путём социального поощрения или даже навязывания его членам гетеросексуальных отношений¹⁹. Таким образом, запреты на андрогинность, би- или гомосексуальность,

¹⁵ Юнг К.Г. Анима и Анимус. [Электронный ресурс]. URL: <http://denort.inf.ua/read/ung/anima.htm> (дата обращения: 01.02.2015).

¹⁶ Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб., 2000. С. 89–140.

¹⁷ Там же. С. 102–103.

¹⁸ Рубин Г. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории социальных политик // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. 2001. С. 464–533. С. 465.

¹⁹ Рубин Г. Обмен женщинами... С. 108–109.

характерные не только для архаических культур, но и для «цивилизованного» новоевропейского общества, могут быть объяснены, по мнению Г. Рубин, боязнью деконструкции существующего гендерного и, следовательно, социального порядка.

Особую роль в оформлении социокультурной концепции сексуальности сыграли идеи Мишеля Фуко, сформировавшие в значительной степени взгляды постструктуралистской и постмодернистской школ на данную проблему. Сам М. Фуко видел в сексуальности некий конструкт, формируемый властью (причём власть для него – не какой-либо институт или структура, а сложная стратегическая ситуация в данном социуме²⁰, пронизывающая все его сферы), который служит для нормализации социума посредством воздействия на общественное сознание системы речевых практик о сексе («выведение в дискурс» секса²¹). В этом заключается ключевой момент философии М. Фуко: он «придаёт сексу форму дискурса»²².

Однако всё вышесказанное касалось лишь обществ, маркируемых им как «современные», причём в эту категорию он, очевидно, включал любые европейские общества с начала Нового времени по сегодняшний день, усматривая в них некую общую «экономику дискурсов о сексе внутри современных обществ, начиная с XVII века»²³.

Первый том своей «Истории сексуальности» М. Фуко открыл рядом типичных представлений о развитии «диспозитива сексуальности» в данный период: «ещё в начале семнадцатого века, говорят, была в ходу известная откровенность. Практики не нуждались в утаивании; слова говорились без чрезмерного умолчания, а вещи – без особой маскировки... Кодексы грубого, непристойного и

²⁰ Фуко М. Воля к знанию (История сексуальности, Т. I) // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 109.

²¹ Там же. С. 110.

²² Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/zb_fuko.php (дата обращения: 22.10.2014).

²³ Фуко М. Воля к знанию... С. 109.

неприличного были не такими уж и жесткими по сравнению с кодексами девятнадцатого века», когда сексуальность «конфискуется в пользу скрепленной браком семьи», а «секс окружают молчанием»²⁴. На сегодняшний же день «нас заставили-таки полюбить секс... сделали ценным всё, что о нём говорится... нам вменили в вину то, что мы так долго его не признавали»²⁵, и своего рода «индикатором и идеологом» данных трансформаций стал З. Фрейд²⁶. Далее же все эти утверждения он развенчал в своих рассуждениях о «гипотезе подавления»²⁷ (под ней М. Фуко подразумевал систему представлений, констатирующих репрессии сексуальности в новоевропейском обществе): «сексуальность вовсе не подавлялась в капиталистических и буржуазных обществах, но, напротив, наслаждалась там режимом постоянной свободы»²⁸.

В самой же широко распространившейся «критике подавления» он был склонен видеть лишь очередные «витки власти», новый уровень «умоуправления»²⁹, ведь, по мнению М. Фуко, подобную борьбу за сексуальное освобождение можно интерпретировать не только как «новый эпизод в смягчении запретов», но и как «более изощренную и более скрытую форму власти»³⁰, лишь заставляющую верить, что речь идёт о высвобождении сексуальности. Итак, М. Фуко, усматривая в любом дискурсе сексуальности функции подавления или, по

²⁴ Фуко М. Воля к знанию... С. 99.

²⁵ Там же. С. 271.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 107.

²⁸ Там же. С. 108.

²⁹ «В русскоязычной научной литературе термин Фуко “gouvernementalité” обычно переводят как “правительственность”. На мой взгляд, такой перевод значительно искажает смысл термина, поскольку теория Фуко касается микровластей, а “правительственность” делает излишний акцент на государственной власти, то есть власти более отвлеченного уровня. Между тем, предлагаемый русскоязычный вариант, “умоуправление”, позволяет включить именно те уровни анализа и сосредоточиться именно на тех модальностях власти, которые и предполагал автор этого понятия» (Кондаков А. Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России // Неприкосновенный запас. 2012. 5(85). С. 249–258. С. 258).

³⁰ Фуко М. Воля к знанию... С. 108.

меньшей мере, упорядочения половой сферы, трактовал его как некое тонкое орудие угнетения, которое используется с целью контроля и надзора за индивидом. Он не склонен был переоценивать «сексуальное освобождение», видя и в нём последовательную политику власти в отношении секса.

Ведя речь о проблематике сексуальности, мы, так или иначе, возвращаемся к наследию З. Фрейда. Как известно, его работы были подвергнуты жёсткой феминистской критике – не только как некий оплот консервативных с точки зрения феминизма идей, но и как фундамент для построения позднейших антифеминистских концепций³¹. В связи с вышесказанным, некоторое время феминистские авторы избегали обращаться в своих исследованиях к его работам, однако, уже в 70-е гг. Дж. Митчелл взяла на себя труд реабилитации психоанализа для феминистской научной мысли³². В своей работе «Психоанализ и феминизм» она сделала упор на роли бессознательного в конструировании сексуальности как комплекса действующих в социуме норм или моделей поведения. «Мы живём “понятиями” и неизбежными законами человеческого общества не столько сознательно, сколько бессознательно – и особой задачей психоанализа является расшифровка того, как мы наследуем эти понятия и законы человеческого сообщества через бессознательное нашей психики, или, выражаясь иначе, бессознательное – это и есть путь следования этим законам»³³. Таким образом, психоанализ в прочтении Дж. Митчелл не только сводит воедино сексуальность, бессознательное и социальные предписания конкретного общества, обосновывая тем самым социальную обусловленность сексуальной нормативности (в том числе и в современном обществе), но и призван в определённой степени «помочь» индивиду в противостоянии этой регламентации сексуального поведения.

Специфика женского сексуального поведения в данном ключе была рассмотрена Люси Иригарэ в вышедшей в 1977 г. работе «Пол, который не

³¹ См. об этом, напр.: Миллетт К. Политика пола. [Электронный ресурс]. URL: <http://accion-positiva.livejournal.com/106868.html> (дата обращения: 08.04.2015).

³² Лауретис Т. Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования. Ч. II... С. 28.

³³ Цит. по: Лауретис Т. Американский Фрейд... С. 28.

единичен»³⁴. Женская сексуальность в ней резко противопоставлена мужской, так как женщина у Л. Иригарэ – всегда «больше, чем одно», а её сексуальность определяется через понятия множественного, диффузного (для пояснения этого тезиса она использует метафору «двух губ»³⁵), в то же время, мужская сексуальность связана с понятием «одного», под которым понимается фаллос³⁶. Женственность плюральна, однако общество, управляемое мужчинами, навязывает ей мужскую, совершенно не характерную для неё модель сексуальности, построенную вокруг «одного». В результате женское желание трансформируется в продукт маскулинных представлений о сексуальности. Такого рода сексизм, по мнению автора, нуждается в изучении, целью которого должно стать некое «разоблачение» подобной завуалированной дискриминации и, как следствие, преодоление этой, якобы, единственно возможной модели наслаждения.

Вскоре после работы Л. Иригарэ вышла публикация Андреа Дворкин «Порнография. Мужчины обладают женщинами»³⁷, в которой проблема конструирования сексуальности и межполовых различий получила своё дальнейшее развитие. А. Дворкин во главу угла поставила «идеологию мужского превосходства» («самость»)³⁸, подразумевающую под собой детерминированность мужского доминирования в обществе. Эти представления на протяжении веков навязывались обществом и обществу (не трудно догадаться, каким здесь было распределение гендерных ролей). В статье подробно описаны различные формы мужского доминирования, среди которых выделяется право владеть – «брать всё, что угодно для того, чтобы поддерживать и улучшать

³⁴ Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II... С. 124–132.

³⁵ Там же. С. 128.

³⁶ Иригарэ Л. Указ. соч. С. 130.

³⁷ Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования. Ч. II...

³⁸ Там же. С. 202.

себя»³⁹. Оно распространяется и на женщин – как на один из «объектов» желания. Ведь, что касается сексуального насилия, по мнению автора, оно не только продолжает активно осуществляться – теперь, чаще всего, через брак, – но также оправдывается тем, что, якобы, насилие нравится женщине. В этой связи следует упомянуть и о такой выделяемой автором форме мужской власти как «власть именовать»: именно мужчина обладает правом называть, в том числе и женщину, которую он называет «так, как ему нравится»⁴⁰. Мир поименован мужчинами, в мужских категориях, и женщина также вынуждена использовать мужские мыслительные конструкты, использовать, по словам А. Дворкин, этот «мужской» язык «против себя»⁴¹. Можно сказать, что у А. Дворкин сексуальность включена в сложный комплекс гендерных политик, определяемых ей как политики подчинения, и основана на навязанных обществу фаллоцентристских представлениях.

Интересна также появившаяся в 1990 г. работа Ив Кософски Седжвик «Эпистемология чулана»⁴², посвященная проблеме преодоления уже не «фаллоцентристского», а «гетеросексистского» угнетения⁴³. Центральное место у И. Седжвик отведено проблеме «самораскрытия»⁴⁴ – «обнародования» гомосексуалистами своей сексуальной идентичности. Но эта проблема тесно вплетена в контекст представлений об обществе как о совокупности враждебно настроенных субъектов, характеризующихся высоким уровнем гомофобии, которая навязывается им властью. Очевидно, что здесь прослеживается взаимосвязь с идеей принудительной гетеросексуальности, предложенной Гейл Рубин.

³⁹ Дворкин А. Указ. соч.

⁴⁰ Там же. С. 202.

⁴¹ Там же.

⁴² Сэдджвик И. Эпистемология чулана // Введение в гендерные исследования. Ч. II... С. 182–198.

⁴³ Там же. С. 198.

⁴⁴ Там же. С. 185.

В 1992 г. увидела свет работа видного английского социолога Энтони Гидденса «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах»⁴⁵, в которой, характеризуя современную сексуальность, он описал её как уже сознательно культивируемую черту личности, некий ресурс, присущий любому индивиду. Для характеристики современных сексуальных практик он использовал такие категории как «чистые отношения»⁴⁶ (социальные отношения, существующие ради самих себя и лишь до тех пор, пока обе стороны заинтересованы в них), «любовь-слияние»⁴⁷ (отношения, предполагающие равный эмоциональный вклад в отношения и равную отдачу) и «пластическая сексуальность»⁴⁸ (интимные отношения, освобождённые «от репродуктивных потребностей» благодаря достижениям контрацепции⁴⁹), причём последней из них предано значение основного индикатора трансформаций, происходящих в сфере секса последние десятилетия. По его мнению – и в этом он дискутирует с М. Фуко, анализу идей которого в рассматриваемой работе посвящена одна из глав, – современная сексуальность характеризуется столь серьёзными изменениями, что её смело можно описывать в терминах сексуальной революции. «Мы не можем принять тезис Фуко о том, что существует более или менее прямой путь сквозного развития от викторианской «зачарованности» сексуальностью к более недавним временам... Кроме того, репрессия викторианской и последующей эпох была в некоторых отношениях слишком реальной, как могли бы подтвердить целые поколения тогдашних женщин»⁵⁰.

Итак, у Э. Гидденса одной из центральных категорий современной сексуальности стало понятие «сексуальной революции» и здесь, наряду с упомянутым уже «отделением про-креативной функции сексуальности от ре-

⁴⁵ Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.

⁴⁶ Там же. С. 150.

⁴⁷ Там же. С. 83.

⁴⁸ Там же. С. 31.

⁴⁹ Там же. С. 150.

⁵⁰ Там же. С. 50.

креативной», которое автор называет «поистине революционным фактом»⁵¹, одним из центральных оказывается также такое явление как «любовь-слияние», которое, по его мнению, становится возможным лишь по мере преодоления «двойного стандарта» сексуального поведения – как на уровне дискурса, так и на уровне практик. Таким образом, Э. Гидденс склонен и новоевропейскую, и другие «патриархатные» модели сексуальности описывать в терминах несвободы, социальной обусловленности и давления культурных норм, противопоставляя им нарождающуюся, новую модель, основанную на партнёрском отношении полов, и трактуя переход одного типа сексуальных отношений к другому в терминах «сексуальной революции».

К 1990-м гг. относятся и работы американского философа Джудит Батлер, утверждающей, что производство сексуальности всегда осуществляется через властный регулятивный аппарат, под которым понимается «принудительная гетеросексуальность», и с помощью которого, «осуществляется воспроизводство и нормализация мужского и женского»⁵². Она, можно сказать, сводит воедино концепции Г. Рубин и М. Фуко, но оппонирует последнему, ведь, если у него «гендерное регулирование» является частным примером «более масштабных регуляционных действий власти», то Дж. Батлер полагает, что гендер «нуждается в собственных, вполне самобытных и особых регулятивных и дисциплинарных режимах»⁵³. Кроме того она утверждает, что подобного рода принуждение существовало всегда, а не стало «изобретением» Нового времени, как это провозгласил М. Фуко.

На наш взгляд, приведённые выше идеи достаточно полно характеризуют эволюцию представлений об искусственном, социальном конструировании сексуальности и, в частности, женского сексуального поведения, характерных для

⁵¹ Гидденс Э. Указ. соч. С. 32.

⁵² Батлер Дж. Гендерное регулирование. [Электронный ресурс]. URL: http://www.feminismru.org/publ/stati_zarubezhnykh_avtorov/dzhudit_batler_gendernoe_regulirovanie/8-1-0-133 (дата обращения: 22.12.2014).

⁵³ Там же.

западных постструктуралистских и феминистских текстов. Как видим, так или иначе, в центре внимания авторов оказываются, в первую очередь, нормы и правила интимных отношений, воспроизводимые социумом не столько на уровне законодательных и иных нормативных актов, сколько в контексте комплекса морально-этических норм или «общественного мнения», действующей системы табу или принятого в обществе дискурса, то есть с точки зрения представлений о дозволенном. Такая политика нацелена на воспитание – через нормализацию сексуальности, и, в целом, приватной сферы – «удобных» членов социума, причём, как правило, в результате этого женщине навязывается «мужская» система представлений о собственной и чужой сексуальности, что в конечном итоге влечёт за собой конфликт между женскими сексуальными потребностями, практиками, основанными на мужских представлениях и желаниях, и дискурсом сексуальности, строго определяющим границы легитимности в рамках данного социума.

Что же касается исследований сексуальности в нашей стране, то изначально они шли параллельно с западными: велись наблюдения (в основном, практикующими медиками) и даже проводились первые социологические опросы (уже в 1903–1904 гг. М.А. Членовым был проведён социологический опрос 2150 студентов Московского университета с целью выявить нормы сексуального поведения⁵⁴), переводились и зарубежные работы – вплоть до 1930-х годов, когда ввиду идеологического запрета подобной проблематики, развитие данной области знания фактически прекращается⁵⁵.

Временем возобновления исследований в этом направлении следует считать 1960-е гг., когда появляются первые работы крупнейшего по сей день отечественного исследователя сексуальности И.С. Кона⁵⁶, выведшего данную

⁵⁴ Подробнее об этом см.: Кон И.С. Сексология...

⁵⁵ Кондаков А. Человек и гражданин... С. 249.

⁵⁶ Кон И.С. Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966, № 12, С. 64–77; Его же. Секс, общество, культура // Иностранная литература, 1970, № 1. С. 243–255; Его же. Психология юношеской сексуальности // Советская педагогика. 1976. № 5. С. 66–75; Его же.

проблематику на междисциплинарный уровень, и С.И. Голода⁵⁷, с 1960-х по 90-е гг. проводившего не имеющие аналогов в отечественной социологии опросы по проблемам сексуального поведения и сексуальной морали⁵⁸.

70-е гг. XX в. характеризуются деятельностью психиатра-сексопатолога Г.С. Васильченко, под руководством которого в 1973 г. был создан Всесоюзный научно-методический центр по вопросам сексопатологии⁵⁹, изучение же «нормальной» сексуальности, в противовес патологии, по-прежнему продолжало оставаться под негласным идеологическим запретом.

По большому счёту, ситуация в отечественной науке меняется лишь в 1980-е гг., а особый всплеск интереса к сексологическим исследованиям происходит в 1990-е – 2000-е гг., когда на русский язык переводятся западные исследования в данной области, начинают выходить учебные пособия и хрестоматии, а также издаются многочисленные работы отечественных учёных⁶⁰, в частности, именно в этот период в нашей стране впервые выходят основные труды И.С. Кона⁶¹ и С.И. Голода⁶².

Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 47–57; Его же. О социологической интерпретации сексуального поведения // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 113–122 и мн. др.

⁵⁷ Голод С.И. Социологические проблемы сексуальной морали. Автореф. канд. дисс. Л., 1968; Голод С.И. Социологические проблемы сексуальной морали. Автореф. канд. дисс. М., 1969 и др.

⁵⁸ См.: Голод С.И. Социологические проблемы сексуальной морали...

⁵⁹ Кон И.С. Сексология...

⁶⁰ См. напр.: Секс и эротика в русской традиционной культуре: Сб. ст. / сост. А.Л. Топорков. М., 1996; Семья, гендер, культура. Материалы международных конференций 1994 и 1995 гг. М., 1997; Женщина. Гендер. Культура: Сб. ст. / под ред. З.А. Хоткиной, Н.Л. Пушкаревой, Е.И. Трофимовой. М., 1999; Мишель Фуко и Россия: Сб. ст. / под ред. О. Хархордина. СПб., 2001; Гендерный калейдоскоп: Сб. ст. / под ред. М.М. Малышевой М., 2001; В поисках сексуальности: Сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб., 2002; О муже(Н)ственности: Сб. ст. / сост. С. Ушакин. М., 2002 и др.

⁶¹ Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1988; Его же. Сексуальная революция – что ждёт нас завтра? // Труд. 4 июля 1991; Его же. О русском сексе // Столица. 1991. № 11–12; Его же. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1995; Его же. Сексуальная революция в России // Семья, гендер, культура...; Его же. Сексология: Учебное пособие для

По словам И.С. Кона, три основных направления изучения сексуальности – биолого-медицинское, психологическое и социокультурное – образуют некий треугольник, внутри которого и ведутся современные исследования сексуальности⁶³, однако, при подобной междисциплинарности наблюдается всё же известное смещение акцентов с упрощённых биолого-медицинских моделей в пользу более тонких социокультурных построений. Сам факт «воздействия социальных сил на тело, желание и идентичность»⁶⁴ личности сегодня уже практически не вызывает возражений, но подобная трактовка, как и утверждающееся в последние годы понимание многообразия проявлений сексуальности и индивидуальностей её носителей, повышает требования к методологии сексологических исследований.

В постперестроечной российской гуманитаристике формирование междисциплинарной методологической базы исследований сексуальности было продолжено в рамках гендерных исследований. Изучая те или иные аспекты истории повседневности и «женской» истории, исследователи вынуждены были одновременно разрабатывать и соответствующую методологию. В первую очередь среди такого рода работ следует назвать исследования Н.Л. Пушкаревой, заложившей основу гендерных изысканий в отечественной науке⁶⁵ и в то же

студентов высших учебных заведений. М., 2004; Его же. Вкус запретного плода: Сексология для всех. М., 1997 и др.

⁶² Голод С.И. Личная жизнь, любовь, отношения полов. Л., 1990. Его же. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996; Его же. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998; Его же. Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. М., 2005; Его же. Сексуальная эмансипация женщин и проблема Другого. URL: <http://www.jourssa.ru> (дата обращения: 01.03.2014) и др.

⁶³ Кон И.С. Сексология...

⁶⁴ Третьяков В. Указ. соч.

⁶⁵ Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6; Её же. История частной жизни в России глазами российских и зарубежных историков // Отечественная история. 1998. № 3. С. 208–213; Её же. Гендерный подход в исторических науках: рождение, методы, перспективы // Женщина. Гендер. Культура / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Е.И. Трофимова, З.А. Хоткина. М., 1999. С. 14–28; Её же. Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. Вып. 3. Харьков, 2000. С. 166–187; Её же.

время уделившей немалое внимание проблематике женской сексуальности в России⁶⁶. Также, опираясь в известной степени на работы западных коллег и классиков феминистской теории, разработкой гендерной методологии занимались такие исследовательницы как историк Л.П. Репина⁶⁷, философ И.А. Жеребкина⁶⁸, социологи Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина⁶⁹ и Е. Гапова⁷⁰ и др. Благодаря их

Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Ч. I / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб., 2001. С. 277–312; Её же. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Женская повседневность в России в XVIII–XX вв.: Материалы международной научной конференции 25 сентября 2003 г. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2003. С. 3–11; Её же. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007 и др.

⁶⁶ Пушкарева Н.Л. Между «великим грехом» и «удовольствием»: интимная жизнь женщины в Старой Руси // Социум. 1995. 3 6(49). С. 32–39; Её же. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 51–103; Её же. Интимные переживания и интимная жизнь женщин в XVI–XVII вв. // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 205–226; Её же. «Огонь естественный» или «грех поганый»? Источники по истории сексуальной этики и эротики в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) // «А се грехи злые, смертные...» Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М., 1999. С. 5–13; Её же. «Како се разгоре сердце мое... и тело мое до тебе...»: Любовь в частной жизни человека средневековой Руси по ненормативным источникам // «А се грехи злые, смертные...»... С. 507–516; Её же. «Не мать велела – сама захотела»: Интимные переживания и интимная жизнь россиянок в XVIII в. // «А се грехи злые, смертные...»... С. 612–627; Её же. «Мед и млеко под языком у нее» (Женские и мужские уста в церковном и светском дискурсах России X - начала XIX в.) // Тело в русской культуре / сост. Г.И. Кабакова, Конт Ф. М., 2005. С. 78–101; Её же. Рот и губы в интимной жизни наших предков // Секс и мы. 2004. № 2. С. 31–38; Её же. «Устне твои сот искаплют...» (Опыт феминистского прочтения нарративов XII–XIX вв., описывающих женский рот) // Гендерные исследования. Вып. 9. Харьков, 2003. С. 253–276 и др.

⁶⁷ Репина Л.П. Выделение частной сферы как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 20–32; Её же. История женщин сегодня: Историографические заметки // Человек в кругу семьи... С. 35–73. Её же. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. Вып. 2. С. 76–100 и др.

⁶⁸ Жеребкина И.А. «Прочти моё желание...»: Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М., 2000; Её же. Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности // Введение в гендерные исследования. Ч. I... С. 49–80.

⁶⁹ Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения) // В поисках сексуальности... С. 7–23; Их же. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч. I... С. 147–173 и др.

разработкам была сформирована междисциплинарная исследовательская база, позволяющая изучать проблемы пола и сексуальности в социокультурном русле, в частности, в ретроспективе.

Если вести речь непосредственно о сексуальном поведении российской дворянки, отдельные аспекты данной темы уже попадали в поле зрения исследователей, что нашло отражение в целом ряде публикаций. Пожалуй первым, кто затронул в своих исследованиях аспекты женской дворянской повседневности, имеющие отношение к её сексуальному поведению, стал Ю.М. Лотман, в поле научных изысканий которого попали феномен «женского письма»⁷¹, особенности женского воспитания⁷² и дворянская танцевальная культура⁷³ XVIII – начала XIX в.

Н.Л. Пушкарева в целом ряде статей описала сферу чувств и интимных переживаний российских женщин XVIII – начала XIX в. по женским автобиографиям⁷⁴, проанализировала специфические практики флирта⁷⁵, характеризовавшие межполовое общение российского дворянства.

⁷⁰ Гапова Е. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. Ч. I... С. 370–390; Её же. Кейт Миллет: личное как политическое // Неприкосновенный запас. 2008. № 4 (6). С. 250–252; Её же. Полный Фуко: тело как поле власти // Неприкосновенный запас. 2011. № 2 (76) С. 69–75 и др.

⁷¹ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lot/lot-472-.htm> (дата обращения: 26.08.2015); Его же. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2006. С. 48–49.

⁷² Его же. Беседы о русской культуре... С. 50–51, 54–56, 60, 78–88 и др.

⁷³ Там же. С. 92–98.

⁷⁴ Пушкарева Н.Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 55–70; Её же. Мир чувств русской женщины XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С.17–31; Её же. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1997. № 6; Её же. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре до и после великих реформ XIX века // Вестник пермского университета. Серия история. 2013. № 1. С. 43–55.

⁷⁵ Пушкарева Н.Л. «Милый Алексей Николаевич» (флирт и любовь русского дворянина начала XIX века) // Родина. 1996. № 3. С. 67–73; Пушкарева Н.Л., Экштут С.А. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина начала XIX века // Человек в кругу семьи... С. 178–204; Их

Особо следует сказать об исследованиях ученицы Н.Л. Пушкаревой А.В. Беловой, посвящённых комплексному исследованию повседневной жизни российских провинциальных дворянок XVIII – первой половины XIX в.⁷⁶, в частности, проблемам женского воспитания⁷⁷, непосредственно влияющего на формирование системы ценностей и психологических установок, а также

же. «Cherchez la femme!» (Дневники А.Н. Вульфа как источник по истории русской эротической культуры начала XIX в.). «А се грехи злые, смертные...»... С. 681–712.

⁷⁶ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. СПб., 2010; Её же. Женщина дворянского сословия в России конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии). Автореф. канд. дисс. М.: РГГУ, 1999; Её же. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе. 2004. № 1/2 (30–31). С. 72–82; Её же. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97; Её же. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 5–14; Её же. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.). Автореф. докт. дисс. М., 2009 и др.

⁷⁷ Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / Отв. ред. В.И. Успенская. Тверь: ТвГУ, 2000. С. 32–44; Её же. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31; Её же. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68–74; Её же. Уездные «абитуриентки»: приём провинциальных дворянок в столичные институты // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей под общей редакцией В.И. Успенской. Тверь, 2002. Вып. 2. С. 212–228; Её же. Роль няни в православном воспитании дворянских девочек в России XVIII – середины XIX в. // Культурно-исторические традиции православия: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Третьи пюхтицкие чтения». Куремея, Эстония, 2014. С. 140–147.

восприятию дворянскими девушками собственной телесности, сексуальности⁷⁸ и любовного чувства⁷⁹.

Сексуальность образованной женщины второй половины XIX – начала XX в. описана в работах И.А. Жеребкиной, рассматривающей феномен женского сексуального поведения через понятие истерии⁸⁰. Проблема социального конструирования телесности⁸¹ и физиологические аспекты женской сексуальности⁸² в пореформенной России нашли своё отражение в работах Н.А. Мицюк.

В исследованиях этих авторов проблема сексуальности российской знатной женщины обрела конкретно-историческое звучание, однако она по-прежнему остаётся недостаточно изученной, ведь многие аспекты сексуального поведения российской дворянки ещё не изучались.

⁷⁸ Её же. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4 (41). С. 45–63; Её же. Белова А.В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 3–18; Девичество в российской дворянской семье XVIII – середины XIX в. // Род и семья в контексте тверской истории: Сборник научных статей / Отв. ред. Т.И. Любина, В.В. Чижова. Тверь, 2006. Вып. 2. С. 25–47.

⁷⁹ Браки российских дворянок XVIII – середины XIX в.: между социальным принуждением и любовью // «Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем»: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 1–3 ноября 2010 года, Череповец; М., 2010. Т. 1. С. 106–112.

⁸⁰ Жеребкина И.А. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России // Гендерные исследования / ХЦГИ. Харьков. 1998. № 1. С. 155–209; Её же. Между желанием и наслаждением: женская сексуальность в русской культуре на рубеже XIX – XX вв. // В поисках сексуальности...; Её же. Подчиниться или погибнуть: парадоксы женской субъективации в русской культуре конца XIX века // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 164–171.

⁸¹ Мицюк Н.А. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. Том 13. № 1. С. 21–32; Её же. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 17–28.

⁸² Средства контрацепции в повседневной жизни российских дворянок на рубеже XIX–XX веков // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 2. С. 49–68.

В итоге можно сделать вывод, что за сто с лишним лет существования сексологических исследований данное направление прошло путь научного становления – от первых описаний сексуальных девиаций к системе представлений о сексуальной сфере человеческого бытия как культурно обусловленной и социально контролируемой категории. Интерес к теме существовал всегда, но временами он искусственно гасился идеологическими запретами. При этом нормы и практики сексуального поведения российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. – как часть общей проблемы сексуальной культуры России указанного времени – изучались не системно и не специально. Комплексный анализ этой историко-этнографической темы в контексте социокультурной концепции сексуальности и поставлен в центр данного диссертационного исследования.

Цель диссертации – исследование сексуального поведения российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. Для её достижения в диссертации решались следующие исследовательские **задачи**:

1) выявить специфику мужских и женских речевых практик, способов «говорения» о сексуальной сфере жизни, характеризующих российскую дворянскую культуру в целом;

2) изучить феномен «женского письма» и способы саморепрезентации образованной россиянки конца XVIII – середины XIX в. для понимания особенностей дискурса сексуальности, строгости запретов и возможностей их обойти;

3) исследовать конкретные воспитательные стратегии в гендерном разрезе, степень и формы их влияния на формирование норм и практик сексуального поведения дворянки;

4) определить гендерную специфику характерных для дворянства морально-нравственных установок и проанализировать основные аскриптивные гендерные характеристики, формируемые под их влиянием;

5) выявить гендерную составляющую представлений о чести в российской дворянской культуре и её взаимосвязь с сексуальным поведением российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.;

6) обозначить визуальные характеристики «нормативной женственности», определить степень и описать механизмы следования «нормативному канону» женской красоты;

7) оценить место флирта в жизни российской дворянки и динамику изменений его роли в зависимости от её возрастного и социального статуса;

8) выявить легитимные практики межполового общения, принятые в светском обществе дореформенного периода и определить их место в женской дворянской повседневности конца XVIII – середины XIX в.

Источниковая база исследования. Проблему сексуальности российской дворянки можно назвать псевдоочевидной, ведь хрестоматийная русская литература, представленная мужчинами-авторами, изобилует женскими образами, знакомыми многим. «Мужская» классическая литература важна для изучения повседневности и всей российской дворянской культуры, но не менее важно обнаружить именно женский взгляд на свою и чужую сексуальность.

Сложность изучения такого аспекта жизни дворянки заключена в существенной специфике самого общественного дискурса рассматриваемого времени, ведь общепринятые речевые практики дворянской среды в России первой половины XIX в., как, впрочем, и на Западе, практически полностью исключали публичное обсуждение вопросов, связанных с жизнью тела. В особенности это касается женских эгодокументов, столь важных для понимания этой сферы интимной жизни.

В данной работе к исследованию привлечены и женские, и мужские автодокументальные тексты, произведения художественной литературы, написанные как мужчинами, так и женщинами, приобщены и аналогичные источники более позднего времени, позволяющие проследить динамику ослабления запретов на обсуждение сексуального поведения и оценить их

строгость в интересующий нас период. К анализу привлечён эмпирический материал разного типа и вида, как архивные, так и опубликованные документы. Архивные материалы собраны, главным образом, в двух центральных архивах: Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА Москвы) и Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). В научный оборот введено около 100 малоизвестных и никогда не публиковавшихся ранее женских писем из 27 дел, хранящихся в 9 фондах. Более 30 из них написаны по-французски и приводятся в диссертации в авторском переводе.

Помимо указанных писем, в основу диссертации легли иные *источники личного происхождения*, как автокоммуникативные (дневники), так и документы межличностной коммуникации (воспоминания и письма), представляющие особый интерес, так как они фиксируют повседневный жизненный опыт сквозь призму индивидуальных, личных чувств и переживаний людей прошлого. *Художественная литература* как вид исторического источника представлена женскими⁸³ и мужскими⁸⁴ произведениями художественной литературы конца XVIII – середины XIX в. Серьезным подспорьем в реконструкции «идеального» женского поведения с точки зрения как православной, так и светской этики оказались *нарративные источники* назидательного содержания – нравоучения, сборники моральных правил, поучительная и педагогическая литература⁸⁵.

⁸³ Ростопчина Е.П. Поединок // Дуэль. Повести русских писателей / сост., вст. ст. Н.П. Утехина; посл. В.В. Дорошевича. М., 1990. С. 134–194; Жукова М.С. Дача на Петергофской дороге [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml (дата обращения: 13.05.2015); Ган Е.А. Идеал [Электронный ресурс]. URL: <http://fb2.booksgid.com/content/55/elena-gan-ideal/1.html> (дата обращения: 14.09.2015) и др.

⁸⁴ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения. В 3-х т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М., 1986. С. 186–354; Лермонтов М.Ю. Княгиня Лиговская // Сочинения в 2-х т. М., 1970. Т. 2. Драммы и проза. С. 506–572; Соллогуб В.А. Большой свет // Дуэль. Повести русских писателей... С. 194–262 и мн. др.

⁸⁵ Грасиан-и-Моралес Б. Придворной человек. СПб., 1742; Ле Нобль Э. Светская школа, или Отечественное наставление сыну об обхождении в свете. СПб., 1761; Монкриф Ф. Опыт о надобности и средствах нравиться. М, 1788; Третьяковский В.К. Истинная политика знатных и благородных особ. 3-е изд. СПб., 1787; Трельч К. Женская школа, или Нравоучительные правила для наставления прекраснаго пола как оному в свете разумно себя вести. М, 1773.

Привлечение материалов русской живописи (*визуальные источники*) позволило придать картине женской дворянской повседневности нужную глубину и объемность, без них трудно было бы понять духовную и телесную жизнь женщин разных возрастов, их представления о красоте и соответствии времени и моде, степени раскованности их поведения, о языке жестов и тела, умении «демонстрировать» себя.

Методология и методы исследования

Разработка проблематики сексуальности предполагает использование целого ряда как исторических, так и общегуманитарных методов и методологических подходов. Подробно методологические основы исследования будут описаны в первой главе, ввиду их особой значимости для данной проблематики.

В диссертации были применены общегуманитарные методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, а также следующие исторические методы научного исследования: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и историко-биографический.

Сравнительно-исторический метод был применён при выявлении специфических форм и черт российской дворянской повседневности – женской в противовес мужской, дворянской в противовес «народной» и т. д.

Проблемно-хронологический метод позволил выявить не только эволюцию сексуального поведения на разных этапах жизненного цикла знатной женщины, но проследить динамику изменений в сексуальном поведении дворянки на протяжении всего рассматриваемого периода.

Применение историко-биографического метода обусловлено спецификой источниковой базы исследования (чему уделено особое внимание в § 2 первой главы).

В исследовании реализованы подходы исторической антропологии, социальной истории, истории повседневности, гендерной истории. Первый из перечисленных (подход исторической антропологии) предполагает взгляд на

исторический процесс как на историю отдельных личностей, которые в нём участвуют. Причём, речь идёт не только об «исторических личностях», но и о «маленьких людях», роли которых долгое время не придавалось должного значения. Подход социальной истории как истории взаимодействий людей в обществе позволяет изучить сексуальное поведение дворянки через призму «табу» и запретов, налагаемых обществом с целью её нормализации, а нам же помогающих выявить грань между нормой и девиацией, чтобы понять границы «дозволенного» в сексуальной культуре российского дворянства. Подход истории повседневности, предполагающий взгляд на исторический процесс как на «историю “изнутри”»⁸⁶, помогает взглянуть на процессы и явления глазами конкретного их участника или участницы. Подход гендерной истории призван вскрыть механизмы формирования отношений власти и подчинения, половой дифференциации и стратификации общества.

Работа построена также на принципах системности (учета одновременного действия в историческом процессе многообразных факторов: объективных и субъективных, локальных, региональных и многих других), комплексности (опоры на всю совокупность источников для выяснения причин явлений), историзма (исследование исторических явлений в их постоянном развитии и видоизменении). Считаю важными для своей работы и различные методы изучения истории частной жизни, например, комплексное рассмотрение действий и переживаний индивида в частной сфере как неразрывно связанной с изучением ментальных стереотипов эпохи.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что комплексное историко-этнографическое исследование сексуального поведения российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. в российской историографии ранее не предпринималось. Не ставилась ранее и задача разработать особую методику «считывания» дискурса сексуальности в текстах, созданных представителями российского дворянства. Для решения поставленных задач

⁸⁶ См.: Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки... С. 9.

впервые в российской и мировой науке в научный оборот введены ранее не публиковавшиеся и исследовавшиеся источники личного происхождения (письма российских знатных женщин конца XVIII – середины XIX в.), которые в рамках данного исследования впервые переведены с французского на русский язык и опубликованы.

Научная и практическая значимость диссертации. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в рамках вузовского преподавания отечественной истории конца XVIII – первой половины XIX в., истории отечественной культуры, а также гендерной истории. Кроме того, они могут быть полезны при написании научных работ по истории российской дворянской повседневности и частной сферы жизни российского дворянства, которые изучены ещё в недостаточной степени.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были апробированы в 19 печатных статьях, 3 из них – в научных периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Также положения данной диссертации прошли публичную апробацию на 9 научных конференциях, семинарах, круглых столах: выступление 26 июня 2012 г. на Седьмой научно-практической конференции Молодёжного научного общества г. Москвы с докладом «Сексуальность российской дворянки XVIII – середины XIX в.: специфика изучения»; выступление 5 октября 2012 г. на Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен» (г. Тверь) с докладом «Женская сексуальность в российской дворянской культуре: актуальность изучения»; выступление 15 марта 2013 г. на Международной научной конференции «Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII – XXI вв.)» (г. Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина) с докладом «Дружба с августейшей особой в контексте повседневности российской дворянки во второй половине XVIII в.»; выступление 16 мая 2013 г. на XVII Всероссийской научно-теоретической конференции «Личность в политических, экономических и

культурных процессах российской истории» (г. Москва, РУДН) с докладом «Сексуальность в российской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX в.: методология изучения в контексте истории повседневности»; выступление 23 мая 2013 г. на Второй межрегиональной научно-теоретической конференции «Светское образование и духовная миссия: исторический опыт в условиях современности» (г. Тверь, ТвГУ) с докладом «Особенности домашнего воспитания российской дворянки в конце XVIII – первой половине XIX века»; выступление 2 июля 2013 г. на X Конгрессе этнографов и антропологов России (г. Москва, РАН) с докладом «Флирт в жизни благородных горожан и горожанок конца XVIII – середины XIX в.»; выступление 27 ноября 2013 г. на Общероссийской научно-практической конференции Института непрерывного профессионального образования «Непрерывное профессиональное образование в России: проблемы, задачи, перспективы» с докладом «Изучение сексуальности в контексте отечественной истории (на примере дворянства конца XVIII – начала XIX века»); выступление 10 октября 2014 г. на Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН «Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем» (г. Рязань) с докладом «Специфика дискурса сексуальности в российской дворянской среде конца XVIII – первой половины XIX в.»; выступление 24 декабря 2014 г. на Международной конференции молодых учёных «Антропология города. Молодёжные аспекты» с докладом «Категория «девичьей чести» в повседневной культуре российского столичного дворянства конца XVIII – середины XIX в.» (г. Москва, ИЭА РАН).

Структура диссертационной работы определяется поставленными целью и исследовательскими задачами. Работа делится на введение, три главы, разбитые на параграфы, заключение, список источников и литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ВОПРОСЫ ЖЕНСКОЙ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РОССИЙСКИХ ЭГОДОКУМЕНТАХ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

§ 1. Особенности «говорения» на сексуальные темы в российской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX в.: гендерная составляющая

Проработка ряда трактовок понятия «дискурс сексуальности», созданных в рамках постструктуралистской, постмодернистской, феминистской и постфеминистской научной мысли, позволяет определить его как речевой процесс (устный или письменный, причём последний особенно значим для нас, так как, во-первых, конец XVIII – середина XIX в. является для дворянства периодом массового письменного общения, а во-вторых, в связи с тем, что источники позволяют выявить, в первую очередь, именно его), в результате которого создаётся система представлений о сексуальности, характерная для того или иного общества. Безусловно, в ходе формирования дискурса сексуальности происходит определённая догматизация сексуальной сферы человеческого бытия, и представления о ней приобретают нормативный характер. Причем очевидно, что дискурс представляет собой не только некую базу для формирования моделей сексуальности, но и их последующее отражение в тексте, следовательно, в одно и то же время порождает нормы и практики сексуального поведения и сам же является их результатом.

По мнению М. Фуко, в ходе исторического развития осуществляемый в обществе контроль за сексуальной сферой приобретает всё более и более изощрённые формы – вплоть до современности: «власть стремится к максимальному контролю над личностью и осуществляет его с помощью всё

более тонких механизмов»⁸⁷. Он называет данные механизмы «полиморфными техниками власти» и считает изучение принципов их действия приоритетной исследовательской задачей, ведь зачастую они тщательно завуалированы и могут быть представлены не только «отказом, заграждением, дисквалификацией», но и, наоборот, «побуждением, интенсификацией»⁸⁸ сексуального поведения. Однако, по его мнению, подобный дискурсивный контроль стал возможен лишь в процессе «формирования и консолидации современных социальных институтов»⁸⁹, когда «надзор» за населением переходит на качественно новый уровень и становится «внутренним»⁹⁰, то есть осуществляется через самоконтроль индивида на основании общепринятых морально-этических норм. Начало этих процессов он усматривает в формировании «новоевропейского общества» и датирует XVII в., когда происходит «открытие сексуальности», то есть она впервые осознаётся как дискурс; окончательно же она становится фактом сознания лишь к концу XVIII в.⁹¹ – таким образом, о дискурсе сексуальности можно сказать словами Ж. Бодрийяра: «это складка, с которой наше сознание свыклось не так давно»⁹².

Если в буржуазных европейских обществах данные процессы протекают с XVII в., то для нашей страны их хронологические рамки смещены и связаны с заимствованием западных культурных ценностей в первой четверти XVIII в.⁹³ Однако, как известно, даже в конце XVIII – середине XIX в. полного перехода к капиталистическому обществу в нашей стране не происходит, хотя, начавшийся в 1810-е гг. промышленный переворот и повлёк за собой существенные подвижки в развитии как общественной мысли, так и индивидуального самосознания, что выразилось, в частности, в появлении неординарных женских личностей,

⁸⁷ Фуко М. Воля к знанию... С. 109.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Гидденс Э. Указ. соч. С. 48.

⁹⁰ Фуко М. Воля к знанию... С. 111.

⁹¹ Там же.

⁹² Бодрийяр Ж. Указ. соч.

⁹³ Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 46.

стремительном усилении рефлексии и развитии самостоятельного «женского письма», а также в активном включении женщин в публичную сферу жизни⁹⁴. В связи с этим рассматриваемый период следует охарактеризовать как переходный, когда продолжают господствовать традиционные, феодальные ценности, в рамках которых сексуальность индивида служит «задаче укрепления его семейных, родственных и иных социальных связей»⁹⁵, но уже, в ходе тесных культурных контактов образованного российского общества с Западной Европой, постепенно воспринимаются и буржуазные: «переоценка ценностей в пользу частной сферы»⁹⁶, «плюрализация и индивидуализация» жизненных стилей⁹⁷, моделей поведения и проявлений чувственности, стремление к самостоятельному выбору брачного партнёра и т. д.

В своей работе «Трансформация интимности» Э. Гидденс, ведя речь о происходящей последние десятилетия «сексуальной революции», выделяет смену «традиционной» модели сексуального поведения на «нетрадиционную» в качестве ключевого фактора данного процесса⁹⁸, а отечественный историк-гендеролог М.Г. Муравьёва, аккумулировав представления ведущих исследователей на этот счёт, обозначила две данные модели как, соответственно, «двойственная» и «единая» модели сексуального поведения, дав каждой из них ёмкую характеристику⁹⁹. «Единая модель», подразумевающая «существование одинакового желания как в мужчинах, так и в женщинах» и, следовательно, равенство норм мужского и женского сексуального поведения, по её словам,

⁹⁴ Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 9.

⁹⁵ Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 45.

⁹⁶ Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни... С. 9.

⁹⁷ Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 46.

⁹⁸ Гидденс Э. Указ. соч. С. 67.

⁹⁹ Муравьёва М.Г. История сексуальности // Словарь гендерных терминов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/094.htm> (дата обращения: 02.12.2014).

господствовала в Европе вплоть до начала XVIII в.¹⁰⁰ С этого времени (а зачастую и по сей день¹⁰¹) распространена «двойственная» модель, предполагающая совершенно различное сексуальное поведение женщины и мужчины: «мужчины находятся в рамках идеологии либертинизма, они имеют полную сексуальную свободу, они обязаны иметь гипертрофированную сексуальность и пользоваться ею. Женщинам здесь отводится роль контролера морального климата общества, причём женщина должна контролировать не только своё желание, но и желание мужчины недопуская его до своего тела»¹⁰². Несмотря на то, что в данной статье автор, в первую очередь, обращается к опыту Западной Европы, эти утверждения справедливы и для российской действительности XVIII – середины XIX в., где влияние «православного гендерного порядка»¹⁰³ усилившихся в XV в., повлекло за собой окончательное установление «двойственной модели» уже к XVII в.¹⁰⁴, то есть даже раньше, нежели это происходит в Европе. Очевидно, «двойственная модель» представляет собой не что иное, как часть патриархального гендерного порядка в ситуации установления дискурсивного контроля над сексуальной сферой в российской действительности.

Проблема двойственности морально-этических норм чрезвычайно остро стоит для дворянского общества конца XVIII – первой половины XIX в. Изучение женских и мужских текстов, принадлежащих дворянской культуре (как личного происхождения, так и литературных) и их соотнесение явно демонстрируют разницу мужского и женского письма. С особой остротой, на наш взгляд, это проявляется, когда речь идёт о вопросах полового поведения и сексуальности. Для нас в данном параграфе важно выявить специфику мужских и женских речевых практик о сексуальной сфере жизни, характерную для российской дворянской культуры.

¹⁰⁰ Муравьёва М.Г. История сексуальности...

¹⁰¹ Гидденс Э. Указ. соч. С. 38–39.

¹⁰² Муравьёва М.Г. Указ. соч.

¹⁰³ Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни... С. 4–5.

¹⁰⁴ Там же.

В «Порядке дискурса» М. Фуко говорит о некой «исключительности» субъекта дискурса или о «прореживании говорящих субъектов»¹⁰⁵. По его мнению, индивиду, чтобы совершить речевой акт, необходимо удовлетворять определенным требованиям, ведь «не все области дискурса одинаково открыты и проницаемы; некоторые из них являются в высшей степени запретными... в то время как другие кажутся... предоставленными, без какого бы то ни было предварительного ограничения, в распоряжение любого говорящего субъекта»¹⁰⁶. Цель подобного контроля – «нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности»¹⁰⁷. Для этого, по словам М. Фуко, в современных обществах используется три неких «процедуры исключения», из которых наиболее очевидная – это запрет: «нам хорошо известно, что говорить можно не всё, говорить можно не обо всём и не при любых обстоятельствах, и, наконец, что не всякому можно говорить о чём угодно»¹⁰⁸. Наиболее же «уплотнена» данная система запретов по сегодняшний день лишь в двух областях – сексуальности и политики¹⁰⁹, что демонстрирует значимость каждой из них при установлении взаимоотношений власти и подчинения.

В мужских текстах – как литературных, так и личного происхождения – со второй половины XVIII в. широко распространяется тенденция к выражению своих чувств, появляется и культивируется понятие «влюблённость», равно как и развивается соответствующий дискурс¹¹⁰. Так, согласно с требованиями сентиментализма, пишутся не только литературные произведения, но и мемуары: «...сердце было во мне не топорной работы, а рождено было уже с нежнейшими

¹⁰⁵ Фуко М. Воля к знанию... С. 69.

¹⁰⁶ Там же. С. 69–70.

¹⁰⁷ Там же. С. 70.

¹⁰⁸ Там же. С. 51–52.

¹⁰⁹ Там же. С. 52.

¹¹⁰ Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 85.

чувствованиями»¹¹¹; «мы... только любовались друг другом, не переставали уверять в[о] [в]заимной непоколебимой любви, и запечатлевали поцелуями»¹¹²; «мать с дочерью уехали, но последняя осталась неисходною в сердце»¹¹³ и т. д. С этих пор выражение разнообразных «чувствований» для дворянина становится нормой, всё более значительное место начинает уделяться описаниям любовных переживаний, и, в связи с этим, их «предмету»¹¹⁴ – женщине.

Однако, женские тексты и в этот период, и позднее продолжают создаваться значительно менее «чувствительными», демонстрируя «величайшую сдержанность в изображении любовных отношений»¹¹⁵. В них подобных описаний практически нет, а повествования о чувствах и, в особенности, о любви носят гораздо более формализованный характер. Как отмечает А.В. Белова, «в письмах провинциальных дворянок... любовный и эротизированный дискурсы практически отсутствуют»¹¹⁶ – это утверждение, очевидно, справедливо для всей женской автодокументальной традиции, причём не только провинциальной, но и столичной¹¹⁷. Более того, даже когда контекст предполагает наличие имеющего

¹¹¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0110.shtml (дата обращения: 04.04.2015).

¹¹² Загряжский М.П. Записки [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (дата обращения: 02.04.2015).

¹¹³ Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/derzhawin_g_r/text_0060-1.shtml (дата обращения: 14.04.2015).

¹¹⁴ Вульф А.Н. Дневник. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/pushkin/vulf_dnevniki.html (дата обращения: 19.04.2014); Головина В.Н. Мемуары [Электронный ресурс]. URL: <http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html> (дата обращения: 17.04.2014) и др.

¹¹⁵ Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни... С. 9.

¹¹⁶ Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX вв. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII – XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремеенко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 69.

¹¹⁷ См., напр.: ЦГАМ. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 2; ЦГАМ. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 783; ЦГАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 956; ЦГАМ. Ф. 1851. Оп. 1. Д. 103, Ф. 1327. Оп. 1. Д. 2 и мн. др.

отношение к сексуальности дискурса, он, тем не менее, отсутствует или тщательно завуалирован¹¹⁸. Как видим, на уровне изложения (но не переживания!) любовных чувств женщины-дворянки демонстрируют значительно большую приверженность традиционным семейно-брачным ценностям, в то время, как стремление к индивидуализации любовных переживаний остаётся в большинстве случаев прерогативой мужчин.

Следующий пласт интересующего нас дискурса, выявленный в мужских автодокументальных текстах, уже представляет собой более непосредственный и явный комплекс речевых практик о сексе, однако встречается он значительно реже. Одними из самых ярких примеров таких текстов могут служить «Записки» М.П. Загряжского и «Дневники» А.Н. Вульфа, в которых тема сексуального поведения не только непосредственно представлена, но и занимает значительное место в повествовании. «Однажды она сидела у меня на коленях, держась левой рукой за шею... Я правой держал её за талию, а левой своевольничал далее и далее. Оба не знали, что делали. Один поцелуй произвел необыкновенное восхищение, какого в мою жизнь еще не бывало. Чувства нежной страсти разлились с головы до пят»¹¹⁹ – повествует в конце XVIII в. Михаил Загряжский; «Софья становится нежнее со мною, я от этого в замешательстве: мне не хотелось бы на его (мужа Софьи, барона А.А. Дельвига – О.Л.) счёт гулять, а другого средства нет, чтобы избежать опасности, как не ходить ни к нему, ни к Анне Петровне (Керн, с которой А.Н. Вульф также состоял в любовных отношениях – О.Л.), что мне весьма тяжело <...> Софья была ещё нежнее: что будет – будет»¹²⁰ – пишет в конце 1820-х гг. Алексей Вульф. Как видим, в текстах мужчин не только они сами, но и дворянские женщины предстают значительно более

¹¹⁸ Так, об истинном смысловом наполнении письма М.А. Анненковой брату можно догадаться исключительно по карандашной пометке на конверте, сделанной, очевидно, значительно позднее сыном адресата: «Письмо Марьи Алек. Батюшке – прос[ит] его о [приезде] *ея любовника*» (Письмо М.А. Анненковой к В.А. Анненкову от 22 мая 1808 // РГАЛИ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 282. Л. 2 об. Орфография источника сохранена).

¹¹⁹ Загряжский М.П. Указ. соч.

¹²⁰ Вульф А.Н. Указ. соч.

сексуально раскрепощёнными, чем в своих собственных, что актуализирует привлечение текстов мужского авторства к данному исследованию.

Действительно, сами дворянки по возможности вовсе избегают касаться вопросов столь «непристойного» характера¹²¹, а если и затрагивают данный аспект в своих текстах, то демонстрируют самоограничение и отрицание собственной телесности и потребности в сексуальной жизни: «я не знаю скотской любви, и Боже меня спаси знать её, а я хочу любить чистой и непостыдной любовью»¹²²; «...он... был уничтожен благородным и гордым её отпором, как низкий ухаживатель за чужой уже женой»¹²³, либо собственную сексуальную непросвещённость: «ему казалось весьма естественным, чтобы 18 летняя девушка, *не имеющая понятия о любви*, отдалась человеку, который пользуется ея расположением»¹²⁴; «...он провёл меня в угол, где стояла статуя Аполлона, которой античный резец мог доставить удовольствие артисту, а также привести в смущение молодую девушку, *к счастью, слишком неопытную*, чтобы восхищаться совершенством искусства за счет стыдливости»¹²⁵; «пошла я посмотреть, спокоен ли мой муж, и нашла его покойно спящего на одной кровати с племянницей, обнявшись. *Моя невинность и незнание* так были велики, что

¹²¹ «...матушка не передала нам ответа отца; она вдруг сразу сконфузилась, опустила голову и, улыбаясь счастливою улыбкой, густо покраснела. Несмотря на то что... ей было уже под пятьдесят лет, она вполне сохранила какую-то целомудренную девичью застенчивость, и при ней никогда никто не смел рассказывать ни о чём двусмысленном и игриво-пошлом, не выносила она и разговоров об адюльтерах с пикантными приключениями, – даже намёки на эти вещи до глубокой старости вызывали густую краску стыда на её щёки» (Водовозова Е.Н. На заре жизни [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 09.05.2015)).

¹²² Лабзина А.Е. Воспоминания // Российский мемуарий [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm> (дата обращения: 17.05.2015).

¹²³ Францева М.Д. Воспоминания. [Электронный ресурс]. URL: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/franzeva.htm> (дата обращения: 30.11.2014).

¹²⁴ Ржевская Г.И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. Изд. 4-е. М., 2008. С. 33–66. С. 46. (Курсив здесь и далее мой – О.Л.).

¹²⁵ Головина В.Н. Указ. соч.

меня это не тронуло»¹²⁶. Важно отметить, что и демонстрируемое отсутствие чувственности, и сексуальная непросвещённость самими дворянками – даже много лет спустя – осмысляются чаще всего¹²⁷ в позитивном русле¹²⁸, очевидно, что ими подобная модель поведения воспринимается не только как предпочтительная, но как единственно возможная.

Разумеется, столь ощутимая разница ценностных ориентаций так или иначе влечёт за собой некоторое непонимание между мужчиной и женщиной, вступающих в межличностные отношения, что особенно ярко проявляется в ходе сватовства и в первое время супружеской жизни: «...не мог я от ней ни малейших взаимных и таких ласк и приветливостей, какие обыкновенно молодые жёны оказывают и при людях и без них мужьям своим. Нет, сего удовольствия не имел я в жизни!»¹²⁹; «ни малейшей-таки ласки и ни малейшего приветствия не хотела она мне оказать, и сколько я к ней ни ласкался, она и глядеть почти на меня не хотела»¹³⁰ – сетует на свою невесту А.Т. Болотов, а вот как пишет о своём женихе его современница А.Е. Лабзина: «я, увидя его, очень оробела, и так, что ноги под мной дрожали. И я очень была довольна, что мне позволено было идти к себе в комнату»¹³¹; «...ласки моего назначенного мужа стали ко мне открытее. Но они

¹²⁶ Лабзина А.Е. Указ. соч.

¹²⁷ Видимое исключение составляет Е.Н. Водовозова, чьи мемуары содержат ярко выраженную негативную коннотацию своей и чужой сексуальной непросвещённости, но это, очевидно, объясняется тем, что они представляют собой один из наиболее поздних, привлечённых для данного исследования текстов и описывают события, относящиеся, в том числе, и к пореформенному периоду.

¹²⁸ «Добрейшая хозяйка... закрывала даже шею платочком от нескромного взгляда <...> У неё однажды сделалась рана на ноге, пригласили доктора, он нашёл нужным осмотреть рану, и его заставили смотреть в дырочку на простыне, которая была повешена через комнату, на большую ногу, тщательно закрытую платками, кроме того места, где была рана <...> Все эти три семейства отличались... такую деликатностью, какой трудно встретить в нынешнем распушенном и плохо воспитанном поколении...» (Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний о моём детстве // Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 02.05.2015)).

¹²⁹ Болотов А.Т. Указ. соч.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Лабзина А.Е. Указ. соч.

меня не веселили, и я очень холодно их принимала... и сердце моё не чувствовало ни привязанности, ни отвращения, а больше страх в нём действовал»¹³². Следует предположить, что причина столь различного описания любовного и сексуального поведения не сводится исключительно к специфике мужского и женского письма, а кроется в различном восприятии чувственной составляющей человеческого бытия, вытекающем из двойственности принципов сексуального воспитания, основанных на соответствующих представлениях о «нормативной» женственности и мужественности.

Итак, в то время как мужчины начинают смело выражать свои чувства, заимствуя слог из французских романов, женщины «демонстрируют скованность, самоограничение, погружённость в себя и значительно большую приверженность традиционным устоям»¹³³, что обусловлено воздействием «двойственной модели» сексуального поведения на формирование женской и мужской систем морально-этических норм.

Ещё более яркий пример, демонстрирующий подобную двойственность, – существование в дворянской литературе некой категории, которую, используя формулировку издателя русских «непечатных» поэтических произведений в Женеве в 1879 г., можно обозначить как литература «не для дам»¹³⁴. Такое название, на наш взгляд, прекрасно характеризует целое явление Пушкинской поры, да и всего интересующего нас периода, ведь произведения фривольного, «озорного» (и по большей части – эротического) содержания писали как сам А.С. Пушкин¹³⁵, так и М.Ю. Лермонтов¹³⁶, а кроме общеизвестных классиков русской

¹³² Лабзина А.Е. Указ. соч.

¹³³ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012. С. 64–65.

¹³⁴ Пушкин А.С. Стихи не для дам. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=136353&p=1> (дата обращения: 08.05.2015).

¹³⁵ «Не думав милого обидеть, // Взяла Лаиса микроскоп // И говорит: “Позволь увидеть, // Чем ты меня, мой милый, ё...”» (Пушкин А.С. «Орлов с Истоминой в постеле...» // Стихи не для дам...) «...Напирайте, бога ради, // На него со всех сторон! // Не попробовать ли сзади? // Там всего слабее он» (Его же. На кн. А. Н. Голицына // Стихи не для дам...) и др.

литературы ещё и малоизвестные в нашей стране до недавних пор «непечатные классики» – И.С. Барков, А. Полежаев и многие другие¹³⁷. Данный пласт литературы свидетельствует о существовании достаточно хорошо развитого дискурса сексуальности, создаваемого, однако, исключительно мужчинами и существующего в сугубо мужской среде, ведь не вызывает сомнений, что женщины не только не писали ничего подобного, но и не читали такого рода сочинения¹³⁸. Изучение источников мужского сексуального просвещения не входит в задачи данного исследования, но, очевидно, ключевыми факторами, обеспечивающими возможность формирования такого пласта дискурсивных практик о сексе, были их возможность свободного общения с представителями крестьянства (как с мужчинами, так и с женщинами, причём последние часто становятся для них и первыми сексуальными партнёрами¹³⁹), отличающимися достаточно непосредственным восприятием сексуальной стороны жизни, а также возможность обсуждения сексуальных тем со сверстниками, что и находит своё отражение в многочисленных текстах – как личного происхождения, так и литературных.

Разумеется, подобные произведения не печатались и не предназначались для печати, ведь данный период характеризуется настолько жёсткой официальной цензурой, что купюры накладывались и на гораздо более нейтральные формулировки. Как уже было упомянуто, наиболее плотно система

¹³⁶ «...с головы до ног // Она горела. Груды молодые // Как персики являлись наливные // Из-под сорочки... Сашкина рука // По ним бродила медленно, слегка... // Но... есть во мне к стыдливости вниманье – // И целый час я пропущу в молчанье» (Лермонтов М.Ю. Сашка. [Электронный ресурс]. URL: http://mirknig.mobi/data/2013-06-09/1383723/Lermontov_Sashka.1383723.pdf (дата обращения: 30.01.2015)).

¹³⁷ Подробнее об этом см.: Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 81–82.

¹³⁸ В альбоме А.П. Керн А.С. Пушкин написал характерное четверостишие о И.С. Баркове, демонстрирующее обозначенную исключённость женщины из дискурса сексуальности: «Не смею вам стихи Баркова // Благопристойно перевести // И даже имени такова // Не смею громко произнести!» (подробнее об этом см.: Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине // Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0020.shtml (дата обращения: 30.11.2014)).

¹³⁹ Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 49.

государственных запретов окутывала две сферы – власти и сексуальности. Что касается первой – об этом уже не раз писалось в историографии¹⁴⁰, о второй же известно значительно меньше, однако её достаточно ёмко характеризует в своих «Дневниках» А.Н. Вульф: «Смешно рассказывал Пушкин, как в Москве цензи́ровали его “Графа Нулина”: нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как же одеть, предложили сюртук. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобы он дал ей хотя салоп»¹⁴¹. Таким образом, как видим, любой сексуализированный дискурс пресекается уже на уровне государственной цензуры.

Однако, на наш взгляд, не менее важно, что в данный период цензура в отношении сексуальности осуществляется не только на государственном, но и на «частном» уровне. Факт наличия своего рода «семейной» цензуры подтверждает следующее высказывание того же Пушкина: «как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик»¹⁴²; подтверждается это и в IV главе «Евгения Онегина», где Ленский «... читает Оле // нравоучительный роман... // А между тем две, три страницы // (Пустые бредни, небылицы, // Опасные для сердца дев) // Он пропускает покраснев»¹⁴³. Данные примеры демонстрируют табуирование информации на сексуальные темы, в первую очередь, именно для «дев», «девушек», то есть незамужних представительниц дворянского сословия.

¹⁴⁰ См., напр.: Рейфман П.С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры [Электронный ресурс]. URL: <http://reifman.ru/russ-tsenzura/glava-2/> (дата обращения: 02.12.2014) и др.

¹⁴¹ Вульф А.Н. Указ. соч.

¹⁴² Пушкин А.С. Опровержение на критики. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v07/d07-116.htm> (дата обращения: 19.12.2014).

¹⁴³ Пушкин А.С. Евгений Онегин... С. 250.

Существование подобных запретов неоднократно упоминается и самими дворянками в воспоминаниях о своём воспитании – как домашнем¹⁴⁴, так и институтском¹⁴⁵, на основе чего можно сделать вывод, что они являлись общим местом в системе дворянского женского воспитания. Кроме того представления «об опасности “неразборчивого” чтения для барышень» были аккумулированы писательницей-моралисткой мадам де Жанлис, весьма популярной в России в начале XIX в., в произведении «Гортензия, или Жертва романов и путешествий»¹⁴⁶, что могло также способствовать распространению подобных представлений среди самих юных представительниц дворянского сословия.

Характерно, что и в 1860-е гг., когда либеральные идеи уже несколько повлияли на отношение к женщине в обществе и «женский вопрос» занимал умы прогрессивной общественной мысли, даже «демократ по своим убеждениям»¹⁴⁷ инспектор Смольного института К.Д. Ушинский демонстрирует схожие представления в отношении юных воспитанниц: «...только никогда *не читайте книг, не посоветовавшись раньше со мною*, а Павского, пожалуйста, не

¹⁴⁴ «У нас была маленькая детская библиотека...» (Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...); «Рядом с залой находится библиотека, и там на всех столах и диванах валяются соблазнительные томики иностранных романов или книжки русских журналов. Мне строго-настрого запрещено касаться их, так как гувернантка моя очень разборчива насчет дозволенного для меня чтения. Детских книг у меня немного, и я все их уже знаю почти наизусть; гувернантка никогда не позволяет мне прочесть какую-нибудь книгу, даже предназначенную для детей, не прочтя её предварительно сама; а так как она читает довольно медленно и ей постоянно некогда, то я нахожусь, так сказать, в хроническом состоянии голода насчет книг...» (Ковалевская С.В. Воспоминания детства [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaya_memoirs.htm (дата обращения: 17.12.2014));

¹⁴⁵ «мы <...> окружали всю ночь горевший ночник, чтоб прочесть запрещенную книгу (романы нам не позволялись)» (Стерлигова А.В. Воспоминания о Екатерининском институте. [Электронный ресурс]. URL: <http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html> (дата обращения: 25.02.2015)); «...лампу гасили к десяти часам, и мы не имели права сидеть дольше» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.).

¹⁴⁶ Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры. [Электронный ресурс]. URL: www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm. (дата обращения: 29.05.2015).

¹⁴⁷ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

раскрывайте больше»¹⁴⁸. С этим коррелирует воспоминание С.А. Толстой, жены и помощницы Л.Н. Толстого, так же относящееся к 60-м гг. XIX в.: «Помню, я раз очень огорчилась, что Лев Николаевич написал цинично о каких-то эпизодах разврата красавицы Елены Безуховой. Я умоляла его выкинуть это место; я говорила, что из-за такого ничтожного, малоинтересного и грязного эпизода *молодые девушки будут лишены счастья читать это прелестное произведение*. И Лев Николаевич сначала неприятно на меня огрызнулся, но потом выкинул всё грязное из своего романа...»¹⁴⁹.

Очевидно, такая гендерная цензура, существенно ослабевает после замужества (что, в частности подтверждает пример упомянутой С.А. Толстой) – не столько в связи со сменой лиц, в зависимости от которых она находилась, сколько ввиду значительной перемены в её статусе и приобретения ею непосредственного сексуального опыта. Безусловно, такого рода градация была весьма существенной в жизни дворянской женщины, но всё же не всегда контроль за её «нравственностью» ослабевает в браке, как, например, это было в случае с А.Е. Лабзиной в доме М.М. Хераскова: «они, *видя мою детскую невинность и во всём большое незнание... начали меня удалять <...>* в гости никуда не брали, ни в театры, ни на гулянья»¹⁵⁰ – очевидно, ввиду крайней сексуальной непросвещённости и раннего вступления в брак 15-летняя замужняя дворянка продолжает восприниматься как «невинная» девушка и подвергаться на этом основании прежней депривации.

Главным запретом в рамках обозначенной цензуры на протяжении всего интересующего нас периода остаётся недозволенность «самостоятельного» чтения девушкой иностранных романов¹⁵¹, которые могли бы дать ей доступ хотя

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Толстая С.А. Моя жизнь // Октябрь. 1998. № 9 С. 67.

¹⁵⁰ Лабзина А.Е. Указ. соч.

¹⁵¹ «...приучили... утром заниматься хорошей книгой, которые *мне давали, а не сама выбирала*. К счастью, я ещё не имела случая читать романов, да и не слыхала имени сего... Наконец, спросила у Елизаветы Васильевны, о каком она всё говорит Романе, а я его у них никогда не

бы к малейшей информации на сексуальные темы, являясь для юной барышни фактически единственным источником подобных познаний¹⁵². Однако, очевидно, что и любая другая литература, содержащая соответствующий дискурс, ей также не дозволяется – в том числе и многие из произведений отечественных сочинителей, в частности, содержащие известную долю эротизма поэтические произведения первой половины XIX в. (Е.А. Баратынского¹⁵³, К.Н. Батюшкова¹⁵⁴, Н.М. Языкова¹⁵⁵, Д.В. Давыдова¹⁵⁶ и мн. др.) не говоря уже о «непристойных» стихотворениях этих и прочих авторов¹⁵⁷. Более того, по словам А.С. Пушкина,

вижу. Тут мне уж было сказано, что не о человеке говорили, а о книгах, которые так называются; «но тебе их читать рано и нехорошо»» (Лабзина А.Е. Указ. соч.)

¹⁵² Подробнее об этом см.: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 262–263.

¹⁵³ «Когда неопытен я был <...> Я трепетал в тоске желанья // У ног волшебниц молодых...» (Баратынский Е.А. «Когда неопытен я был ...» [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/baratynskij/all.aspx#kak-mnogo-ty> (дата обращения: 14.05.2015)).

¹⁵⁴ «...Я в сумерки вчера, одушевленный страстью, // У ног её любви все клятвы повторял // И с поцелуем к сладострастью // На ложе роскоши тихонько увлекал... // Я таял, и Лайса млегла...» (Батюшков К.Н. «В Лайсе нравится улыбка на устах...» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goldpoetry.ru/batushkov/index.php?p=101> (дата обращения: 14.05.2015)); «“Куда, красавица?” – “За делом, не узнаешь!” // – “Могу ль надеяться?” – “Чего?” – “Ты понимаешь!” // – “Не время!” – “Но взгляни: вот золото, считай!” // – “Не боле? Шутишь! Так прощай”» (Его же. «“Куда, красавица?” – “За делом, не узнаешь!”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goldpoetry.ru/batushkov/index.php?p=109> (дата обращения: 14.05.2015)).

¹⁵⁵ «Ланит и персей жар и нега, // Живые груди, блеск очей, // И волны ветреных кудрей... // О, друг! ты Альфа и Омега // Любви возвышенной моей! <...> Мои кипучие желанья // Все на тебя устремлены...» (Языков Н.М. Аделаиде [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/yazykov/all.aspx#lanit-i-persej> (дата обращения: 14.05.2015)); «Щёки нежно пурпуровы // У прелестницы моей <...> Но её на ложе ночи, // Мой товарищ, не зови! // Не целуй в лазурны очи // Поцелуями любви: // В них огонь очарований // Носит дева-красота; // Упоительных лобзаний // Не впивай в свои уста: // Ими негу в сердце вдует, // Мглу на разум наведет, // Зацелует, околдует // И далеко унесет!» (Его же. И.В. Киреевскому (Щёки нежно пурпуровы...) [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/yazykov/all.aspx#lanit-i-persej> (дата обращения: 14.05.2015)).

¹⁵⁶ «О пощади! – Зачем волшебство ласк и слов, // Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокий, // Зачем скользит небрежно покров // С плеч белых и груди высокой? <...> Но ты вошла – и дрожь любви, // И смерть, и жизнь, и бешенство желанья // Бегут по вспыхнувшей крови, // И разрывается дыханье!..» (Давыдов Д.В. Элегия VIII (О пощади!..) [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/davydov/o-poschadi-zachem.aspx> (дата обращения: 14.05.2015)).

¹⁵⁷ См., напр.: Вяземский П.А. Сравнение Петербурга с Москвой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/stih87.html> (дата обращения: 18.15.2015); Языков Н.М. Н.Д.

«если б “Недоросль”, сей единственный памятник народной сатиры, “Недоросль”, которым некогда восхищалась Екатерина и весь её блестящий двор, если б “Недоросль” явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сукою... “Что скажут дамы! – воскликнул бы критик, – ведь эта комедия может попасться дамам!”...»¹⁵⁸, следовательно, можно сделать вывод о том, что в интересующий нас период происходит лишь ужесточение сексуальной морали через систему представлений о «пристойном» и «позволительном» для дам.

Впрочем, помимо этого отсутствие доступа дворянки к отечественной литературе могло иметь под собой и другие основания. Так, в первой половине XIX в. «дамским» языком в высшем обществе считается французский¹⁵⁹ или смесь французского и русского языков, в связи с чем, многие «модницы» вовсе не читают русскую литературу¹⁶⁰. Однако, безусловно, не сами барышни определяли и подобную специфику собственного образования: «сами мы никогда не читали ни одного произведения знаменитого русского писателя, а преподаватель знакомил нас с ним лишь в отрывках»¹⁶¹; «я страстно люблю поэзию <...> Баллады Жуковского долго были единственными известными мне образцами русской поэзии... у нас была довольно большая библиотека, но она состояла преимущественно из иностранных книг; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова в ней не было. Я никак не могла дожидаться того дня, когда в первый раз досталась мне в руки хрестоматия Филонова... Это было настоящим откровением для меня. В течение нескольких дней спустя я ходила как сумасшедшая, повторяя строфы из “Мцыри” или из “Кавказского пленника”, пока

Киселёву [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/stih60.html> (дата обращения: 18.15.2015) и др.

¹⁵⁸ Пушкин А.С. Опровержение на критики...

¹⁵⁹ «Нужно заметить, что в то время дамы, имевшие претензию на образование, переписывались не иначе, как на французском языке» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.).

¹⁶⁰ Подробнее об этом см.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 54–55; 76.

¹⁶¹ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

гувернантка не пригрозила, что отнимет у меня драгоценную книгу»¹⁶². Разумеется, такая хрестоматия, «купленная по настояниям... учителя»¹⁶³, содержала соответствующую выборку произведений, представляя собой «дозволенное» с точки зрения «прюдкой»¹⁶⁴ гувернантки чтение для девочки.

Но, всё же, судя по всему, даже некоторые из «печатных» и «цензурных» по тем временам произведений российских авторов создаются также «не для дам» – о подобной «исключённости» дворянских девушек и даже многих женщин¹⁶⁵ свидетельствует учреждение лишь в 1859 г. специализированного женского издания – журнала «Рассвет»¹⁶⁶. Разумеется, это вовсе не означает, что ими не читались газеты и литературные журналы – так, Елизавета Быкова в письме своей приятельнице и родственнице Вере Аксаковой сообщает: «добрейшаго Сергея Тимофеевича статью я читала в Московских газетах, хоть и не было его фамилии, но я догадалась по первым буквам. [Трощинский] выписывает все журналы и газеты и я с жадностью пересматриваю все дабы найти о брате»¹⁶⁷, конечно, это письмо характеризует уже середину XIX в., но даже тогда, по-видимому, подобные практики не были всеобщими.

Очевидно, что зачастую даже обращение поэта к женщине в своих «публичных» сочинениях вовсе не гарантирует, не только того, что произведение предназначено его мнимой адресатке, но и того, что оно предназначается для женского прочтения как такового. Одним из множества примеров может служить

¹⁶² Ковалевская С.В. Указ. соч.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ «От фр. *prude* – притворно добродетельный, преувеличенно стыдливый, недоступный» – прим. А.П. Керн (Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...).

¹⁶⁵ Разумеется, значимое исключение составляли жёны литераторов, так или иначе погружённые в литературную среду, хозяйки модных салонов и те немногие женщины, которые имели возможность следить за литературной жизнью.

¹⁶⁶ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

¹⁶⁷ Письмо Е.В. Быковой (урожд. Гоголь-Яновской) к В.С. Аксаковой от 9 апреля [1852] г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 9. Орфография и пунктуация источника сохранена.

стихотворение «Решительный вечер»¹⁶⁸ Д.В. Давыдова, которое по стилистическим особенностям и смысловой нагрузке близко многочисленным «внутри мужским» поэтическим «посвящениям»¹⁶⁹. Следует заключить, что мужчина-автор, даже обращаясь в своих произведениях к женщине, по-прежнему ориентируются, в первую очередь, на читателя-мужчину, а, по мнению А.С. Пушкина, женщин и вовсе не интересует поэзия¹⁷⁰ (при этом женские тексты демонстрируют совершенно иную картину¹⁷¹).

На основании нового дискурса о чувствах в российском дворянском обществе формируется соответствующая система представлений и речевых практик, однако, будучи по своему происхождению «мужской» она воспринимает женщину лишь как объект, обезличивает женское любовное чувство, подвергая его определённому упорядочиванию дискурсов и отстраняя женщину от наиболее

¹⁶⁸ «Сегодня вечером увижусь я с тобою, // Сегодня вечером решится жребий мой <...> Но если счастье назначено судьбою // Тому, кто целый век со счастьем незнаком, // Тогда... о, и тогда напьюсь свинья свиньёю // И с радости пропью прогоны с кошельком!» (Давыдов Д.В. Решительный вечер [Электронный ресурс]. URL: <http://ouc.ru/davydov/reshitel'nui-vecher.html> (дата обращения: 15.12.2014)

¹⁶⁹ Ср.: Давыдов Д.В. Бурцову [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/LITRA/DAWYDOW/stihi.txt> (дата обращения: 15.12.2014); Языков Н.М. А.С.Пушкину (О ты, чья дружба...) [Электронный ресурс]. URL: <http://rurоem.ru/yazykov/all.aspx#o-ty-chnya>; Пушкин А.С. Из письма к Вульффу. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1824/0343.htm (дата обращения: 15.12.2014) и др.

¹⁷⁰ Пушкин А.С. Опровержение на критики...

¹⁷¹ «Он (П.А. Плетнёв – О.Л.) принёс мне несколько отрывков из новой поэмы, которою занят в настоящий момент Пушкин <...> Сохрани их, – это драгоценность, так как это – руки самого Пушкина...» (Письмо С.М. Дельвиг к А.Н. Семеновой от 13 октября 1824 г., цит. по: Модзалевский Б.Л. Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С.М. Дельвиг // Пушкин и его современники. Избранные труды. СПб, 1999. С. 233 – 234); «...я... с жадностью читала: Кавказский пленник, Бахчисарайский фонтан, Разбойники и 1-ю главу Онегина, которые доставлял мне сосед наш Аркадий Гаврилович Родзянко <...> Восхищённая Пушкиным, я страстно хотела увидеть его, и это желание исполнилось во время пребывания моего в доме тетки моей, в Тригорском» (А.П. Керн (Маркова-Виноградская) Из воспоминаний...); «Я никак не могла дожждаться того дня, когда в первый раз досталась мне в руки хрестоматия Филонова... В течение нескольких дней спустя я ходила как сумасшедшая, повторяя строфы из “Мцыри” или из “Кавказского пленника”...» (Ковалевская С.В. Указ. соч.).

значимых из них. Всё это также сказывается и на произведениях недавно возникшей женской автодокументалистики, увеличивая различия мужского и женского письма.

Но конец XVIII – середину XIX в. характеризует разница не только «женского» и «мужского» дискурсов, но ещё и расслоение внутри сугубо «мужских» дискурсивных практик о сексе, в рамках которых наиболее противопоставлены друг другу два пласта. Чтобы наиболее наглядно продемонстрировать сосуществование двух данных способов выражения сексуальности в тексте, можно привести «хрестоматийный» пример – отношения А.П. Керн и А.С. Пушкина: известно, что именно её в своём знаменитом стихотворении¹⁷² поэт называет «мимолётным виденьем» и «гением чистой красоты», формируя некий «публичный» дискурс; в то же самое время, в рамках дискурса «приватного», «закрытого», «мужского» (в письмах друзьям-мужчинам – А.Н. Вульфу и С.А. Соболевскому) поэт между делом упоминает «m-me Kern, которую с помощью божией... на днях [у...б]»¹⁷³, и называет её «Вавилонской блудницей»¹⁷⁴. Разумеется, данный пример далеко не единственный, но он наиболее ярко свидетельствует о поляризации дискурсов мужской сексуальности, об усилении «рассогласованности чувственности и нежности»¹⁷⁵, характеризующих мужскую систему речевых практик о сексе в конце XVIII – первой половине XIX в.

¹⁷² Пушкин А.С. К*** // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. М.: Художественная литература, 1959. С. 89.

¹⁷³ Письмо А.С. Пушкина к С.А. Соболевскому. Вторая половина февраля 1828 г. из Петербурга в Москву // Собрание сочинений в 10 т. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1828/1435_252.htm (дата обращения: 11.05.2015).

¹⁷⁴ Письмо А.С. Пушкина к А.Н. Вульфу от 7 мая 1826 г. из Пскова или Острова в Дерпт // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/193.htm> (дата обращения: 01.12.2014).

¹⁷⁵ Подробнее об этом см.: Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 78.

Итак, в рассматриваемый период система речевых практик о сексе в рамках дворянского сословия развивается в двух различных направлениях. Одно из них, будучи сугубо «мужским», являет собой пример экспрессивного, в большей или меньшей степени непосредственного и откровенного речевого процесса, обладающего соответствующей лексикой (которая зачастую могла быть обценной), толерантным отношением к проявлениям своей и чужой (но, как правило, всё же, только мужской) чувственности; второе же, открытое женщине, но зачастую лишь как объекту мужских эротических переживаний, оказывалось более «легитимным», всеобщим, но сильно формализованным и эвфемистическим.

Очевидно, что женщины не только не принимали участия в первом из них, но были из него сознательно исключены и поставлены в жесткие моральные рамки соответствующей их полу модели сексуального поведения – в том числе и речевого. В наиболее невыгодном положении оказываются девушки-дворянки: им позволяется читать только то, что заведомо исключает сколько-нибудь значимую информацию о сексуальности, и это блокирует для них фактически единственный возможный способ сексуального просвещения. В целом, и «серьёзная» русская литература ориентируются в большинстве своём на мужского читателя, а что читать барышне за неё должны решать те, кто занимается её воспитанием (и чаще всего таким «контролёром» морали в данный период оказывается гувернантка).

В связи с этим трудно отыскать ярко выраженную проблематику сексуальности в женских текстах, в которых она явственно проступит не раньше рубежа XIX – XX вв. Однако это не значит, что следует положиться исключительно на мужское видение женской сексуальности, ведь от мужского взгляда может ускользнуть не только своеобразие женских чувств и переживаний, но и причины того или иного сексуального поведения дворянки. Напротив, выявленные существенные различия в дискурсивных практиках женщины и мужчины свидетельствуют о необходимости изучения, альтернативного, скрытого, собственно женского взгляда на свою и чужую сексуальность.

§ 2. Российская дворянка в автодокументальных источниках конца XVIII – первой половины XIX века

Цель данного параграфа – изучить феномен «женского письма» и способы саморепрезентации образованной россиянки конца XVIII – середины XIX в. для понимания особенностей дискурса сексуальности, строгости запретов и существовавших возможностей их обойти (хотя бы на дискурсивном уровне).

Из предыдущего параграфа становится понятно, что при изучении сексуального поведения российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. возникает ряд методологических проблем, связанных со слабой освещённостью заявленной проблематики в женских автодокументальных источниках, ведь принятая в российском дворянском обществе «модель сексуальной строгости»¹⁷⁶ блокировала соответствующие речевые практики, в особенности, в отношении девушек и женщин.

В результате этого, женский дискурс о сексе замещается иным, также дающим возможность выражать симпатии и влечения дворянки, но исключительно в категориях романтического любовного чувства. Однако и на этом уровне, если мужчины активно выражают свои «чувствования», и это становится своего рода модной тенденцией, то женщины демонстрируют в своих текстах сдержанность, скованность и самоограничение. Такая специфика мужского и женского восприятия чувственной сферы искусственно создавалась и поддерживалась с помощью различий – как в возможностях доступа к информации о сексуальности (контроль над которыми осуществлялся, например, через наличие «гендерной цензуры»), так и в морально-нравственных установках мужчины и женщины.

Важно отметить, что не только восприятие сексуальной сферы жизни, но и понятие о любовном чувстве у российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. существенно отличалось от привычного нам. В женских

¹⁷⁶ Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. – Киев, 1998. С. 251.

эгодокументальных текстах любовь, зачастую, выступает не столько как индивидуальное романтическое чувство, сколько как некая вменяемая девушке/женщине обязанность: «...передательницу генеральских желаний я спросила: “А буду я его любить, когда сделаюсь его женою?”, и она ответила: “Разумеется...”»¹⁷⁷; «этого человека я могла бы сердечно любить, не будь я предупреждена, что девушка должна беречь своё сердце для человека который за неё посватается»¹⁷⁸. А мать мемуаристки Е.Н. Водовозовой, находит вопрос своих взрослых уже детей о том, была ли она «влюблена» в своего будущего мужа, и вовсе неприличным: «все эти ваши слова о страстной любви, о неземных увлечениях – только одни *пошлости*, и больше ничего...»¹⁷⁹ (а ведь этот разговор происходит уже в 60-е года XIX в.).

Центральной категорией, определяющей поведение, «приличествующее молодой девице»¹⁸⁰, в женских автодокументальных текстах на протяжении данного периода остаётся понятие «чистой и законной»¹⁸¹ любви. «...Избегай всех пороков, береги своё сердце от *непозволенной любви*»¹⁸² – вспоминает заветы своей матери мемуаристка А.Е. Лабзина. Так нормализуется сфера чувств дворянки, в результате чего у неё формируется представление о любви как о некой регламентируемой и конструируемой деятельности, являющейся её непосредственной обязанностью. Причём обязанность эту она призвана была исполнять исключительно по отношению к «законному» объекту чувств, то есть супругу¹⁸³, которому она «должна беспредельным повиновением и истинною

¹⁷⁷ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

¹⁷⁸ Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 57.

¹⁷⁹ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

¹⁸⁰ Дурова Н.А. Кавалерист-девица. Происшествие в России [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/durova1/index.html> (дата обращения: 02.04.2014).

¹⁸¹ Головина В.Н. Указ. соч.

¹⁸² Лабзина А.Е. Указ. соч.

¹⁸³ «Принципы, в которых Великая Княгиня была воспитана принцессой, своей матерью, были проникнуты добродетелью и побуждали её к исполнению своего долга. Она знала и чувствовала, что её муж должен быть главной целью её любви» (Головина В.Н. Указ. соч.).

любовью»¹⁸⁴ – «столь естественными и наглядными последствиями её положения, что она не может... отказаться от своей обязанности, если только не совсем ещё испорчены её естественные склонности»¹⁸⁵.

Следовательно, понятие любви также следует признать историчным, ведь оно наполняется различными смыслами в разных культурах – в зависимости от тех или социокультурных условий. Так, ситуация, когда браки заключались без взаимной «склонности», по принципу «стерпится-слюбится», очевидно, требовала именно такого к ней отношения. «Люби мужа твоего чистой и горячей любовью»¹⁸⁶ – наставляют дворянку, и она следует этому наставлению: «...любила ево очень, хотя никакова знакомства прежде не имела»¹⁸⁷ – эти слова первой российской мемуаристки Натальи Долгорукой отражают тенденцию, характерную для многих женских текстов позднейшего периода: они констатируют факт любви к будущему мужу, возникшей едва ли не с первого взгляда¹⁸⁸.

Особенно наглядно это прослеживается в выявленном эпистолярном комплексе, представляющим собой последовательность из 23 писем Елизаветы Быковой (урожд. Гоголь-Яновской) Вере Аксаковой¹⁸⁹, отосланных в течение более чем двух лет, на протяжении которых их автор познакомилась с будущим

¹⁸⁴ Лабзина А.Е. Указ. соч.

¹⁸⁵ Руссо Ж.-Ж. Софи, или Женщина // Эмиль, или о воспитании // Руссо Ж.-Ж. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marsexx.ru/tolstoy/russo-emil5.html#099> (дата обращения: 19.05.2015).

¹⁸⁶ Лабзина А.Е. Указ. соч.

¹⁸⁷ Долгорукая Н.Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/dolgorukaya_natalia_zapiski_1913.pdf (дата обращения: 17.12.2013).

¹⁸⁸ См., напр.: Долгорукая Н.Б. Указ. соч.; Дашкова Е.Р. Записки // Российский мемуарий. [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Dashkova/Dashkova.htm> (дата обращения: 14.05.2015); Головина В.Н. Указ. соч.; Волконская М.Н. Записки [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wolkonskaja_m_n/text_zapiski.shtml (дата обращения: 22.08.2015) и др.

¹⁸⁹ Письма Быковой Е.В. (урожд. Гоголь-Яновской) Аксаковой В.С. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–42.

мужем, была «просватана», «выдана» замуж и родила первого ребёнка, что и находит последовательное отношение в данном источнике.

Так, если в первом письме, где упоминается о будущем супруге, в июне 1851 г. Е.В. Быкова пишет лишь: «я сговорена за штабс-капитана Сапернаго Владимира Ивановича Быкова. Он стоял эту зиму в Кагаринке, и *как мне могли заметить* чудесный человек таких благородных правил и очень религиозен. Свадьба назначена в сентябре или октябре»¹⁹⁰; «помолитесь обо мне это такой важный шаг в моей жизни, попросите помолиться тоже ваших милых сестриц, теперь особенно нужна для меня их молитва»¹⁹¹, то в июле тон письма уже иной: «прошлую зиму как вы уже знаете мы провели в Кагаринке у дяди. Через несколько дней после нашего приезда перевели его с ротой туда же. Сначала он бывал редко, под конец же очень часто, но мы не как не принимали этого на свой счет, особенно я, *он как казалось совсем не обращал на меня внимания <...> и я с ним почти никогда не говорила*; нашему знакомству мы обязаны [шашечной]. Уехала я из Кагаринка очень грустная, не скрою вам, что *он мне очень нравился*, он мне ничего не [намекнул] на счет своего намерения. Через месяц только по нашему приезду домой нас удивило письмо от него с предложением...»¹⁹². Но ещё более ощутимо её стиль «говорения» о чувствах к супругу меняется после свадьбы, то есть после «узаконения» их отношений: «22 октября я рассталась с домом, тяжело было оставить всех; я так рада, что Анет со мной приехала и что я рассталась не со всеми вдруг <...> *Я вполне счастлива, Владимир так добр, я его так много люблю и любима взаимно*»¹⁹³, что уже вступает в некоторое противоречие с содержанием первого приведённого письма.

¹⁹⁰ Письмо Е.В. Гоголь-Яновской к В.С. Аксаковой от 25 июня 1851 // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 3 об. Орфография и пунктуация источника сохранена.

¹⁹¹ Там же. Л. 4.

¹⁹² Письмо Е.В. Гоголь-Яновской к В.С. Аксаковой от 29 июля 1851 // Там же. Л. 5 об.–6 об.

¹⁹³ Письмо Быковой Е.В. (урожд. Гоголь-Яновской) к В.С. Аксаковой от 1 [ноября] 1851 // Там же. Л. 7–7 об.

Очевидно, что наличие многочисленных примеров демонстрирует некую норму, вменявшую дворянке в обязанность «любить избранника»¹⁹⁴, при том, что в большинстве случаев она даже не имела реальной возможности его выбрать¹⁹⁵. А ведь брак, будучи центральной категорией в системе жизненных устремлений дворянской девушки, являлся той сферой, в которой она – за неимением альтернативы – должна была себя реализовывать, и важность данного события для неё трудно переоценить.

Следовательно, представления о любви к мужу как о прямой обязанности и даже как о чувстве, которое можно и нужно сознательно и искусственно конструировать¹⁹⁶, внедрялись в сознание дворянки целенаправленно и должны были являться важной частью её мировоззрения, ведь такая позиция женщины сглаживала возможные конфликты между мало знакомыми, в сущности, супругами и вносила комфорт и стабильность в семейную жизнь: «несмотря на то, что её выдали замуж против воли, любит она своего мужа более, нежели другие, вышедшие замуж по склонности»¹⁹⁷. В полной мере плоды такой воспитательной стратегии продемонстрировали женщины-дворянки 1820-х гг. – жёны декабристов, каждая из которых была «предана душой и сердцем своему... мужу»¹⁹⁸. Показательно, что подобная позиция женщины по отношению к сфере чувств вызывает некое недоумение со стороны более «прогрессивных» в вопросах «чувствований» мужчин, что находит своё отражение уже в конце XVIII

¹⁹⁴ Подробнее об этом см.: Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии... С. 54.

¹⁹⁵ Волконская М.Н. Указ. соч.; Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

¹⁹⁶ Предъявляя подобные требования к себе, дворянская женщина ожидает того же и от других, в том числе, от мужчин: «Адам Чарторижский... находясь вблизи от Великой Княгини Елизаветы, не мог её видеть, не испытывая чувства, которое уважение, принципы и благодарность должны бы были подавить в самом начале» (Головина В.Н. Указ. соч.).

¹⁹⁷ Вульф А.Н. Указ. соч. Ср.: «Привычка свыше нам дана // Замена счастию она» (Пушкин А.С. Евгений Онегин... С. 233)

¹⁹⁸ Волконская М.Н. Указ. соч.

в. в «сентиментальных» автодокументальных текстах, а позднее – и в литературе¹⁹⁹.

Такое восприятие, в определённой степени лишавшее сферу любовных чувств индивидуальности, заметно сближает её с представлениями о «супружеской любви», характерными для христианства²⁰⁰. Разумеется, это не означает, что дворянские девушки, даже очень религиозные, мыслили и чувствовали именно таким образом, но большинство женских текстов демонстрирует достаточно схожую систему представлений, что позволяет нам говорить о некоей норме, по меньшей мере, дискурсивной, имевшей место в рамках российской дворянской культуры.

Безусловно, во все времена чувства людей индивидуальны и неповторимы, равно как и в разные эпохи – вплоть до современности – предпринимаются попытки подвергнуть их упорядочению. В противовес вышеприведённому «легитимному» письму, до нас дошли яркие примеры «прорыва» некоего «ненормативного» женского дискурса, значительно более эмоционального, нежели того требовал канон. В первую очередь, это широко известные эпистолярные дневники Анны Керн: «я либо холодна, либо горяча, а равнодушной быть не умею»²⁰¹; «я люблю его так, что и выразить нельзя, люблю в нём решительно всё; чем больше я думаю, тем яснее вижу, что это – настоящая

¹⁹⁹ «... Не промысл вас берег и прочил друг для друга, // Но света произвол вам наложил союз. // Я знаю, ты не лицемеришь; // Как свежая роса, душа твоя светла; // Но, суеверная, рассудку слепо веришь // И сердце на его поруку отдала. // Ты веришь, что, как честь, насильственным обетом // И сердце вольное нетрудно обложить, // И что ему под добровольным гнетом // Долг может счастье заменить!...» (Вяземский П.А. К мнимой счастливце. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruspoeti.ru/aut/vyazemskij/4401/> (дата обращения: 11.11.2014)). Ср.: «Но я другому отдана – именно отдана, а не отдалась! Вечная верность – кому и в чём? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувств и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безнравственны...» (Письмо В. Белинского к В. Боткину от 4 апреля 1842 г. Цит. по: Огнёв А.В. Любовь, семья и судьба России. Тверь: Русская провинция. 2000. С. 11) и др.

²⁰⁰ Подробнее об этом см.: Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних руссов... С. 51–103; Её же. Сексуальность в частной жизни русской женщины... С. 4–5.

²⁰¹ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Дневник для отдохновения...

любовь»²⁰²; «...я буду обожать Шиповника до последнего своего вздоха, разумеется, однако, если он останется мне верен...»²⁰³; «да, никто никогда не любил так, как любила я, и ни у кого ещё не было более достойного избранника...»²⁰⁴ и т. д. Можно предположить, что подобные живость и эмоциональность изложения обусловлены жанром источника: это дневник²⁰⁵, следовательно, в нём отражены сиюминутные чувства и порывы, а также, вероятно, в отличие от привычного письма, он не требовал столь строгой формализации чувств посредством установившихся композиционных приёмов, предусмотренных кодексом эпистолярного стиля. Нельзя также сбрасывать со счетов и неординарность автора, отмечаемую даже ею самой («я ведь не похожа на других!»²⁰⁶) и снискавшую ей, в частности, как дружбу и уважение, так и весьма полярные характеристики А.С. Пушкина²⁰⁷. На основании же дневника А.Н. Вульфа можно говорить и о её нестандартной сексуальной раскрепощённости²⁰⁸, известной сегодня, по большей части, благодаря её связи с А.С. Пушкиным, однако, судить о которой лишь на основе её собственного «Дневника» в полной мере не представляется возможным.

Однако подобные же тенденции можно проследить и в письмах других дворянок, в частности, женщин «пушкинского круга», пожалуй, особенно яркими из которых следует признать эпистолярные тексты Анны Вульф (сестры Алексея Вульфа), адресованные поэту: «...весьма возможно, что вы уже не помните последних дней, которые мы провели вместе. Я жалею, что не написала вам в

²⁰² Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Дневник для отдохновения...

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Данный источник личного происхождения представляет эпистолярный дневник, то есть письма, выполненные в форме дневника.

²⁰⁶ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Дневник для отдохновения...

²⁰⁷ Подробнее об этом см: С. 51 данной работы.

²⁰⁸ «Рассудив, что, по дружбе её с Анной Петровной... она (Софья Дельви́г – О. Л.) не должна быть весьма строгих правил... решился я её предпочесть» (Вульф А.Н. Указ. соч.); «Анна Петровна сказала мне, что вчера поутру у ней было сильное беспокойство: ей казалось чувствовать последствия нашей дружбы...» (Там же).

первые дни моего приезда: мое письмо было бы прелестным, но теперь... *я могу быть только нежной и думаю, что в конце концов порву это письмо*. Знаете ли вы, что я пишу вам письмо и плачу? Меня это компрометирует, я чувствую, но это сильнее меня; я не могу себя преодолеть»;²⁰⁹ «не думайте, однако же... что тут никого у меня нет... я нашла здесь очень милого кузена, который меня страстно любит... Это не улан, как вы может быть готовы предположить, но гвардейский офицер, очаровательный молодой человек, который мне ни с кем не изменяет; слышите? <...> Но увы! Я ничего не чувствую при его приближении: присутствие его не вызывает во мне никакого волнения»²¹⁰; «ах, Пушкин, не достойны вы любви, и я вижу, что была бы счастливее, если бы покинула Тригорское ранее и если бы последнее время, проведенное с вами, могло бы изгладиться из моей памяти.»²¹¹ и т. д.

Вероятно, такой прорыв чувственности в письме, становился возможен всё же не по каким-либо иным причинам, а благодаря обходным технологиям отправки и получения писем, что практиковалось, как Анной Вульф («я не знаю, куда адресовать вам это письмо, я боюсь, как бы на Тригорское оно *не попало в руки мамы*»²¹²; «тут знают вашу руку»²¹³; «я пишу вам через Вяземского; он не знает, от кого это письмо, он обещал его сжечь, если не сможет вам его передать»²¹⁴), так и Анной Керн (в отличие от незамужней А.Н. Вульф, ей, по-видимому, было несколько легче скрывать свою «тайную» корреспонденцию, однако и она пишет, что муж устроил семейный скандал, обнаружив данный её дневник²¹⁵).

²⁰⁹ Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от начала марта 1826. *Малинники // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва: АСТ, 2013. С. 41–42.*

²¹⁰ Там же. С. 42.

²¹¹ Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от 20 апреля 1826. *Малинники // Там же. С. 47.*

²¹² Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от начала марта 1826. *Малинники // Там же. С. 45.*

²¹³ Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от 20 апреля 1826. *Малинники // Там же. С. 50.*

²¹⁴ Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от 11 сентября 1826. *Петербург // Письма женщин к Пушкину... С. 54*

²¹⁵ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. *Дневник для отдохновения...*

В целом же, любые «мужские» тексты, как правило, несравнимо более полно, чем женские, демонстрируют сферу чувств, эротических переживаний и сексуального поведения автора, женские же, если и делают то же, то преодолевая табу и запреты. И подобные женщины, по-видимому, всё же отличались от большинства своих современниц, так, А.П. Керн позволила себе нарушить социально поощряемую модель поведения и уйти от нелюбимого мужа, чем, безусловно, скандализировала своё имя – «...по приговору света // На честь утратила права»²¹⁶. Ведь, судя по всему, несмотря на имеющуюся тенденцию к индивидуализации и более свободному выражению эмоций и чувств, «отказ» дворянки любить того, кого предписано, прорыв некоего «нелегитимного» любовного чувства в данный период рассматривается обществом как угроза существующему матримониальному порядку и влечёт за собой жёсткие социальные санкции²¹⁷, а описания любовного чувства, которое носило бы индивидуальный характер, если и встречаются в женской автодокументальной традиции, то представляют собой скорее исключение, нежели правило. Ввиду этого можно заключить, что не просто женский дискурс о сексе замещается иным, выражающим чувства, симпатии и влечения дворянки исключительно в категориях романтического любовного чувства, но и последний подвергается строгой нормализации и унификации.

Однако, обходя многочисленные табу, женщины-дворянки оказываются склонны осмыслять и описывать сексуальность через жизненные опыты «Другого»²¹⁸ (даже при наличии собственных аналогичных практик), что особенно ярко выражено в «Мемуарах» В.Н. Головиной²¹⁹, но встречается и в

²¹⁶ А.С. Пушкин. Когда твои молодые лета... [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1829/0513.htm (дата обращения: 14.11.2014).

²¹⁷ А.П. Керн была вынуждена в конце жизни бедствовать, так как её второй муж не мог сделать карьеру из-за несоответствующей репутации жены. Подробнее см.: Модзалевский Б.Л. Анна Петровна Керн: По материалам Пушкинского Дома. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/modzalewskij_b_l/text_1909_kern.shtml (дата обращения: 17.17.2015).

²¹⁸ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 276.

²¹⁹ Подробнее об этом см: С. 114–115 данной работы.

других разновидовых источниках и становится важным механизмом для понимания собственной сексуальности и приобретения нового, пусть и исключительно «дискурсивного», опыта.

Если же вести речь о письмах, как наиболее массовых источниках личного происхождения, можно сказать, что, в целом, не только «сексуальный», но и «любовный» дискурс в них практически отсутствует. Описание даже вполне «нормативного» любовного чувства, имеющего место в контексте брака или сватовства, не противоречившего «официальным» морально-нравственным установкам, каким оно представлено в письмах Е.В. Быковой²²⁰ – скорее, редкость. Очевидно, потребность в своеобразной легитимизации своей любовной привязанности женщина-дворянка испытывала в большей степени при написании мемуаров, воспоминаний²²¹, с их глобальным осмыслением собственной жизни; письма же, как правило, служили передаче более насущной, локальной и конкретной информации.

Привлечённые к данному диссертационному исследованию женские эпистолярные тексты, хранящиеся в московских архивах, позволяют составить представление о типичной и наиболее распространённой проблематике, затрагиваемой российскими дворянками в частной переписке. Пожалуй, наиболее интенсивную (равно как и репрезентативную для нас) личную переписку российские дворянские женщины ведут после замужества, когда оказываются вырванными из привычной им повседневности и разлучены с устоявшимся кругом общения. Если девушка-дворянка по преимуществу пишет кузинам²²² и

²²⁰ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–42.

²²¹ Долгорукая Н.Б. Указ. соч.; Дашкова Е.Р. Указ. соч.; Головина В.Н. Указ. соч.; Волконская М.Н. Указ. соч.

²²² Письма Б. Гейден к С.П. Глушковой от 18 сентября 1868. Москва, на франц. яз. // Ф. 1325. Оп. 1. Д. 5; Письма неизвестной с подписью «Julie» к А.А. Львовой от 1846–1854. на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1341. Оп.1. Д. 1170 и др.

иной проживающей дистанцированно родне²²³, подругам-сверстницам²²⁴, а также близким, находящимся в периодических отъездах (отдельного разговора заслуживают письма путешествующих дворянок²²⁵), то выйдя замуж и будучи разделена со своей семьёй вследствие связанного с этим переезда²²⁶, она, по-видимому, вынуждена трансформировать привычное ей повседневное бытовое общение в форму письма. Появляются у неё и новые адресаты из числа родственников мужа²²⁷.

Если вести речь об иерархии жизненных ценностей по материалам переписки с целью лучше понять своеобразие женского эмоционального мира, то, безусловно, приоритетной, непреходящей ценностью для российской дворянки оказывается тема здоровья и благополучия её близких²²⁸, в первую очередь, детей («наконец теперь-то я поняла всю важность болезни Мишиной получа письмо твое Милый друг мой Надина! <...> он получил воспаление в кишках и желудке, так как это с самых малых лет его есть слабая часть»²²⁹; «у Любы с Машей корь

²²³ Письмо В.П. Толстой к А.П. Бахметевой от 26 ноября 1843. Москва, на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1845. Оп.1. Д. 1204; Письма Е.О. Дашковой к С.П. Глушковой от 19 сентября 1868. Москва, на франц. яз. // Ф.1325. Оп.1. Д. 9 и др.

²²⁴ Письма Е. Сенявиной к А.А. Львовой от 1845. б/д. на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1341. Оп.1. Д. 936 и др.

²²⁵ Письмо А.Н. Горчаковой к В.Ф. Бахметевой от 4 июня 1823. на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1845. Оп.1. Д. 1860. Л. 1; Письмо А. Говоровой к А.Ф. Говорову. б/д. на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1851. Оп.1. Д. 103; Письма М.А.Олсуфьевой (урожд. Ребиндер) к А.А. Львовой от 1849 г. Москва, на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1341. Оп.1. Д. 783 и др.

²²⁶ Письмо Быковой Е.В. (урожд. Гоголь-Яновской) к В.С. Аксаковой от 1 [ноября] 1851 // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 7–8.

²²⁷ Письмо Бахметевой А.П. Бахметевым Н.А. и В.Ф., родителям мужа, с припиской Бахметева А.Н., 1835 г. // ЦГАМ. Ф.1845. Оп.1. Д. 956.

²²⁸ «Наконец, дорогая моя Аннет, здоровье Теодора позволило ему предпринять путешествие... его здоровье намного лучше» (пер. с франц. мой – О.Л.) (Письмо Волконской С.Н. к Бахметевой А.П. от июня 1832 г. // ЦГАМ. Ф.1845. Оп.1. Д. 1002. Л. 1); «Машинька нехорошо ещё себя чувствует...» (Письмо Волконской С.Н. к Бахметевой А.П. от 1832 г. // ЦГАМ. Ф.1845. Оп.1. Д. 1204. Л. 1). См. также о смерти супруга: Письмо Кюхельбекер Дореиды Ивановны к Кюхельбекер Утстинье Карловне // Ф. 256. Оп.1. Д. 10. Л. 1.

²²⁹ Письмо О.С. Аксаковой к Н.Т. Карташевской от 27 апреля 1840 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 135. Л. 1.

гораздо сильнее и далеко не такой хороший ход как у первых»²³⁰; «здоровье моей малютки Маши также меня очень беспокоит, она часто плачет...»²³¹), а также и мужа («я беспрестанно боюсь чтоб Серж не простудился»²³²). Кажущееся второстепенным, в ретроспективе оказывается наиболее важным и ценным для российской дворянки: это повседневный, приватный мир, для которого и в котором живёт человек независимо от исторической эпохи.

Несмотря на практически полное отсутствие информации на сексуальные темы, как в жизни, так и в переписке российских знатных женщин, даже подобные, формализованные тексты демонстрируют, что межполовые отношения волнуют дворянок различного возраста и социального статуса. Рассказать новые подробности о «счастливых» новоиспечённых женихе и невесте своей подруге-фрейлине спешит Елена Строганова²³³, три поколения дворянок интересуются появлением «никому не знакомого молодого человека», который впоследствии оказывается «новым учителем русского языка» у соседских детей²³⁴, новости о родах в семье общих знакомых²³⁵ становятся для дворянки не менее, а, может, и более важны, чем те или иные события государственного масштаба²³⁶.

Как видим, в женской эпистолярной традиции отсутствует сколько-нибудь сформировавшаяся система «говорения» о сексуальности, ведь над нею, помимо общей системы табу на соответствующий дискурс, как правило, довлеет ещё и строгий этикет дворянского письма. Можно сказать, что в данном

²³⁰ Письмо О.С. Аксаковой к Н.Т. Карташевской... Л. 2.

²³¹ Письмо Е.В. Быковой (урожд. Гоголь-Яновской) к В.С. Аксаковой от 12 августа 1852 // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 17.

²³² Письмо О.С. Аксаковой к Н.Т. Карташевской... Л. 2 об.

²³³ Письма Строгановой Е. к Самойловой С.А. от 1820. на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1341. Оп.1. Д. 1258.

²³⁴ Письма Львовой А.А. к матери от 1843. на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1341. Оп.1. Д. 141. Л. 1 об.– Л. 2.

²³⁵ Письма Столыпной М. к Львовой А.А. от 1850–1893. на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1341. Оп.1. Д. 990.

²³⁶ Письмо Шалкиной (N. Chalkin) к Глушковой С.П. от 19 сентября 1868. на франц. яз. // Ф.1325. Оп.1. Д. 16.

диссертационном исследовании предполагается изучение темы, крайне слабо освещённой в самых массовых и потому самых репрезентативных источниках личного происхождения – письмах, что во многом определяет как структуру исследования, так и его источниковую базу (в частности, широкое привлечение мужских текстов и источников других видов и типов), кроме того, при работе с такими «сдержанными» текстами время от времени необходимо исходить не из того, что содержится в источнике, а из того, чего в нём нет, пытаясь определить причину тех или иных замалчиваний.

В женских эгодокументальных текстах, отличающихся значительной сдержанностью по сравнению с мужскими, «говорение» на сексуальные темы замещено речевыми практиками о любви, причём последняя понимается ими как сознательно и искусственно конструируемая категория, «помогающая» российской дворянке любить того, кого необходимо, то есть будущего мужа, в выборе которого она, как правило, никак не участвует.

Судя по всему, несмотря на имеющуюся тенденцию к индивидуализации и более свободному выражению эмоций и чувств, «отказ» дворянки любить того, кого предписано, прорыв некоего «нелегитимного» любовного чувства в данный период рассматривается обществом крайне негативно, а описания любовного чувства, которое носило бы индивидуальный характер, если и встречаются в женской автодокументальной традиции, то представляют собой скорее исключение, нежели правило. Ввиду этого можно заключить, что не просто женский дискурс о сексе замещается иным, выражающим чувства, симпатии и влечения дворянки исключительно в категориях романтического любовного чувства, но и последний подвергается строгой нормализации и унификации.

Итак, в условиях фактической исключённости российской дворянки из числа «говорящих субъектов», участвующих в воспроизводстве дискурса сексуальности, комплекс женских речевых практик о сексе замещается иным, выражающим чувства, симпатии и влечения дворянки исключительно в категориях романтического любовного чувства. Будучи при этом в большинстве

случаев формализованным и отражающим, скорее, не живые индивидуальные чувства и переживания, а некие установки, любовное чувство представляется ей своеобразной сознательно и искусственно конструируемой категорией и, как правило, увязывается исключительно с личностью «законного» объекта чувств – жениха, мужа. Несогласие же следовать подобной нормативности и любить того, кого «предписано», рассматривалось обществом как угроза существующему матримониальному порядку и могло повлечь за собой жёсткие социальные санкции, поэтому описания любовного чувства, которые носили бы индивидуальный характер, если и встречаются в женской автодокументальной традиции, то представляют собой скорее исключение, нежели правило.

Ввиду вышесказанного дискурс сексуальности в эпистолярных текстах следует описать в терминах отсутствия. Но при изучении истории сексуального поведения российской дворянки, важным оказывается не только то, о чём пишется в письмах и других эгодокументах, но и то, о чём в них умалчивается. Выявленная специфика женского эпистолярного наследия в некоторой степени определяет структуру второй и третьей глав настоящего диссертационного исследования.

ГЛАВА II. МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНКИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

§ 1. Социально-обусловленные особенности воспитания российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.

Не вызывает сомнений, что представления о детстве и детях были и остаются неодинаковыми в рамках различных культурных традиций. В XVIII в. данная динамическая структура претерпевает существенные изменения²³⁷, в результате которых к концу столетия складывается специфическая дворянская воспитательно-образовательная система, которая, по большому счёту, будет оставаться неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода²³⁸.

Отношение к детям в дворянской семье принципиально отличалось от современного, что обусловило и специфику всей системы воспитания. Так, ребёнок не мыслился в качестве сколько-нибудь самостоятельного субъекта действия, обладающего собственными желаниями и эмоциями²³⁹, с его мнением никто не считался: «дети были такими же бесправными существами, как и крепостные»²⁴⁰; «в те времена не задавались наблюдениями за детскими впечатлениями или анализом детских характеров; тогда не говорили о развитии детей, но главным принципом было держать их в чёрном теле»²⁴¹; они «держались в подобострастии... и чувствовали, что созданы для родителей, а не родители для

²³⁷ Подробнее об этом см.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 54; Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии...

²³⁸ Подробнее об этом см.: Муравьёва О.С. Как воспитывали русского дворянина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (дата обращения: 15.12.2014).

²³⁹ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 121.

²⁴⁰ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

²⁴¹ Сабанеева Е.А. Воспоминание о былом. 1770–1828 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/alexandr1/sabaneeva_vospominan.html (дата обращения: 02.12.2013).

них»²⁴². Или, как резюмировал граф В.А. Соллогуб, «в то время любви к детям не пересаливали»²⁴³ – подобные взаимоотношения «отцов» и «детей», по-видимому, были общеприняты и в среде дворянства считались нормой.

Н.Л. Пушкарева характеризует их как «невнимание к ребёнку»²⁴⁴, не означающее, однако, ни недостаток родительской любви, ни отсутствие заботы (нам известно немало примеров трогательного отношения матерей к детям, к примеру, отданным на обучение в закрытые учебные заведения, правда, значительно чаще в этих случаях речь идёт о сыновьях²⁴⁵), а лишь иную социокультурную среду, отличную от современной. Можно сказать, что дети обоего пола выступали безусловными объектами воли взрослых, детская личность не индивидуализировалась, в результате чего цели и задачи воспитания не дифференцировались в соответствии с особенностями того или иного ребёнка.

Однако если понимать под воспитанием комплекс эмоциональных воздействий, формирующих ценностно-ориентационный мир личности²⁴⁶, важно помнить, что системы ценностей, а, следовательно, и принципы воспитания дворянских детей подвергались гендерной дифференциации: в то время, как основной целью воспитания мальчика была его подготовка к будущей государственной службе, к большему или меньшему участию в политической

²⁴² Соллогуб В.А. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/text_0170.shtml (дата обращения: 17.12.2014).

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии... С. 76.

²⁴⁵ «Этот костюм Колин напомнил мне старину, и я невольно поплакала. Вспомнила, как я была счастлива, когда Коля был мой собственный. И теперь я счастлива, что его мне дали, но теперь он дан мне взаймы, а не принадлежит собственно мне, как прежде. [С коль]ко счастья отнял у меня этот корпус» (Дубельт А.Н. Письма к мужу // Российский мемуарий. [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Dubelt/Dubelt.htm> (дата обращения: 8.10.2014)); «Как то Миша в корпусе? – так хочется посмотреть и узнать его быт <...> а нечего скрывать сильное имею желание видеть Мишу нынешним летом» (Письмо О.С. Аксаковой к Н.Т. Каргашевской от 27 апреля 1840 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 135. Л. 2 об.)

²⁴⁶ Кон И.С. Ребёнок и общество. [Электронный ресурс]. URL: <http://seksologiya.org/book15.html> (дата обращения: 14.12.2014).

жизни, задачи женского воспитания долгое время вообще не были определены²⁴⁷, кроме того, понятия образования и воспитания, как правило, не разграничивались.

Тем не менее, на волне Просвещения во второй половине XVIII в. в качестве цели женского воспитания выдвигается идея взращивания «в добродетелях» будущих «идеальных» матерей, которые «могли бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить, какие получили они сами»²⁴⁸. Очевидно, что особая роль в таком воспитании должна была уделяться отнюдь не образовательной составляющей, которая зачастую оставалась лишь формальностью²⁴⁹, а некому «особому “воспитанию”»²⁵⁰ – привитию определённых жизненных ценностей и поведенческих норм, закладывающих основу личности.

В следующем параграфе ещё пойдёт речь о своеобразном «нормативном облике» – некоем нравственном идеале, формировавшем в дворянской среде представления о том, какой должна быть нормативная модель поведения дворянской девушки. В данном же параграфе для нас важно понять, какими были конкретные воспитательные стратегии – в особенности те из них, которые влияли на формирование норм и практик сексуального поведения дворянки. Однако необходимо учитывать, что дворянское воспитание не представляло собой стройную педагогическую систему или методику – скорее, это был определённый стиль поведения, усваиваемый не только сознательно, но и бессознательно, поэтому для понимания реальных воспитательных стратегий «важны не столько теоретические предписания, сколько те принципы, которые реально проявлялись в быте, поведении, живом общении»²⁵¹.

²⁴⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 48–51.

²⁴⁸ Бецкий И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества подтвержденное Ея Императорским Величеством 1764 года марта 12 дня URL: // <http://www.bim-bad.ru> (дата обращения: 29.05.2013).

²⁴⁹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 79–80.

²⁵⁰ Подробнее об этом см.: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 100.

²⁵¹ Муравьёва О.С. Указ. соч.

Очевидно, что положение девочки-дворянки в конце XVIII – первой половине XIX в. и в семье, и в обществе являлось вдвойне маргинальным²⁵², ведь как дети, так и женщины, олицетворяя собой образ «другого» в патриархальном, «мужском»²⁵³ мире царской России, не считались полноценными членами общества; девочка/девушка, пусть даже знатного происхождения, не воспринималась как личность, способная к интеллектуальной и иной самостоятельности²⁵⁴. В качестве основной цели жизни ей вменялось замужество и выполнение репродуктивной роли, и это, очевидно, оказывало существенное влияние на специфику воспитания юной барышни.

Итак, к концу XVIII в. представления о детях существенно трансформируются. С одной стороны, к ним, как и к проблеме воспитания, в прогрессивных слоях дворянского общества приковывается всё большее внимание, но с другой стороны, ребёнок утрачивает характерную для более ранних периодов свободу, ему теперь навязываются «новые, весьма обременительные... социальные и культурные роли»²⁵⁵, или, по логике М. Фуко, от него требуется всё большее следование «взрослым» социальным нормам, его поведение контролируется и ограничивается, а ритм жизни тщательно упорядочивается (касается это и «вольностей» сексуального характера: вплоть до XVII в. для европейского общества, даже высшего, было характерно «абсолютное отсутствие сдержанности по отношению к детям», выражавшееся, в частности, в «пристрастии играть с половыми органами детей»²⁵⁶) – и в значительно большей степени это распространяется на детей женского пола.

²⁵² Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 82.

²⁵³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 52.

²⁵⁴ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 9.

²⁵⁵ Кон И.С. Ребёнок и общество...

²⁵⁶ Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург, 1999. С. 109–119.

В воспитательном процессе априори заложено неравенство, «ассиметрия в отношениях воспитателя и воспитуемого»²⁵⁷, а если говорить об обществах прошлого, то данный процесс может носить и весьма репрессивный характер, поэтому важным фактором является личность и статус агента воспитания. Дело в том, что в рассматриваемый период круг лиц, задействованных в воспитании был достаточно широк, ведь родители, так или иначе, были несколько дистанцированы от воспитания детей, так как разделяли данную функцию со значительным числом других агентов, среди которых могли быть как кормилица и няня из числа крепостных, многочисленные родственники, так и специально привлечённые к процессу воспитания иностранные гувернёры и гувернантки – люди, впрочем, также зачастую случайные и некомпетентные, ведь применительно к концу XVIII – началу XIX в. к ним относятся в большинстве своём представители реакционных слоёв французского общества, бежавшие от революционных событий 1789 г.²⁵⁸. Можно сказать, что в дворянских семьях имело место то, что в этнологии обозначается термином «множественное опекунство»²⁵⁹, но при этом сам процесс воспитания (в отличие от образования) нельзя назвать беспорядочным, так как все его участники прививают ребёнку достаточно единообразную систему ценностей, которая слабо изменяется на протяжении всего интересующего нас периода²⁶⁰.

Итак, в воспитании принимают участие как члены семьи так и не родственники, при этом само воспитание могло быть и домашним (семейным), и внесемейным. В первую очередь следует сказать о домашнем воспитании ввиду его более массового распространения: в различных соотношениях с внесемейным или без него, но оно присутствовало в жизни каждого дворянского ребёнка – независимо от социального статуса и пола, при этом для девочек оно оказывалось исключительно и полностью домашним значительно чаще.

²⁵⁷ Кон И.С. Ребёнок и общество...

²⁵⁸ Муравьёва О.С. Указ. соч.

²⁵⁹ Кон И.С. Ребёнок и общество...

²⁶⁰ Муравьёва О.С. Указ. соч.

Домашним воспитанием и образованием дворянки, как правило, занималась её мать²⁶¹ (впрочем, очевидно, что воспитание детей обоего пола в семье считалось её прерогативой²⁶²), которая, если и не принимала прямого и непосредственного участия в воспитательном процессе²⁶³, то осуществляла общее руководство, занимаясь, в частности, поиском воспитателей и учителей²⁶⁴. Вероятно, именно поэтому в случае смерти матери девочка могла быть сразу же оставлена отцом на воспитание «у приятелей»²⁶⁵ или родственников²⁶⁶, имевших дочь того же возраста, или отдана в «казенное» учебное заведение, где фактор сиротства являлся едва ли не ключевым при наборе воспитанниц²⁶⁷.

Однако нужно сказать, что дворянские женщины зачастую по тем или иным причинам были дистанцированы от воспитания своих детей: «потому, что управление деревней зависело от одной моей матери, то и занятия её требовали много времени и отнимали часто её у меня»²⁶⁸; «друг за другом подходили мы целовать её (матери – О.Л.) руку, при этом она торопливо возвращала нам наши

²⁶¹ Подробнее об этом см.: Белова А.В. Без родительского попечения...

²⁶² «Мать моя приняла на себя труд быть моею наставницею. Живя уединенно в своей деревне, ей оставалось довольно времени от других занятий, дабы посвятить оное на воспитание своих детей. Но, к несчастью, не имея ни нрава, свойственного к таким занятиям <...> ни знаний, к тому необходимых, её благое намерение принесло мало пользы» (Вульф А.Н. Указ. соч.); «Овдовев уже в ранней молодости, она вложила всю душу в воспитание трёх сыновей... Под её бдительным надзором с ними занимались гувернеры-иностранцы. Оба старшие сына не обнаруживали любви к занятиям, и она отдала их в корпус, младшего же, своего любимца Николая, она оставила дома и дала ему блестящее, по понятиям того времени, первоначальное образование» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.); и мн. др.

²⁶³ «...на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. просматривается позитивная динамика в степени материнского участия в процессе ухода за детьми» (Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 180).

²⁶⁴ Там же. С. 167.

²⁶⁵ «В Москве матушка умерла <...> Приезжает батюшка и братья, а сестра оставлена в Москве у приятелей наших родителей, г-на К[аковинского]: они имели одну дочь, с кою [сестра] и жила вместе до тех пор, пока вышла дочь их замуж» (Загряжский М.П. Указ. соч.).

²⁶⁶ «...мой отец... был человек разгульный и в молодости лишился моей матери. Он мало занимался своими делами и потому охотно передал меня дяде» (Дашкова Е.Р. Указ. соч.).

²⁶⁷ Белова А.В. Без родительского попечения... С.30

²⁶⁸ Лабзина А.Е. Указ. соч.

поцелуи и задавала одни и те же вопросы: «Ну, что, здорова? Нагулялась?» На эти стереотипные вопросы мои сестры часто просто молчали, так как нередко в тот день они не могли даже выходить со двора вследствие дурной погоды, но матушка не замечала или не придавала значения их молчанию. Она вся отдалась хозяйству, вся ушла в новое для неё дело...»²⁶⁹. Как видим, причиной недостатка времени для занятия с детьми могли служить хозяйственные заботы, что, как правило, было напрямую связано со вдовством дворянской женщины: если глава семьи умирал, то на неё ложились все заботы об имении и благосостоянии семьи²⁷⁰.

Причиной неучастия матери в воспитании детей мог становиться и «светский» образ жизни, который ей в силу её статуса приходилось вести: «Иногда заглянет к нам в детскую мама <...> Я вижу её всегда весёлой и нарядной. Чаще всего вспоминается она мне в бальном платье, декольте, с голыми руками, со множеством браслетов и колец. Она собирается куда-нибудь в гости, на вечер, и зашла проститься с нами»²⁷¹. Подобный тип матерей, или так называемых «модных жён»²⁷², появившись во второй половине XVIII в., продолжает существовать на протяжении всего рассматриваемого периода²⁷³, однако, судя по всему, они не составляли большинство даже среди представительниц дворянского сословия.

Также фактором «отчуждения» матери могли быть преследовавшие её болезни и «психоаналитические проблемы», связанные с высокой детской

²⁶⁹ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

²⁷⁰ «Потеряв мужа и отца в течение нескольких месяцев, получила она в управление расстроенное имение, которое надобно было привести в порядок и заняться воспитанием пятерых детей (две обязанности, из которых каждая почти выше сил женщины)...» (Вульф А.Н. Указ. соч.); «Что же касается того времени, когда она осталась одна после смерти мужа, она признавалась, что без няни совсем бы пропала» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.).

²⁷¹ Ковалевская С.В. Указ. соч.

²⁷² Дмитриев И.И. Модная жена <http://ii-dmitriev.ouc.ru/modnaya-zhena.html> (21.08.2015);

²⁷³ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии...

смертностью²⁷⁴, но, так или иначе, оно, как правило, является результатом не их собственного выбора, а определённого стечения обстоятельств. В таком случае мать если и не полностью уступает, то делит воспитательные функции, но не с отцом, который в рассматриваемый период, как правило, полностью индифферентен к воспитанию, а с няней, а затем – с гувернанткой. О воспитательной функции кормилицы говорить не приходится, за исключением тех случаев, когда она же становилась для девочки и няней²⁷⁵.

Очевидно, няня в рассматриваемый период являлась неизменной участницей воспитания девочки-дворянки²⁷⁶, а в случае, когда мать по тем или иным причинам не могла им заниматься, няня и вовсе «заменяет» её: «я не меньше и почтенную мою няню любила, так как я с ней чаще бывала»²⁷⁷; «в жизни моего семейства няня играла выдающуюся роль <...> я и моя сестра Саша любили её даже больше матери»²⁷⁸; «...ну, как же мне не любить её, мою голубушку, больше других детей, – слышу я, говорит няня, и я понимаю, что речь идет обо мне. – Ведь я её, почитай, одна совсем вынянчила...»²⁷⁹.

В такой ситуации, когда дети проводят с няней фактически всё время в течение дня, а их контакты с родителями достаточно фрагментарны²⁸⁰, влияние няни на маленькую барышню могло становиться определяющим. Очевидно, что, несмотря на иную социокультурную среду формирования личности самой няни-крестьянки, её воспитательные принципы были, тем не менее, вписаны в общую схему нормативного воспитания барышни. Так, совершенно очевидно, что она не передавала воспитаннице собственную поведенческую модель – напротив, няня напоминает ей о её особом статусе, статусе благородной девушки: «...говорит ей няня наставительно и строго <...> Ты – барышня и так себя понимать должна, –

²⁷⁴ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 162.

²⁷⁵ Там же. С. 163.

²⁷⁶ Для мальчиков же были возможны альтернативы (см.: Вульф А.Н. Указ. соч.).

²⁷⁷ Лабзина А.Е. Указ. соч.

²⁷⁸ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

²⁷⁹ Ковалевская С.В. Указ. соч.

²⁸⁰ Белова А.В. Роль няни в православном воспитании... С. 140–141.

значит, для холопки своей не смеешь спину гнуть! Вот если бы я очень больна была, с постели не могла подняться, ну, тогда другое дело»²⁸¹; «Как тебе не стыдно... Сейчас вставай! Барышня, и вдруг перед своей же работой на колени!.. – сердито ворчала няня, поднимая сестру и усаживая подле себя»²⁸²; «да опять же ты настоящего дворянского рода, а я твоя раба, – как же ты можешь меня к матушке приравнять?.. Большой грех, дитячко, так говорить!»²⁸³.

В то же время, отдельные элементы, народного, «корневого» пласта культуры, который «был первичным по отношению к последующим напластованиям европеизированной культуры в процессе получения девочками образования»²⁸⁴, безусловно, проникали в воспитание и, соответственно, в мироощущение и поведение дворянки (так восхищавшие классиков русской литературы и нашедшее отражение в образах Татьяны Лариной и Наташи Ростовской), но обусловлено это было тесными связями российского дворянства с крестьянством в принципе, хотя девочки-дворянки и были вовлечены в них в наименьшей степени²⁸⁵. Наиболее целостным и значительным блоком воспитания, осуществляемого няней, следует признать «привитие» юной дворянке «христианских ценностей», ведь «образ няни воплощает особый архетип российской православной культуры»²⁸⁶. Так, няня совершает с детьми утренние и вечерние молитвы²⁸⁷, водит их в церковь²⁸⁸, закладывая тем самым не только соответствующие повседневные привычки, но и глубоко религиозное

²⁸¹ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

²⁸² Там же.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Белова А.В. Роль няни в православном воспитании... С. 145.

²⁸⁵ «...нам запрещено было сближаться с прислугой...» (Ковалевская С.В. Указ. соч.)

²⁸⁶ Белова А.В. Роль няни в православном воспитании... С. 140.

²⁸⁷ Лабзина А.Е. Указ. соч., Водовозова Е.Н. Указ. соч., Ковалевская С.В. Указ. соч., Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеев М., 1990. С. 281–388. С. 284.

²⁸⁸ «...в большие праздники, когда няня отправляется с нами в церковь...» (Ковалевская С.В. Указ. соч.)

мировоззрение, «скрытый пример неразглашаемого религиозного благочестия оказывался очень действенным воспитательным средством»²⁸⁹.

Развитие же иных поведенческих норм атрибутируется другим агентам социализации. Чрезвычайно важной фигурой в воспитании девочки-дворянки именно в конце XVIII – середине XIX в. становится иностранная гувернантка. Если няня, как показано выше, призвана была либо помогать матери в воспитании, либо замещать её в случае необходимости²⁹⁰ и становилась неотъемлемой частью любой дворянской семьи, то привлечение к воспитательному процессу своего рода профессионала²⁹¹ в лице гувернантки было уже не вынужденной мерой, а скорее данью модной тенденции, ведь гувернантки в дворянском доме могло и не быть²⁹². По мере распространения практики привлечения гувернёров к образовательному процессу, налаживается и схема домашнего, но, в то же время, фактически внесемейного воспитания девочки, при которой она непосредственно после рождения передавались кормилице, от неё затем – няне, а от няни – гувернантке²⁹³. В таких случаях родители сознательно полностью передают последней воспитательную инициативу²⁹⁴ и не вмешиваются в процесс воспитания и образования дочери.

Разумеется, в такой ситуации ей отводится определяющая роль в воспитании юной барышни, что заставляет семью производить максимально тщательный

²⁸⁹ Белова А.В. Роль няни в православном воспитании... С. 141.

²⁹⁰ «Мать считала няню своею главною помощницею и всегда говорила, что без неё она ни за что не могла бы справиться со своею огромною семьею и со своим сложным хозяйством. Что же касается того времени, когда она осталась одна после смерти мужа, она признавалась, что без няни совсем бы пропала» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.).

²⁹¹ Высоким профессионализмом, например, отличалась m-lle Benoît, гувернантка А.П. Керн и А.Н Вульф, выписанная из Англии для великой княжны Анны Павловны (Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...) Подробнее об этом см.: Солодянкина О.Ю. Указ. соч.

²⁹² Головина В.Н. Указ. соч.; Водовозова Е.Н. Указ. соч.

²⁹³ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С.157.

²⁹⁴ «самое дело воспитания в значительной степени предоставляли наставникам и наставницам, следя лишь за общим ходом его, а непосредственно вмешивались в детскую жизнь лишь в сравнительно экстренных случаях» (Давыдов Н.В. Из прошлого // Московский летописец: Сборник. М., 1988. Вып. 1. С. 109. Цит по: Солодянкина О.Ю. Указ. соч.).

выбор её кандидатуры. Уникальную информацию о поисках гувернантки для девочки-дворянки нам даёт письмо супругов Бахметевых Анны Петровны и Алексея Николаевича родителям мужа²⁹⁵, свидетельствующее о вовлечении в процесс её поиска и выбора не только обоих супругов, но и бабушек с дедушками, а также широкого круга друзей и знакомых²⁹⁶. При этом ключевым фактором в данном вопросе становились не только её знания, педагогические навыки и опыт, но и морально-нравственные качества: «[гувернанток] на примете у нас теперь несколько, но не поверите, как мудрено решить, с первого взгляду все почти нравятся, а о какой пойдёшь [допрашивать] обо всех почти узнаёшь весьма ненадёжные отзывы. Одна М-т Вагнер к нам набивалась и сказала, что жила у [Факлези], мы было обрадовались, а там узнали, что она *злая* и *капризная* женщина. Княгиня Гагарина рекомендует одну немку весьма учёную и нравственную...»²⁹⁷. Очевидно важность этого «показателя» была обусловлена не только желанием родителей «сотрудничать» с покладистой (не «злой», не «капризной», а «нравственной») женщиной, но и тем, что они желали бы, чтобы подобным «качествам» она «обучила» бы и их дочь.

Следует отметить, что изолированность воспитанницы, – пусть и внутри семьи – которую пыталась обеспечить для девочки её «madame», сближает систему воспитания гувернантки с педагогическими принципами, провозглашёнными для закрытых учебных заведений, чьей в основе лежала попытка цельного и единообразного воспитания личности, исходящего из одного источника. По «Генеральному учреждению о воспитании обоего пола юношества» И.И. Бецкого, главного инициатора открытия в России женских воспитательных учреждений, целью последних было воспитание некой идеальной личности – «новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить, какие получили они

²⁹⁵ Письмо Говоровой А. к Говорову А.Ф. б/д // ЦГАМ. Ф.1851. Оп.1. Д. 103.

²⁹⁶ Письмо Говоровой А. к Говорову А.Ф. б/д // ЦГАМ. Ф.1851. Оп.1. Д. 103. Л. 1–2 об.

²⁹⁷ Там же. Л. 1. Орфография источника сохранена.

сами»²⁹⁸. Эта идея формирования «новой породы»²⁹⁹ людей требовала воспитания нового поколения в полном отрыве от привычной им социокультурной среды: с 6-ти до 18-ти лет дворянки должны были безотлучно находиться в институте (лишь в самом конце XVIII в. срок обучения сокращается до 9-ти лет) при том, что посещения родными были также весьма ограничены³⁰⁰.

Схожая воспитательная стратегия осуществляется и гувернанткой в ходе домашнего воспитания: «Мы любили наши уроки... подле m-lle Бенуа, потому что любили, уважали её и *благоговели перед её властью над нами, исключавшею всякую другую власть. Нам никто не смел сказать слова*»³⁰¹; «она ещё с большим ожесточением сосредоточила все свои заботы на мне, *изолируя меня от всех домашних...* Этому стремлению к сепаратизму с её стороны благоприятствовали размеры и устройство нашего деревенского дома...»³⁰². Родители в таком случае, как уже упоминалось, принимают минимальное участие в воспитании, а их вмешательства касаются, как правило, каких-либо экстраординарных ситуаций³⁰³.

Гувернантка, в первую очередь, заботится о хорошем иностранном (в абсолютном большинстве случаев – французском) языке воспитанницы, так как он в рассматриваемый период фактически был единственным языком светского общения (в отличие от общения делового, бывшего «привилегией» мужчин, и осуществлявшегося по-русски³⁰⁴), поэтому для «хорошей» семьи было важно, чтобы сама «madame» в должной мере им владела: «княгиня Гагарина

²⁹⁸ Бецкий И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества...

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ «Во всё же то время не иметь им ни малейшего с другими сообщения, так что и самые ближние сродники хотя и могут их видеть в назначенные дни, но не иначе как в самом училище, а то в присутствии их Начальников. Ибо неоспоримо, что частое с людьми без разбору обхождение вне и внутри онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитания такого юношества, которое долженствует непрестанно взирать на подаваемые примеры и образцы добродетелей» (Бецкий И.И. Указ. соч.).

³⁰¹ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

³⁰² Ковалевская С.В. Указ. соч.

³⁰³ Ковалевская С.В. Указ. соч.

³⁰⁴ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 53.

рекомендует одну немку весьма учёную и нравственную, но выговор дурной по французски, кажется, без[детна], а взять однакоже никак нельзя»³⁰⁵; во многих же семьях, очевидно, даже барышни могли говорить и писать³⁰⁶ по-французски с ошибками. Кроме этого гувернантка учила девочку и другим совершенно необходимым «в свете» навыкам: правильной походке, умению вести себя в обществе, безукоризненным манерам – всему тому, что должно было принести ей успех в свете. Под надзором «madame» барышня занималась и рукоделием³⁰⁷, но наиболее важными «умениями» становились для неё музыка и танцы (правда, для подобных уроков, очевидно, приглашался отдельный учитель³⁰⁸). Последние для благородной девушки были не менее важны, чем французский язык, так как не только не умеющая танцевать, но и недостаточно хорошо танцующая барышня не имела шансов на успех в свете, который обеспечивал ей «удачное» замужество³⁰⁹.

Ровно те же приоритеты в «образовании» девиц расставлялись и в «казённых» воспитательных заведениях. При этом, разумеется, институты характеризовались строго унифицированными принципами воспитания, в то время как у каждой гувернантки могли быть собственные представления на этот счёт, но, что важно, ключевые цели социализации, осуществляемой штатом наставниц в столичных институтах и гувернанткой в более или менее провинциальной дворянской усадьбе оказываются достаточно близки, что подтверждается и сходством методов воспитания. Однако, для нас институты наиболее показательны, так как, во-первых, здесь в воспитание «нормативной» женской личности включается государство, а во-вторых, данный процесс

³⁰⁵ Письмо Бахметевой А.П. Бахметевым Н.А. и В.Ф., родителям мужа, с припиской Бахметева А.Н., 1835 г. // ЦГАМ. Ф.1845. Оп.1. Д. 956. Л. 1. Орфография источника сохранена.

³⁰⁶ ЦГАМ. Ф.1845. Оп.1. Д. 1002; ЦГАМ. Ф.1845. Оп.1. Д. 1860; ЦГАМ. Ф.1341. Оп.1. Д. 783.

³⁰⁷ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

³⁰⁸ «Там съедутся гости; уроки отложены. Девицы вздумают петь романсы – Карл Адамович аккомпанирует; соберутся танцевать – и Карла Адамовича на целый день за фортепьяно: играй французскую кадрили» (Жукова М.С. Указ. соч.).

³⁰⁹ Толстой Л.Н. Война и мир. Том второй // Собр. соч. в 22-х т. М., 1980. Т. 5. С. 210–214.

унифицируется и становится достаточно «массовым» в рамках дворянской культуры, что обеспечило значительное количество источников о них³¹⁰.

Рассмотрим принципы воспитания, осуществлявшиеся в закрытых женских образовательных учреждениях. Как отмечает Ю.М. Лотман, собственно образование девочек в институтах, кроме обучения языкам, танцам и рукоделию, было очень поверхностным³¹¹. Е.Н. Водовозова, воспитывавшаяся в Смольном институте в 1850-е гг., однако заставшая и подробно описавшая в своих мемуарах институт «дореформенной» поры³¹², каким он был на протяжении нескольких предшествующих десятилетий³¹³, следующим образом характеризует умственное развитие воспитанниц выпускного (!) класса, то есть 16-летних девиц: «мы совсем не были подготовлены ни к самостоятельному мышлению, ни к критическому анализу. Мысли наши были какие-то коротенькие и несложные, высказывались отрывочно и непоследовательно. Наши чувства и выражения были не только стадными, но часто извращенными, язык наш страдал однообразием и бедностью выражения, запас слов был крайне невелик»³¹⁴; «мы наивно выражали наши детские мысли, не умели выделить главного от мелочей и при этом страшно конфузились всех...»³¹⁵; «кроме официальных, обыденных слов, мы до тех пор ни от кого ничего... не слыхали»³¹⁶; «институт не давал воспитанницам ни нравственного, ни умственного развития»³¹⁷; «то, что мы не понимали самых элементарных вещей, было естественным последствием нашей оторванности от

³¹⁰ Ржевская Г.И. Указ. соч., Аладьина Е.А. Воспоминания институтки. СПб.: в типографии Конрада Вингебера. 1834; Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. СПб., 2011; Стерлигова А.В. Указ. соч., Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-oldrussia.livejournal.com/88880.html> (дата обращения: 04.05.2015), Водовозова Е.Н. Указ. соч. и др.

³¹¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С.79.

³¹² С 1859 г. Ушинский проводил реформу Смольного института.

³¹³ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³¹⁴ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

жизни, нашего монастырского воспитания»³¹⁸. Подобную ситуацию подтверждает и тот факт, что некоторые мемуаристки, ставившие своей целью описание «институтской жизни», тему образования и интеллектуального развития в своих текстах даже не затрагивают³¹⁹. Вероятно, столь плохо поставленное образование вытекает из обозначенного выше общего представления о том, что женщина в нём не нуждается. Анализируя фактор подобной умственной «незрелости» в становлении личности, можно сделать вывод, что неуверенность в себе и искажённые представления об окружающей действительности становились типичными чертами выпускниц институтов благородных девиц.

Что касается искажённых представлений, ситуация усугублялась полной «оторванностью» воспитанниц «от жизни»³²⁰ и их погружённостью в узкоограниченную информационную среду – вплоть до того, что вся переписка девочек/девушек прочитывалась институтским начальством³²¹, а во время свиданий с родными они зачастую не имели возможности разговаривать, и только смотрели на них³²². В результате такой политики наставников инфантильность,

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Энгельгардт А.Н. Указ. соч., Стерлигова А.В. Указ. соч., Аладьина Е.А. Указ. соч.

³²⁰ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³²¹ Водовозова Е.Н. Указ. соч.; об этом также свидетельствует письмо воспитанницы одного из «казённых» заведений М. Серговской к тётке (?), отличающееся формальностью и сухостью изложения: Дорогая Александра Александровна! Как вы поживаете и как ваше здоровье, я слава Богу здорова, извините, что я долго не писала вам. Благодарю Вас за всё, что вы сделали для меня и для Людочки. Я написала Людочке письмо к 16-му сентябрю потому что она была именинница. Кланяйтесь от меня пожалуйста Марии Федоровне и скажите, что я напишу письмо ей. Дорогая Александра Александровна я учусь пока хорошо, помолитесь обо мне Богу чтобы он дал мне всё что надо для учения. Александра Александровна, если увидите маму то кланяйтесь ей от меня и скажите чтобы она обо мне не беспокоилась потому что я жива и здорова. Мне не скучно потому что у меня нет свободного времени чтобы скучать потому что я в свободное время читаю книги по французски и по немецки. У меня есть две подруги Настя Протопопова и Нанаша Лучич. Я пью рыбий жир и молоко в 2 часа после гуляния. За тем досвидания. Больше писать нечего» (Письмо Серговской М. к Львовой А.А. // ЦГАМ. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 938 ЦГАМ. Орфография источника сохранена).

³²² Водовозова Е.Н. Указ. соч.

присущая ввиду ряда причин³²³ дворянкам иногда даже зрелого возраста, словно искусственно культивируется за счёт отсутствия навыков критического мышления и осознания истинности тех или иных представлений³²⁴.

Всечасный контроль вёлся не только за «умами», но и за «телами» воспитанниц: они ни на секунду не оставались без контроля со стороны старших: «после чая нас отводили в класс, где обязательно сидела пепиньерка... В 9 часов сменяла её дама по звонку и приходил учитель, который никогда не входил в класс, если не было классной дамы: это было запрещено»³²⁵; «чтобы не разрыдаться, я вышла из церкви, и *в первый раз в жизни никто не обратил на это никакого внимания*»³²⁶ и др. Кроме того, в воспоминаниях дворянок об Институтах остались описания многочисленных репрессивных и дисциплинарных мер, призванных поставить под контроль все стороны жизни воспитанницы. Публичные выговоры за несущественные проступки, на которых должно было присутствовать все отделение провинившейся³²⁷, многочисленные и разнообразные позорящие наказания³²⁸ – все это было направлено на выработку дисциплины, покорности и единообразия воспитанниц.

Но важно отметить, что подобное подавление личности характерно не только для институтов, где это можно было бы объяснить повышением эффективности образовательного процесса, но и в действиях гувернантки³²⁹, а ведь она занималась зачастую лишь с одной воспитанницей, следовательно, данная мера служила не только лишь цели налаживания учебной дисциплины. На наш взгляд, и репрессирующая институтская система, и гувернантка выполняют некий

³²³ См. об этом: Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29-31.

³²⁴ «матушка ... до гробовой доски осталась доверчивой, как ребенок» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.).

³²⁵ Стерлигова А.В. Указ. соч.

³²⁶ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³²⁷ Стерлигова А.В. Указ. соч.

³²⁸ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³²⁹ Ковалевская С.В. Указ. соч.

единый социальный заказ, ломая детскую личность в соответствии с существующей нормой. Этой же цели, очевидно, служит и стремление к единообразию воспитанниц, носившее, по мнению Е.Н. Водовозовой, совершенно осознанный характер: «начальство сознательно стремилось обезличивать их, – с такими ему легче было справляться»³³⁰, хотя здесь и усматривается стремление к учебной дисциплине, очевидно, привитие девочке/девушке нормативности в ущерб индивидуальности с привлечением жёстких репрессивных мер, характерно, безусловно, не только для «институтского мира», но и для дворянского дома, точнее, детской его части. Однако, на наш взгляд, институты в этом плане наиболее показательны, так как они, во-первых, дают образец сугубо дворянского воспитания, а, во-вторых, являются местом «массового» женского воспитания.

Осмысляя по прошествии лет институтское воспитание, как собственное, так и своей матери, Е.Н. Водовозова делает вывод о полной неподготовленности институток к последующей, «взрослой» жизни: «я навсегда оставила стены “alma mater”, чтобы вступить на новую, совсем неизвестную мне дорогу жизни, к которой я была совершенно не подготовлена институтским воспитанием»³³¹; «невероятно наивны и глупы были мы, выходя из института... Просто преступно и жестоко было в таком виде бросать девушку в житейский водоворот!»³³². Очевидно, не только длительное пребывание вместе, но и ощущение подобной незащитности «в мире» заставляла выпускниц теснее держаться друг друга по выходе из института (насколько это было возможно): поддерживать переписку и даже друг друга навещать³³³.

Теперь следует вернуться к домашнему воспитанию и проследить роль матери в нём, ведь, даже и при непосредственном участии в воспитательном

³³⁰ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³³¹ Там же.

³³² Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³³³ «...эту неделю у нас гостит одна наша подруга нашего выпуска...» (Письмо Е.В. Гоголь-Яновской к В.С. Аксаковой от 30 марта 1850 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 1); Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 74.

процессе, мать в рамках традиционной культуры оказывает значимое влияние на воспитание и социализацию дочери³³⁴.

Известны случаи, когда мать посвящает этому занятию значительную часть своего времени: «живя уединенно в своей деревне, ей оставалось довольно времени от других занятий, дабы посвятить оное на воспитание своих детей»³³⁵ – и, несмотря на наличие большого, как правило, штата прислуги, лично заботится о них, о чём свидетельствует частная переписка дворянских женщин: «Здоровье моей малютки Маши также меня очень беспокоит, она часто плачет, а я такая неопытная...»³³⁶; «у Любы с Машей корь гораздо сильнее и далеко не такой хороший ход как у первых; нынче провозилась ночь с Машей, очень заболело горло, ставила горчицу и проч.»³³⁷.

В такой ситуации дворянка уделяет большое внимание воспитанию дочери³³⁸, причём это распространяется и на те случаи, когда отношения между ними достаточно напряжённые или попросту плохие: «мать моя, от всей души меня не любившая... не позволяла отлучаться от неё ни на полчаса; я должна была целый день сидеть в её горнице и плести кружева...»³³⁹. Очевидно, что чем менее поведение дочери соответствует материнским представлениям о должном, тем более жёсткий контроль за девочкой организуется, чтобы направлять в «нужное» русло её развитие.

Так, могла ограничиваться «резвость», излишняя физическая активность, как это было в случае с Н.А. Дуровой³⁴⁰ или А.Е. Лабзиной³⁴¹, однако особенно

³³⁴ Кон И. С. Ребёнок и общество...

³³⁵ Вульф А.Н. Указ. соч.

³³⁶ Письмо Е.В. Быковой (урожд. Гоголь-Яновской) к В.С. Аксаковой от 12 августа 1852 // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 17.

³³⁷ Письмо О.С. Аксаковой к Н.Т. Карташевской от 27 апреля 1840 // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 135. Л. 2.

³³⁸ «Я почти не расставалась с нею (матерью – О.Л.); её нежность и доброта приобрели ей мое доверие» (Головина В.Н. Указ. соч.)

³³⁹ Дурова Н.А. Указ. соч.

³⁴⁰ Там же.

жёсткий контроль осуществлялся над социальной активностью девочки: круг её общения строго ограничен³⁴² незначительным числом лиц, практически любые социальные контакты девочки и даже девушки происходят в присутствии взрослых из числа её воспитателей: «Уже с восьми лет моя мать нарочно оставляла меня одну с ними (соседями – О.Л.) в гостиной, чтобы занимать их. Она проходила рядом в кабинет с работой, и, таким образом, *она могла всё слышать, не стесняя нас*»³⁴³.

Подобные черты дворянского воспитания, ставящие барышню в менее выгодное положение даже в сравнении с девушкой-крестьянкой тех же лет, ограничивали развитие таких качеств как самостоятельность, уверенность, активность. Правда, в институтах, по меньшей мере, ночью, когда «начальство», к которому относили всех старших, включая классных дам, уходило спать, воспитанницы имели возможность для непринуждённого общения в кругу сверстниц (хоть это и было запрещено)³⁴⁴, в целом же эта практика для барышень была достаточно ограничена, и общение со сверстниками своего, а тем более – другого пола, осуществлялось, как правило, в присутствии взрослых.

Очевидное исключение здесь составляли сёстры и братья, кузины и кузены, иногда в источниках упоминается о практике «компаньенок» – сверстниц, специально принимавшихся в дом для совместного времяпровождения с дочерью

³⁴¹ «Да и присмотр моей благодетельной и доброй няни много меня удерживал от шалостей. Мать моя давала нам довольно времени для игры летом и приучала нас к беганью; и я в десять лет была так сильна и проворна, что нонче и в пятнадцать лет не вижу, чтоб была такая крепость и в мальчике. Только резвость моя много огорчала мою почтенную мать. У меня любимое занятие было беганье и лазить по деревьям, и как бы высоко дерево ни было, – то непременно влезу. А как меня за это наказывали, то я уходила тихонько в лес и там делала свое удовольствие; и братьев с собой уведу и их учу также лазить; и учительнице много за это доставалось» (Лабзина А.Е. Указ. соч.).

³⁴² Видимое исключение составляет Е.Н. Водовозова, которая в промежуток времени между смертью няни и поступлением в институт ввиду бедности семьи (и горничная, и даже мать проводили целые дни в работе) оказалась предоставленной самой себе, не имея определённой воспитательницы.

³⁴³ Головина В.Н. Указ. соч.

³⁴⁴ Стерлигова А.В. Указ. соч., Водовозова Е.Н. Указ. соч.

хозяев³⁴⁵. Правда даже с сублингами девушка не всегда могла свободно общаться, ввиду «изоляционной политики» гувернантки³⁴⁶. Вкупе с дистанцией в отношениях со старшими это заставляет барышню чувствовать себя одинокой: «ах, если бы у меня был товарищ, ребенок моих лет, с которым можно бы подурачиться, повозиться, в котором бы, так же как и во мне, ключом кипел избыток молодой, здоровой жизни!»; «как у большинства одиноко растущих детей, у меня уже успел сложиться целый богатый мир фантазий и мечтаний, существование которого и не подозревается взрослыми»³⁴⁷. Данное обстоятельство, на наш взгляд, не только затрудняло развитие коммуникативных навыков и механизмов отстаивания собственной идентичности, но и способствовало сохранению её «непросвещённости» в тех вопросах, которые взрослые старались табуировать.

В этой связи следует отметить следующую специфическую черту материнского воспитания: от девочки не только утаивается любая возможная информация сексуального характера (осуществляется то, что мы назвали «гендерной цензурой»), но ей отказывается в освещении даже элементарных и важнейших вопросов. Странно было бы ждать этого от гувернантки, но и мать, соблюдая «дистанцию» и исходя из соображений «пристойности» не столько не предоставляет дочери никакой информации на сексуальные темы осознанно, сколько, очевидно, будучи воспитанной подобным же образом, даже не может помыслить об этом. В дворянской среде женщина постигает всё исключительно опытным путём. Такая схема вступает в резкое противоречие с той матримониальной и репродуктивной направленностью, которой были проникнуты все остальные аспекты воспитания дворянской барышни.

³⁴⁵ «сестра оставлена в Москве у приятелей наших родителей, г-на К[аковинского]: они имели одну дочь, с кою [сестра] и жила вместе до тех пор, пока вышла дочь их замуж» (Загряжский М.П. Указ. соч.); «...мой дядя, канцлер... меня... стал воспитывать вместе со своей единственной дочерью» (Дашкова Е.Р. Указ. соч.).

³⁴⁶ Ковалевская С.В. Указ. соч.

³⁴⁷ Там же.

Важно, что, несмотря на наличие гувернантки, целенаправленно обучавшей девочку «хорошим манерам», именно мать воспринимается как некий «образец» того, какой станет со временем девочка-дворянка: «вот и я буду такая красавица, как мама, когда вырасту!»³⁴⁸. Очевидно, что даже и при непосредственном неучастии в воспитательном процессе, мать в рамках традиционной культуры оказывает значимое влияние на воспитание и социализацию дочери. Кроме того, учитывая уровень педагогики, характеризующий даже очень опытную гувернантку, следует предположить, что некоторые аспекты поведения – осознанно или нет – отсутствовали в её воспитательной системе, и, будучи ментальными, «надличностными», воспринимались девочками нерефлексивно, путём подражания.

Речь идёт о восприятии и воспроизводстве определённой гендерной роли. Многие из дворянок вспоминают, что именно матери вносили определяющий вклад в их воспитание – в том числе демонстрацией нормативного поведения: «Мать моя... начала образо[вы]вать сердце моё, сколько словами, а вдвое примерами»³⁴⁹; «вся жизнь её была образцом самого совершенного исполнения правил евангельских»³⁵⁰. На наш взгляд, можно говорить о ключевой роли матери в формировании гендерной идентичности юной дворянки. Интересно, что Надежда Дурова, единственная женщина, о которой имеются достоверные свидетельства, осмелившаяся в рассматриваемый период открыто пойти на полную смену своего социального пола, связывает подобное своё самоопределение также с влиянием матери³⁵¹.

³⁴⁸ Ковалевская С.В. Указ. соч.

³⁴⁹ Лабзина А.Е. Указ. соч.

³⁵⁰ Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 36.

³⁵¹ «Может быть, я забыла бы наконец все свои гусарские замашки и сделалась обыкновенною девицею, как и все, если б мать моя не представляла в самом безотрадном виде участь женщины. Она говорила при мне в самых обидных выражениях о судьбе этого пола: женщина, по её мнению, должна родиться, жить и умереть в рабстве <...> я решилась, хотя бы это стоило мне жизни, отделиться от пола, находящегося, как я думала, под проклятием Божиим» (Дурова Н.А. Указ. соч.).

Изо дня в день, демонстрируя определённый стиль нормативного поведения, женщина-дворянка участвует тем самым в процессе воспроизводства дворянского этоса – через воспитание будущих жён и матерей. В связи с тем, что власть матери над девочкой и даже девушкой-дочерью была чрезвычайно велика³⁵², это оказывалось одним из важнейших факторов социализации юной дворянки. Как уже говорилось, брак и рождение детей репрезентировались в дворянском обществе в качестве главной цели жизни женщины и становились, соответственно, центральными категориями в системе воспитания дворянской девочки: эвфимистически ей с детства внушается мысль о подобном её «предназначении», а ожидание вступления в брак становится лейтмотивом детства и юности российских барышень.

Итак, российское дворянское воспитание основывалось на гендерном разделении: если мальчик готовится на роль будущего общественно-политического, культурного или военного деятеля, то девочка воспитывается как будущая жена и мать. Общество через женскую воспитательную систему – и особенно это показательно на примере институтского воспитания – осуществляет «производство» такого «продукта», в котором оно заинтересовано, иначе говоря, воспитывает женщин в соответствии с системой конкретных социальных ожиданий. Как институт, так и семья развивают в девочке именно те качества, которые были востребованы в обществе, ведь родители (или те, кто их заменял) были заинтересованы, в первую очередь, в удачном замужестве девушки, что являлось признаком своего рода «успешности», состоятельности, престижа – не только для неё самой, но и для её семьи. На наш взгляд, очень важно, что в

³⁵² «Матушка... не привыкла слышать от своих дочерей отказа от повиновения какому бы то ни было её приказанию, а тем более в такой возмутительной форме; постояв молча несколько минут, она, видимо, решила, что моя неслыханная дерзость – результат отчаяния и болезни...» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.); «я несколько не боялась матери, но всячески старалась ей угодить» (Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 35); «исключая гнева матери моей, ничего в свете не страшилась» (Дурова Н.А. Указ. соч.); «когда она меня ласкала... у меня от радости слезы текли, и я целовала руки моей матери и обнимала колени её» (Лабзина А.Е. Указ. соч.).

рассматриваемый период в данный процесс включается государство, внося некоторую упорядоченность в процесс воспитания «востребованных» невест.

Судя по всему, девушки, воспитанные в жёстких авторитарных рамках и ограниченные системой строгих табу, выросли не только наивными и инфантильными, но и имеющими слабое, а то и искажённое представление об окружающей действительности, что, безусловно, ставило их в невыгодное положение, делая ещё более слабыми и беспомощными в будущем и усугубляя их зависимое, ведомое положение как в родительской семье, так и в последующем браке. Однако, вероятно, подобные «качества» считались вполне приемлемыми, а то и социально поощряемыми в рамках данного общества. В этом отношении очень характерную оценку дворянским девушкам даёт Г.И. Ржевская: «Так называемая оригинальность их, которую осмеивали многие, имела весьма хорошие стороны. *Из них вышли прекрасные супруги*»³⁵³, правда, она ведёт речь о выпускницах Смольного института – государственного воспитательного заведения. Однако схожесть стереотипов, предлагающих выполнение традиционных гендерных ролей в качестве единственно возможных целей женского существования, лишь подтверждает известную универсальность и всеобщность подобных представлений. Парадоксально, что при подобной матримониальной и репродуктивной направленности всей системы женского воспитания не просто уходит из внимания или не имеет должного развития, а сознательно подавляется его сексуальный аспект; такая система воспитания предоставляет женщине приобретать сексуальный опыт, не владея какой бы то ни было информацией о телесности, поле и сексуальности, и – при отсутствии соответствующего дискурса как такового – исключительно «опытным путём», что было допустимо, разумеется, лишь в контексте брака. Отсутствие «женского» дискурса сексуальности не позволяет осуществлять какой-либо обмен опытом и стагнирует ситуацию дальнейшего отсутствия женского сексуального воспитания.

³⁵³ Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 37.

§ 2. Нормативная модель поведения и система ценностных ориентаций женщины в российском дворянском сословии конца XVIII – первой половины XIX в

Цель данного параграфа – понять гендерную специфику характерных для дворянства морально-нравственных установок и выявить основные аскриптивные гендерные черты, формируемые под их влиянием.

Моральные принципы российской дворянки конца XVIII – середины XIX в., как и дворянского общества в целом, имели в основе своей двойственную природу, базируясь, с одной стороны, на традиционных христианских ценностях, характерных для подавляющего большинства населения Российской империи, а с другой – на сугубо дворянском «кодексе чести»³⁵⁴ – неписанном своде правил, формирующих элитарные поведенческие нормы.

Несмотря на реформы первой четверти XVIII в. и связанную с ними «секуляризацию общественного сознания»³⁵⁵, православие в конце XVIII – середине XIX в. продолжает оставаться весьма значимой частью мировоззрения российского нобилитета, будучи прочно увязанным с его повседневными практиками и жизненными циклами. Конечно, в ситуации его повсеместного господства в качестве «официальной идеологии» совершенно очевидно, мог иметь место формализованный и поверхностный подход – как к обрядовой стороне, так и к морально-этическим ценностям православной церкви³⁵⁶, но важно отметить, что подобное обмирщение сознания в значительно большей степени было характерно для мужчины. Женщина же позиционируется в качестве

³⁵⁴ Подробнее об этом см.: Муравьева О.С. Указ. соч.

³⁵⁵ Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни... С. 8.

³⁵⁶ «Я пошел рано... в Казанскую церковь, надеясь увидеть там государя и царское семейство. Случай поставил меня за толстяка, который, нещадно расталкивая толпу, провел меня почти до самого иконостаса, ибо я пользовался пустым местом, которое он, подвигаясь, оставлял за собою... Но я не мог долго выдержать эту бесконечную толкотню и очень счастлив был, когда продрался назад. – И после того есть столь бессовестные люди, которые уверяют, что они молятся в церкви и для того туда ходят!» (Вульф А.Н. Указ. соч. С.37) и др.

носительницы и хранительницы традиционных христианских ценностей³⁵⁷ в противовес «прогрессивным» взглядам и модным философским идеям, зачастую остававшимся прерогативой мужчин. Хрестоматийным примером, характеризующим подобный гендерный расклад в данную эпоху могут служить описанные Л.Н. Толстым в романе «Война и мир» Андрей Болконский и его сестра Марья³⁵⁸; та же тенденция ярко проявляется и в отношениях Анны Лабзиной с её первым мужем А.М. Карамышевым³⁵⁹, а также у описанных в мемуарах Е.Н. Водовозовой С.М. Гонецкого и его супруги Марьи Фёдоровны³⁶⁰ и др. Разумеется, далеко не всех мужчин затронуло подобное «повреждение нравов»³⁶¹, но в целом, трансформация традиционных взглядов у мужчины происходила быстрее, нежели у женщины.

Христианская идеология, изначально уравнивавшая (до известной степени) женщину с мужчиной в рамках идеи всеобщего социального равенства³⁶², в её православном варианте приводит в XV в. к «укреплению... системы взглядов,

³⁵⁷ «Высокая религиозность её проявлялась не в одних внешних формах обрядового исполнения, но в глубоком развитии видения духовного» (Францева М.Д. Указ. соч.).

³⁵⁸ Толстой Л.Н. Война и мир. Том третий // Собр. соч.... Т. 6. С. 40–43 и др.

³⁵⁹ «Наступил Великий пост, и я, по обыкновению моему, велела готовить рыбу, а для мужа мясо, но он мне сказал, чтоб я непременно ела то же, что и он ест. Я его упрашивала и говорила, что я никак есть не могу, – совесть запрещает, и я считаю за грех. Он начал смеяться и говорил, что глупо думать, чтоб был в чем-нибудь грех <...> наконец стала есть, но не суп ела, а слезы, и получила от мужа моего за это ласки и одобрение...» (Лабзина А.Е. Указ. соч.).

³⁶⁰ «Жизнь молодой женщины сделалась настоящей каторгой, и она однажды бросилась на колени перед своим мужем, умоляя его отпустить её в монастырь. Но это-то окончательно и взбесило дедушку. Его ненависть к монастырям была всем известна: в разговорах с соседями он обыкновенно приравнивал их к “непотребным домам”» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.).

³⁶¹ «Ни у кого не встречала я такого сильного религиозного чувства, такой веры, как у отца моего. Вместе с тем, он не бросался в глаза исполнением обрядовой стороны религии, хотя и не пренебрегал ею» (Бибикова С.Н. Воспоминания о моём отце Никите Михайловиче Муравьеве // В потомках ваше имя оживет: Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986, С.64.); Е.Н. Водовозова запомнила слова матери об отце: «обрядов мой покойный муж не выполнял, но зато он по духу был настоящий христианин и самые христианские чувства внушал своей семье даже к рабам» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.).

³⁶² Василий Великий, святитель. Происхождение человека. Беседа. [Электронный ресурс]. http://shestodnev.ortox.ru/users/79/1100779/editor_files/file/Беседы%20на%20Шестоднев.pdf (дата обращения: 02.12.2014).

принижающих женщину и роль “женского”, ставящих его в положение вторичного и малозначимого по сравнению с “мужским”»³⁶³. Женщина окружается многочисленными запретами, имеющими ярко выраженный гендерный характер, то есть не распространяющимися в той же степени на мужчину³⁶⁴. Однако, и те нормы православной морали, которые в равной степени вменялись обоим полам, довели над ними неодинаково: «трудно вообразить себе юного дворянского сынка, сколь угодно религиозного и нравственного, который бы начал половую жизнь не с крестьянкой. Это было совершенно в порядке вещей. Если здесь и видели нравственную проблему, то исключительно проблему собственной моральной и физической чистоты»³⁶⁵. Разумеется, для дворянской девушки аналогичное поведение было совершенно неприемлемо – причём, чрезвычайно сильны были как «внешние» запреты, так и «внутренние». Следовательно, можно говорить о гендерной специфике не только самих норм православной морали, но и отношения к ним: от женщины требуется более строгое соблюдение предписаний, ведь именно её «высоконравственный облик» должен был обеспечивать устойчивость морального климата в обществе.

Очевидно, обозначенный дуализм существовал в дворянском обществе не только в пласте нормативных предписаний: мужские и женские автодокументальные тексты демонстрируют нам подобную разницу и на уровне повседневных жизненных практик. Так, мужчины в своих текстах, как правило, не заостряют внимание ни на собственных, ни на чужих религиозных переживаниях, женщины же упоминают о них практически всегда. Это, безусловно, свидетельствует о том, что в жизни женщины религиозные чувства и религия в целом играли значительно более важную роль.

Кроме того, ряд женских текстов демонстрирует нам наличие серьёзной рефлексии дворянских девушек по этому поводу. Например, Н.Д. Апухтина, чья

³⁶³ Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни... С. 4.

³⁶⁴ Подробнее об этом см.: Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни... С. 4.

³⁶⁵ Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 85.

«экзальтированная юная душа... не удовлетворилась одними наружными формами религии», в результате чего она «страстно предалась чтению разных духовных книг», «увлекалась более всего мученическими и аскетическими из любви к Христу подвигами» и решила «в сердце посвятить себя Богу и идти в монастырь»³⁶⁶; однако, родители, выступив против такого решения дочери и даже предотвратив попытку девушки бежать в монастырь, склоняют её к принудительному браку³⁶⁷. Или пепиньерка Екатерининского института девушка Капитолина³⁶⁸, перешедшая в результате своих духовных исканий в католичество³⁶⁹. Близки к смене религиозной принадлежности также были и другие юные представительницы дворянского сословия, что свидетельствует об активном поиске юными дворянками религиозной идентичности. Важно, что данные примеры демонстрируют отнюдь не внешнюю религиозность, заключающуюся во внимании исключительно к «наружным формам религии»³⁷⁰, а глубокие религиозные чувства, характеризующие девушку-дворянку.

Конечно, поверхностное отношение к вере, не предполагающее серьёзной внутренней рефлексии, также не было сугубо мужской чертой, как и «глубокое чувство верующего человека»³⁷¹ не характеризовало исключительно женщин. Так, рассказывая о перемене в поведении Капитолины, А.О. Смирнова-Россет

³⁶⁶ Францева М.Д. Указ. соч.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ «Капитолина приглашала Балугьянскую и меня... с ней разделить это пирожное. Однажды она всё нам отдала; когда мы спросили её, зачем она не ест, она отвечала: «*Ste. Monique ne mangeait que quand elle avait faim*» («Святая Моника ела только тогда, когда была голодна (фр.)). Балугьянская и я, мы уплели всё, и всякий день она отказывалась. Мы говели на Страстной неделе, уже у Наумова. Перед исповедью он нас очень серьёзно приготовил к исповеди и принятию Святых Тайн. До той поры мы не слышали подобных слов. Все заметили, что он произвёл сильное впечатление на Капитолину. Она вдруг изменилась, утром молилась и с молитвой умывалась, одевалась, в классе делала то же самое... Девушки начали смеяться, но ничто её не смущало, и с уважением смотрели на неё» (Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 75).

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Францева М.Д. Указ. соч.

³⁷¹ Там же.

упоминает, что в связи с этим прочие воспитанницы «было начали смеяться, но ничто её не смущало, и с уважением смотрели на неё»³⁷². Нужно сказать, что воспитанницы институтов благородных девиц вообще, как правило, отличались весьма поверхностным, а то и равнодушно-циничным отношением к религии³⁷³, а ведь религиозное воспитание было провозглашено основной целью в данных воспитательных заведениях³⁷⁴. Следует предположить, что именно эта религиозность, постоянно вменявшаяся им в обязанность, и вызывает у институток подобное отторжение – как из фактов навязывания нормативных чувств и эмоций, которые имели место в процессе воспитания, с характерной для него тотальной несвободой дворянской девочки/девушки.

Очевидно, домашнее воспитание не сильно отличалось от институтского – по степени как его авторитарности, так и привития девочке религиозного сознания. Но так как в данном случае, во-первых, не была так навязчиво декларирована подобная воспитательная задача, а во-вторых, не было коллектива сверстниц, имеющего собственные внутренние поведенческие нормы, то, как правило, морально-нравственные предписания православной церкви воспринимались девочкой в раннем детстве нерелексивно, составляя впоследствии важную часть её мировоззрения, причём следование им не оценивается ею как навязанная стратегия и не осознаётся в качестве «нормативной» модели поведения.

Это же можно сказать и о другом источнике нормативности, не традиционном для российского нобилитета, но также очень влиятельном в рассматриваемый период. В XVIII в. «эпоха выдвигает на первый план ценности индивидуально-психологического, личного порядка. Некогда единые для всех нормы религиозной морали расслаиваются, уступая место специфическим кодам, связанным с особенным образом жизни того или иного сословия, социальной

³⁷² Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 75.

³⁷³ Подробнее об этом см.: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С, 210–212.

³⁷⁴ «При сих воспитательных учреждениях первое прилагать должно старание, чтобы вселять в юношество страх Божий, утверждать сердце в похвальных склонностях и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам...» (Бецкий И.И. Указ. соч.).

группы»³⁷⁵. Для дворянства таким «кодом» становится система неписанных поведенческих норм – от этикетных до нравственно-этических, – которую можно обозначить как «дворянский кодекс чести»³⁷⁶.

Исследовательница поведенческих норм и воспитательных стратегий российского дворянства О.С. Муравьёва трактует этикет как «точное знание, как и в каком случае следует поступить», то есть, как видим, достаточно широко, понимая под ним все те правила поведения, которые появились в Российской империи с начала XVIII в. и выходили за рамки традиционных, базирующихся в основном на христианском мировоззрении, представлений.

Следует отметить, что эти «единые общеевропейские правила хорошего тона»³⁷⁷ оказывают влияние не только на поведенческую модель дворянки, но, в значительной степени, и на её внешний облик, а всё это вместе с христианским мироощущением формирует некий нравственный идеал – систему представлений о «нормативной женственности»³⁷⁸, нашедшую отражение во многих как литературных текстах, так и источниках личного происхождения. Нужно сказать, что российская дворянская культура оперирует некоторым количеством достаточно унифицированных женских характеристик, отражающих комплекс морально-этических норм, вменявшихся женщине и, соответственно, наиболее социально ожидаемых от неё.

Дворянское воспитание, имевшее в своей основе установку на некий идеал, с самых ранних лет формирует у ребёнка определённую – в зависимости от его половой принадлежности – систему представлений о нормах, «которые в жизни осуществлялись не столь уж часто, но являлись неизменным ориентиром»³⁷⁹ при выборе поведенческой стратегии. Попробуем воссоздать модель нормативной

³⁷⁵ Кон И.С. Ребёнок и общество...

³⁷⁶ Муравьёва О.С. Указ. соч.

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 160.

³⁷⁹ Муравьёва О.С. Указ. соч.

женской личности на основе комплекса применяемых по отношению к ней в текстах эпитетов.

Когда контекст предполагает перечисление «хвалебных» характеристик, некоторые формулировки оказываются наиболее универсальными и предпочтительными для авторов: «...в их обществе, право, делаешься добрее и лучше. Они оба такие кроткие, такие рассудительные, такие милые люди; люби их, Левочка, и поддерживай нашу связь с ними, пожалуйста»³⁸⁰. С учётом контекста из женских и мужских источников личного происхождения была произведена выборка наиболее распространённых характеристик, на основе которых воссоздаётся некий облик «идеальной» женщины, характерный для конца XVIII – первой половины XIX в.

Судя по всему, набор первых прививаемых дворянской девочке качеств был выдержан в духе христианских добродетелей, определяемых в терминах «благочестия»³⁸¹, «совершенного исполнения правил евангельских»³⁸². Безусловно, в рамках традиционного дворянского общества дети обоего пола воспитывались с позиций православия, но, тем не менее, для мальчиков данная сфера воспитания не становилась столь определяющей, оставляя место для иной, светской системы ценностей, вступавшей иногда и в противоречие с христианской моралью – так, элитарные представления о дворянской чести культивируют такие свойства личности как гордость, заботу о своей репутации, щепетильное отношение к своему внешнему облику³⁸³ и другие, слабо сочетающиеся с системой ценностей, характерной для православия.

Дворянке же, в первую очередь, прививались такие качества как «терпение», «покорность», «смирение». Эти «достоинства», «приличествующие молодой девице»³⁸⁴, занимают значительное место в женских текстах, тесно переплетаясь

³⁸⁰ Дубельт А.Н. Письма к мужу...

³⁸¹ Дурова Н.А. Указ. соч.

³⁸² Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 36.

³⁸³ Подробнее об этом см. Муравьёва О.С. Указ. соч.

³⁸⁴ Дурова Н.А. Указ. соч.

между собой. Выше уже шла речь об определённых «корректировках» женской личности с целью укрепления супружеских отношений и, соответственно, семьи. Очевидно, этой же цели было подчинено развитие у неё и данных качеств. Приводимые в текстах «идеалистические» описания жизни супругов наглядно демонстрируют, какие именно свойства личности женщины оказывались наиболее важны для «счастливой» семейной жизни: «Наталья Ивановна и Василий Иванович были очень добры, любили друг друга и были счастливы, хотя он и разорялся от карт, но жена всё ему прощала»³⁸⁵; «одна из этой семьи не делала замечаний мужу из деликатности даже тогда, когда он смелыми оборотами доводил семью до разорения, на том основании, как говорила она впоследствии сыну, что всё имение принадлежало ей»³⁸⁶. Как видим, женские смирение и терпение, облекаясь порой в форму сугубо светского, этикетного понятия «деликатность», трактуются едва ли не как основной залог семейного счастья.

«Кротость» также, по видимому, оказывается одной из наиболее «предпочтительных» женских черт наряду с «добротой»: «...доброта и кротость так поразили мою мать, что она бросилась обнимать свою мачеху, называя её “святой” и “ангелом доброты”»³⁸⁷ и другими «универсальными» качествами: «с природной кротостью она соединяла достоинства, завидные для её пола <...> она была чудом прелести»³⁸⁸. По словам Надежды Дуровой, её бабка была «известна по необычайной кротости нрава»³⁸⁹, таким образом, «кротость» также расценивается как однозначно положительное, а возможно, и как определяющее качество дворянской женщины, ведь она играет важную роль в налаживании межличностных контактов – в первую очередь, с супругом и его семьёй: «её кротость и смирение победили... предубеждение»³⁹⁰.

³⁸⁵ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³⁸⁸ Дашкова Е.Р. Указ. соч.

³⁸⁹ Дурова Н.А. Указ. соч.

³⁹⁰ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 61.

Как видим, перечисленные выше качества: «кротость», «смирение», «покорность», «терпение» – получают однозначно позитивную оценку, что демонстрирует устойчивую систему представлений об «идеальной женщине»; об этом же свидетельствуют и комментарии женского поведения, выходящего за рамки данной нормы: «Великая Княгиня (Мария Фёдоровна – О.Л.), его жена, хотя и очень любила его, старалась подчинить его себе и этим только раздражила его»³⁹¹; «горячка, горячка! Ах, дитя, твой пылкий нрав, доходящий до исступления, много горя, много слёз готовит тебе в будущем!»³⁹², то есть поведение несоответствующее принципам «кротости», «терпения», «покорности» априори не предвещает «носительнице» нежелательных «качеств» ничего хорошего в будущем.

Повиновение и покорность также достаточно часто фигурируют в текстах – обычно, в контексте описания «воспитательных» стратегий взрослых в отношении юной дворянки: «Наталья Александровна с заплаканными глазами крестила и целовала Нюту, рыдавшую на её плече. Что она внушала ей, я не слыхала, но, конечно, не протест и борьбу с деспотизмом родительской власти, а, вероятно, на разные лады давала лишь советы покорности и смирения...», но родительская власть трансформируется для неё после брака во власть супруга – тем более что в рамках подчинения первой она, как правило, и «даёт согласие» на брак. Так, «ты уж не от меня будешь зависеть, а от мужа и от свекрови, которым ты должна беспредельным повиновением и истинною любовью. Уж ты не от меня будешь принимать приказания, а от них»³⁹³ – говорит А.Е. Лабзиной мать; почти тоже повторяет ей и тётка: «друг мой, ты уж должна жить под его законами. Мы сами так делали для мужей... Главная твоя должность будет состоять в том, чтоб без воли его ничего не предпринимать»³⁹⁴. Здесь также играло важную роль и упомянутое уже воспитание личным примером: «любовь, которую больная питала

³⁹¹ Головина В.Н. Указ. соч.

³⁹² Водовозова Е.Н. Указ. соч.

³⁹³ Лабзина А.Е. Указ. соч.

³⁹⁴ Там же.

к своей матери, становилась более горячей <...> она говорила: – Позовите мне моего ангела, мне надо *научиться у неё покорности...*³⁹⁵. Очевидно, дворянки с детства приучались к послушанию – через покорность власти взрослых, чей авторитет в их глазах был очень высок даже в середине XIX в.: «вернуться назад в классную, не выполнив приказания гувернантки, я не решалась. Это значило бы усугубить вину явным непослушанием»³⁹⁶. Очевидно, что «повиновение», «покорность», «послушание» оказываются также весьма значимыми для семейного благополучия качествами наряду с «кротостью» и «терпением», как и сознательным конструированием любовного чувства к спутнику жизни.

Не менее «востребованными», по-видимому, являлись и такие женские черты как забота и жертвенность. «От женщины ожидалось самопожертвование, готовность быть духовной опорой мужчине, “подкреплять” его»³⁹⁷, замужней женщине полагалось сосредоточить «все свои чувства на муже и детях»³⁹⁸, однако и на незамужних дворянок зачастую ложатся аналогичные функции заботы³⁹⁹, а то и ответственность за поступки близких мужчин: «брат проиграл такую огромную для нас сумму, как шестьсот рублей, и мне немедленно пришлось взять место... Всё мое жалованье должно идти на уплату этого долга, и я не смею даже просить матушку о том, чтобы оставлять рубль-другой...»⁴⁰⁰ – так, одна из старших незамужних дочерей «чувствует» свою ответственность за семью и вынуждена устроиться гувернанткой из-за легкомысленного поступка брата. Из этого явствует, что российская дворянка ещё в родительском доме привыкала жить не

³⁹⁵ Головина В.Н. Указ. соч.

³⁹⁶ Ковалевская С.В. Указ. соч.

³⁹⁷ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии... С. 54.

³⁹⁸ Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 59.

³⁹⁹ «О брате твоём я ничего не говорю; любовь твоя его не оставит, и ты ему будешь мать и нежный друг» (Лабзина А.Е. Указ. соч.). Ср.: «Ты, мой друг, моё самое любимое дитя, обещай мне заботиться о твоих братьях, давать им добрые советы» (Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 40).

⁴⁰⁰ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

для себя, а для других, что, очевидно, также было весьма важно для будущей жены и матери.

Широко распространённая идеалистическая характеристика «ангел»⁴⁰¹ (схожая с нередко встречающимся эпитетом «святая»⁴⁰²), которая могла применяться в данный период как к женщинам, так и к мужчинам⁴⁰³, по видимому, включает в себе не только вышеперечисленные свойства личности, сводимые, по большому счёту, к основным христианским добродетелям, но также предъявляет дворянке требования «чистоты», «невинности», ведь ангел – бесполое существо, прекрасное и добродетельное, но лишённое сексуальности – такой, очевидно, должна была быть и дворянская девушка, ведь её «чистота нравов»⁴⁰⁴ вместе с «невинностью и чистосердечием»⁴⁰⁵ является «залогом всех добродетелей»⁴⁰⁶, то есть воспринимается как основополагающее свойство женской личности. Подобные характеристики непосредственно выводят нас на проблему «чести» женщины в российской дворянской культуре, поэтому о них более детально речь пойдёт в следующем параграфе данной главы.

Пожалуй, характеристика «ангел» не только сводит воедино все вышеперечисленные морально-нравственные качества, вменяемые дворянке, но и соединяет их со свойствами эстетическими (о которых пойдёт речь в третьей главе) и даже «умственными», а представления о гармоничной женской личности, сочетающей в себе все эти черты, были весьма характерны для интересующего нас периода: «вы были чисты, как ангел, божественно прекрасны, прелестно

⁴⁰¹ «Её ангельское лицо, стройный грациозный стан, легкая походка вызывали всегда новое изумление» (Головина В.Н. Указ. соч.).

⁴⁰² Хотя madame Сент-Илер и начальство, но она чудная, святая женщина...» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.).

⁴⁰³ «Как только жених и невеста вошли туда, их вид вызвал всеобщее умиление. Они были прекрасны, как ангелы» (Головина В.Н. Указ. соч.); «я потеряла моего брата, которому было восемнадцать лет. Он был красив и добр, как ангел» (Там же).

⁴⁰⁴ Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 40.

⁴⁰⁵ Там же.

⁴⁰⁶ Там же.

наивны»⁴⁰⁷; «её привлекательная внешность вполне гармонировала с её нравственными и *умственными* качествами»⁴⁰⁸ – и охотно культивировались как агентами воспитания, так и самими дворянками.

Вообще, что касается такого «свойства» женской личности как «ум», в рассматриваемый период в отношении него существует некая двойственность: с одной стороны, как западные просветители XVIII в., так и их отечественные последователи единодушно высказывались в пользу женского образования⁴⁰⁹, но с другой стороны, их представления о том, каким должно быть это «образование» были весьма специфичны. Пожалуй, наиболее полное отражение подобные взгляды нашли в педагогических сочинениях Ж.-Ж. Руссо, по мнению которого, природа «хочет», чтобы женщины «мыслили, судили... *украшали ум свой, как и фигуру свою*», но, что характерно, учиться они должны «только тому, что им *прилично знать*»⁴¹⁰ – это возвращает нас к проблеме гендерной цензуры и двойных стандартов – как в западноевропейском, так и в российском дворянском обществе.

Проблема уровня образования, «приличного» для благородной женщины, оставалась актуальной на протяжении всего рассматриваемого периода, правда, за конец XVIII – первую половину XIX в. она заметно эволюционирует – как и сам этот уровень неуклонно повышается. Так, в последней четверти XVIII в. Простакова негодует, что «девушки грамоте умеют», а спустя столетие у руководства одного из пансионов возникают серьёзные опасения насчёт их лучшей воспитанницы Александры Цевловской, которая изучив в совершенстве «всё то, что при самых строгих запросах *можно требовать от девушки дворянской семьи*... всё еще недовольна всем этим и с непобедимым упорством стремится перейти границу знаний, *дозволенных порядочной девушке дворянской*

⁴⁰⁷ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 76.

⁴¹⁰ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч.

семьи»⁴¹¹; воспитатели девушки считают необходимым «бороться» с подобным «упрямством», так как «страсть к наукам, похвальная в мужчине, но *не в девушке благородной*» и «чрезмерная склонность к интересам и разговорам, *несвойственным её полу*» грозят заслужить ей «нелестное для себя прозвище “синего чулка”» и помешать её «успехам... в жизни и свете»⁴¹². Безусловно, образование и ум – не одно и то же, но ведь и природный ум требует развития и тренировки, но и в середине XIX в. среди самих женщин продолжает бытовать мнение, что рукоделия более приличны для них, чем умственная работа, а также действует боязнь общественного мнения: «да и к чему это учение? В ученые лезть я не собираюсь, а “синим чулком” называться не хочу»⁴¹³.

В то же время, образованные женщины склонны критически оценивать недостаток ума или образования у прочих представительниц дворянского сословия⁴¹⁴, будучи при этом зачастую более категоричными, чем сами мужчины. Последние же исходят из следующих соображений: женщина должна быть умна, но настолько, чтобы умело поддержать светскую беседу⁴¹⁵, а в конечном итоге – чтобы более интеллектуально развитому и значительно старшему по возрасту мужчине не было скучно со своей совсем юной женой: «неужели мужчина сделает из своей подруги служанку? Неужели, живя с нею, *он лишит себя величайшей прелести общения?* Неужели... он лишит её возможности чувствовать, знать?»⁴¹⁶. О том, чтобы было, о чём поговорить с женой хлопочет А. Болотов; этой же цели, как правило, следует и всё женское образование.

⁴¹¹ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁴¹⁴ «Она была глупее всех Воейковых...болтала и любезничала с подругами» (Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 168); «...бабушка её, с которой она и живет, простая женщина, даже глупенькая немного и никогда не умела поддержать себя в хорошем кругу» (Жукова М.С. Указ. соч.).

⁴¹⁵ «Молодая девица довольно образованна, веселого нрава и свободного, непринужденного обращения; надеюсь, мне будет очень весело в их доме, когда она сделается нашею полковою дамою» (Дурова)

⁴¹⁶ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч.

Несмотря на то, что такая женская «характеристика» как ум приобретает всё большее значение (особенно в высшем свете, где ценились светская непринуждённость и остроумие), он «приветствуется» лишь до определённой границы: её «знание... не должно служить поводом к пренебрежению женскою прелестью, то есть скромностью и душевною мягкостью, одним словом, тем, что называется женственностью, при утрате коей девице дают наименование “синего чулка”... (чьё) сердце... остается каменным, не трогается состраданием к людям, не имеет привязанности, внешний же облик и манеры становятся резкими, грубыми и возбуждают во всех насмешку и отвращение»⁴¹⁷.

Разумеется, степень следования данным предписаниям могла быть различной, но в ситуации тотального контроля со стороны родителей и/или воспитателей (до замужества) и общества, «света» (с начала её «выездов в свет»), а также в условиях ограниченности и известной замкнутости российского дворянского общества, сколько-нибудь серьёзные отступления от общепринятых поведенческих норм могли позволить себе лишь немногие дворянские женщины, не боящиеся – ввиду собственной харизматичности или экономической независимости – бросить вызов общественным устоям.

Итак, как видим, в отношении дворянской девушки существовала достаточно жёсткая и безальтернативная система социальных ожиданий, формировавшая у неё представления о том, каким должен быть её моральный облик и нормативная модель поведения. Безусловно, мораль в данный период представляет собой один из дискурсов власти, призванных контролировать социум, а в особенности – депривированных его членов, какими в традиционных обществах, являются женщины.

Типичность приведённых характеристик свидетельствует о сформированности и устойчивости данного канона, а сами вменяемые «качества» позволяют охарактеризовать «идеальную женщину» конца XVIII – середины XIX

⁴¹⁷ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

в. как «покорную», «кроткую», «деликатную», «ангельски добрую», к тому же, желательно ещё и светски непринуждённую.

Характерно, что в рамках российской дворянской культуры женщина смотрит на себя словно мужскими глазами, так как воспитывается (осознавая или не осознавая это) как объект мужского внимания, мужской «активности». Поэтому в образах идеальной женщины-дворянки (именно дворянки, благородной, а не какой-нибудь «Лайсы» или дамы полусвета, воспеваемой в стихах) эвфимически обозначены качества идеальной жены: она «осталась преданной женой и нежной матерью»⁴¹⁸ – вот что оказывается главным, поэтому и являются значимыми функции заботы, покорности, а также и светские, которые, впрочем, также, будучи прочно увязаны с этическими, восходят к матримониальным соображениям.

Следовательно, целью подобных социальных конвенций было формирование покорной, конформной, зависимой личности, оценивавшей себя не по собственным, а по чужим критериям, основанным на мужской системе представлений о должной модели поведения и нормативной женственности.

⁴¹⁸ Волконская М.Г. Указ. соч.

§ 3. Гендерный аспект представлений о чести в российской дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века

Система представлений о чести как одна из ключевых составляющих дворянского этоса не раз становилась предметом научного изучения⁴¹⁹, но при этом, как правило, под «дворянством» понимались исключительно мужчины, что в определённой степени, конечно, справедливо, так как дуэли и многие другие «атрибуты» своеобразного дворянского «кодекса чести», принадлежали сугубо мужской среде. Но, в то же время, можно говорить о существовании как гендерно универсальных этических установок (таких, как эмоциональная сдержанность⁴²⁰, сознание собственного достоинства⁴²¹ и др.), так и сугубо «женских», базировавшихся, как и «мужские», на определённых представлениях о «чести».

Однако, само понятие «честь», как и вытекающие из него представления о нормативном поведении, имело существенную гендерную специфику. Так, если этические требования, предъявляемые в дворянском сообществе мужчине, были сконцентрированы вокруг его личностных качеств, таких как смелость, правдивость, учтивость, самообладание, верность слову и т. д.⁴²², то представления о «чести» женщины развиваются почти исключительно вокруг её сексуальности, следовательно, приобретают совершенно иное смысловое наполнение. Ключевое место в данном дискурсе отводится понятиям «непорочности», «невинности», то есть «способности» женщины воздерживаться от сексуальных контактов вне брака.

⁴¹⁹ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII века. Л., 1982; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре...; Муравьёва О.С. Указ. соч.; Козлова Н. Социально-историческая антропология [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/411505/> (дата обращения: 23.02.2015); Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2001.

⁴²⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 189.

⁴²¹ Муравьёва О.С. Указ. соч.

⁴²² Собеседование мудрости, или Отборныя наставления предложенныя в пяти вечерах. СПб., 1784; Истинная политика знатных и благородных особ. СПб., 1787.

Безусловно, требования сохранения невестой девственности до вступления в брак не являются специфической чертой российской дворянской культуры, будучи универсальными как для всех новоевропейских обществ⁴²³, так и для разных сословий царской России. В то же время, несмотря на то, что опыт «викторианского»⁴²⁴ Запада оказывал безусловное влияние на формирование подобной системы представлений в среде российского нобилитета, следует отметить факт существования феномена «теремного затворничества»⁴²⁵ – практики социальной изоляции женщин благородного происхождения⁴²⁶, существовавшей на Руси задолго до обращения к морально-нравственным предписаниям западноевропейских обществ.

В результате произошедшей в XVIII в. трансформации поведенческой структуры русского общества⁴²⁷, социальное поведение, которое и ранее было тесно связано с нравственными установками, теперь всё чаще стало считаться внешним проявлением внутреннего содержания личности⁴²⁸. В связи с этим важно подчеркнуть и специфику данных систем табу, характеризующих элитарную и народную культуры конца XVIII – середины XIX в., связанную с соответствующим размежеванием поведенческих норм в результате заимствования российским дворянством западных ценностей. Так, в крестьянской среде, где у представителей обоих полов господствовал «природный

⁴²³ Фуко М. Воля к знанию... С. 18

⁴²⁴ Несмотря на то, что термин «викторианский» строго применим лишь к Англии 1837–1901 гг., М. Фуко использует его для обозначения всех новоевропейских обществ, где господствует «двойственная модель» сексуального поведения и табуируется дискурс сексуальности (Фуко М., Указ. соч.).

⁴²⁵ Подробнее об этом см.: Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни... С. 6.

⁴²⁶ Коллман Н.Ш. Проблема женской чести в Московской Руси XVI-XVII вв. // Социальная история. 1998/1999. М., 1999. С. 205–216.

⁴²⁷ Алексеева Е.А. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.). Автореф. докт. дисс. Екатеринбург, 2007.

⁴²⁸ Грасиан-и-Моралес Б. Грасиан придворный человек. СПб., 1742; Ле Нобль Э. Светская школа, или Отеческое наставление сыну об обхождении в свете. В 2 т. СПб., 1761; Добрыя мысли, или Последняя наставления отца к сыну, исполненные различными разсуждениями, М., 1789; Монкриф Ф. Опыт о надобности и средствах нравиться. М., 1788.

натурализм»⁴²⁹ в отношении к сексу, понятие «почестности»⁴³⁰ девушки трактовалось буквально, то есть факт сохранения «невинности», девственности имел, в первую очередь, сугубо физиологический смысл (что, в частности, подтверждается символикой народной свадебной обрядности⁴³¹).

В дворянском же обществе концепт «девичьей чести» приобретает несколько иное, «символическое» значение, причём, если в крестьянской среде строгость запретов на добрачные связи и соответствующее поведение как юношей, так и девушек на протяжении XIX в. заметно ослабевает⁴³², то у дворянства подобные тенденции далеко не так сильны, более того, тексты конца XVIII – первой половины XIX в. демонстрируют обратный процесс: на уровне дискурсивных практик наблюдается известное ужесточение морально-нравственных норм. Безусловно, следует учитывать, что, возможно, подобная эволюция представлений происходила лишь «на бумаге», будучи связанной с гнѐтом государственной цензуры, особенно усилившимся во второй четверти XIX в.

Можно сказать, что в контексте дворянской системы представлений о «девичьей чести» оказывался значимым не столько сам факт «прелюбодеяния», сколько обширный ряд действий девушки (или, что бывало чаще, – действий в отношении неё), устойчиво связанных в сознании представителей дворянской культуры с угрозой для «чести», и, соответственно, маркируемых как недопустимые в рамках «нормального», социально поощряемого поведения барышни. Разумеется, это не означает, что на «незаконные» половые связи дворянки (а таковыми для незамужних «девиц» признавались любые половые

⁴²⁹ Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 47.

⁴³⁰ Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. <http://womenation.org/pozoriaschiye-nakazania/> (дата обращения: 28.02.2015).

⁴³¹ Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 21; Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для девушек в традиционной русской культуре XIX-начале XX в. как следствие гендерной ассиметрии // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2009. № 3. С. 88–97.

⁴³² Подробнее об этом см.: Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России... С. 120–134.

связи) закрывали глаза, но высокий уровень символизма, свойственный куртуазному дворянскому обществу, приковывал внимание к иному, более эвфемистическому пониманию категорий «чести» и «бесчестия».

Подтверждением этого могут служить отношения Алексея Николаевича Вульфа и его кузины Лизы, описанные им в дневнике⁴³³. В результате любовных отношений, вышедших за строгие рамки «дозволенного» девушка считает себя «полностью отдавшейся»⁴³⁴ любовнику, хотя с физиологической точки зрения это не так: «...я провел её постепенно через все наслаждения чувственности, которые только представляются роскошному воображению, однако *не касаясь девственности*. Это было в моей власти, и надобно было всю холодность моего рассудка, чтобы в пылу восторгов не переступить границу, – ибо она сама, кажется, желала быть *совершенно моею* и, вопреки моим уверениям, *считала себя такою*»⁴³⁵. Отчасти подобное поведение незамужней девушки следует объяснить и её полной сексуальной непросвещённостью, ведь, не взирая на то, что «с молодую» от неё требуют строго «блюсти себя», никого из взрослых не заботит, что она не имеет представления, от чего именно её предостерегают и что вменяют ей в обязанность (напротив, малейший доступ к информации о телесности, особенностях физиологии и сексуальном поведении – даже в виде романов – в процессе женского воспитания, как правило, блокируется⁴³⁶); поэтому, очевидно, любой физический контакт с мужчиной, выходящий за рамки «скромных»

⁴³³ Вульф А.Н. Указ. соч.

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ «Рядом с залой находится библиотека, и там на всех столах и диванах валяются соблазнительные томики иностранных романов... Мне строго-настрога запрещено касаться их, так как гувернантка моя очень разборчива насчет дозволенного для меня чтения» (Ковалевская С.В. Указ. соч.); «мы <...> окружали всю ночь горевший ночник, чтоб прочесть запрещенную книгу (романы нам не позволялись)» (Стерлигова А.В. Указ. соч.); «...лампу гасили к десяти часам, и мы не имели права сидеть дольше» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.); также см.: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 262–263.

представлений юной дворянки⁴³⁷ (а в них, очевидно, входит немногое: лишь «свидания», «поцелуи»⁴³⁸) сразу представляется ей «потерей чести».

Характерно, что женские автодокументальные тексты аналогичной информации о добрачных связях их авторов не содержат (очевидно, в силу гендерных особенностей дискурса: для барышни такого рода признание могло быть допустимо только на исповеди – и нигде более), в то время, как, судя по мужским, подобные «вольности» между «влюблёнными» не были редкостью⁴³⁹. Такая разница в описании интимных подробностей объясняется существованием «двойного стандарта» сексуальности, имевшего место «как на уровне дискурса, так и на уровне практик»⁴⁴⁰. Очевидно, тем не менее, что подобные «практики» для «благородной девицы» были скорее исключением, нежели правилом, ведь в процессе воспитания её поведение ставилось под максимально всесторонний контроль со стороны гувернантки⁴⁴¹ или другого агента воспитания – так, воспитанницы институтов все время были поднадзорны своим товаркам и классными дамами и практически никогда не оставлялись одни. К примеру, мать Е.Н. Водовозовой по пути домой в имение отца по окончании института на

⁴³⁷ Крестьянка того же возраста имела не только значительно более широкие возможности для приобретения познаний в сфере сексуальности, но и опыт более-менее «вольного» общения со сверстниками противоположного пола (Подробнее об этом см.: Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 49–52).

⁴³⁸ Характерной иллюстрацией подобных представлений может служить следующее высказывание пушкинской «капитанской дочери» Маши Мироновой о причине её отказа Швабрину: «Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!» (Пушкин А.С. Капитанская дочка // Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М., 1986. С. 254).

⁴³⁹ «Всякой вечер... отправляюсь к ней: она уже в постели. Сажусь, играю, целую её в губы, в шею, груди и руками глажу, где мне вздумается. Раз до того разнежались, что оба сделались вне себя. Она потянулась, погасила свечку и сказала: «Я вся твоя», только таким тоном, что я почувствовал [и] опомнился, какие могут быть последствия, за что я [её] сделаю несчастною; встал и пошёл вон» (Загряжский М.П. Указ. соч.) и др.

⁴⁴⁰ Гидденс Э. Указ. соч. С. 117.

⁴⁴¹ См.: Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...; Ковалевская С.В. Указ. соч. и др.

станции «в первый раз в жизни *с посторонним мужчиною* разговаривала!»⁴⁴², ведь институткам – даже не по отдельности, а всем классом – запрещено было находиться наедине с учителем⁴⁴³, то есть заходить в учебный класс без классной дамы, специально приставленной следить за поведением девиц во время уроков.

Известные послабления делались для девушки уже «просватанной», то есть официально считавшейся невестой. В таком случае, её могли даже оставлять наедине с женихом (обычно же все коммуникации незамужней дворянки осуществлялись в присутствии третьих лиц⁴⁴⁴), иногда даже «они целовались и делали все то, что бы она долженствовала делать только с мужем»⁴⁴⁵ – и именно поэтому последующий отказ жениться или расторжение помолвки женихом без видимых на то причин наносили существенный удар не только по чувствам девушки, но и по её репутации. Здесь важно отметить, что самостоятельно реабилитироваться в глазах общественности равно как и повлиять каким-либо образом на ситуацию барышня не могла. В этом случае «восстановление» её «чести» находилось в руках кого-то из её близких (разумеется, мужчин), кто определяет «тяжесть» нанесённого оскорбления и «нивелирует» его посредством дуэли. Характерным примером этого может случить нашумевшая в 1825 г. дуэль К.П. Чернова, защищавшего «честь» сестры, с В.Д. Новосильцевым, сделавшим ей предложение, но не спешившим жениться из-за несогласия на брак своей матери⁴⁴⁶.

Разумеется, от скандальных ситуаций не были ограждены и замужние дворянки, но следует отметить наличие некой специфики: демонстративное «ухаживание» за замужней, уже «отданной другому» женщиной, как правило, не являлось самоцелью (для социально одобряемых, «легитимных» практик флирта

⁴⁴² Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ См.: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 260.

⁴⁴⁵ Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. С. 92.

⁴⁴⁶ Подробнее об этом см.: Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/362651-dueli-i-duelyanti:-panorama-stolichnoy-jizni.html> (дата обращения: 27.12.2014).

существовал строго определённый этикет, адюльтер же ни одна из сторон афишировать, безусловно, не спешила⁴⁴⁷), а преследовало цель «свести счёты» с её мужем. Следовательно, в данной ситуации женщина лишь исполняет роль некоего «средства» регулирования отношений между мужчинами, и чьё-либо «ненормативное» внимание к ней, не вызвавшее даже, возможно, никакой ответной реакции, влияет уже не столько на её собственную «честь», сколько на «честь» её мужа: ему в сложившейся ситуации предстоит определить «тяжесть нанесённой обиды»⁴⁴⁸ и принять решение о дуэли.

В связи с этим, изучение поводов дуэлей «за честь женщины», которые, на первый взгляд, могли бы дать исключительно ценную информацию о критериях женской «чести», зачастую обращает нас к плоскости сугубо мужских взаимоотношений, ведь обвинения в «оскорблении» женщины или, напротив, в «ношении рогов»⁴⁴⁹ были беспроигрышным способом «придраться без всякой причины»⁴⁵⁰ и составляли «минутное дело, подтвержденное на другой день письменным вызовом»⁴⁵¹.

Таким образом, социальный институт дуэли и связанная с ним щепетильность в вопросах «чести», доходившая едва ли не до абсурда⁴⁵², оказывали немалое влияние на поведение женщины, диктуя ей строгие правила пристойности, ведь её «неподобающее» поведение могло поставить под угрозу жизнь близкого мужчины (впрочем, за «обиду» женщины мог «мстить» не только тот, кто «нёс за неё ответственность» ввиду родства или супружества, не только

⁴⁴⁷ По этой причине практически полностью отсутствуют соответствующие источники личного происхождения.

⁴⁴⁸ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 165.

⁴⁴⁹ Как это было, например, в случае дуэли Пушкина с Дантесом.

⁴⁵⁰ Волконский С.Г. «Записки» // Из «Записок» князя Сергея Григорьевича Волконского (изданных в С.-Петербурге в 1902 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adjudant.ru/cavaler/26.htm> (дата обращения: 28.12.2014).

⁴⁵¹ Там же.

⁴⁵² Муравьёва О.С. Указ. соч.

жених или «поклонник», но и малознакомый дворянин, как это сделал, например, А.С. Пушкин в Кишинёве в 1822 г.⁴⁵³).

Но очевидно, что под наиболее строгие нормы сексуального поведения попадали юные дворянки – барышни, ещё не входившие в категорию «невест»: они не «вывозились» на балы, а следовательно, были лишены возможности участвовать в таких «легитимных» сексуальных практиках, как мода, танцы и флирт (являвшихся, по большому счёту, единственно доступными для женщины вне брака). Можно сказать, что у них в большинстве случаев даже не было возможности как-либо «распорядиться» своей «честью» ввиду постоянного контроля со стороны взрослых; их «честь» фактически «отчуждена» от их тел: её контролируют и за неё несут ответственность родственники и/или воспитатели. В этом дворянская культурная традиция имела сходство с крестьянской: в народной свадебной обрядности существовал ряд обычаев, суть которых сводилась к тому, что жених или его родня благодарили родителей невесты, если та оказывалась «честной», и наоборот, порицали и позорили, если она оказывалась «нечестной»⁴⁵⁴. То есть, родители выступают в качестве неких «хранителей» «чести» дочери – символической или буквальной, – и в глазах общественного мнения именно они несут за неё ответственность. Такая «функция» родителей способствовала установлению репрессивных механизмов регулирования сексуальности на уровне каждой отдельной семьи.

Замужняя дворянка имела, по-видимому, больше сексуальной свободы, чем барышня. Так, происходило известное ослабление упомянутой выше «гендерной цензуры» – запретов на информацию о сексе и обо всём, что с ним связано, ведь в браке она приобретает минимальный сексуальный опыт, который, однако, в подавляющем большинстве случаев был неудачным, травмирующим и приводящим к скорой беременности, исключающей дальнейшие сексуальные

⁴⁵³ Подробнее об этом см.; Гордин Я.А. Указ. соч.

⁴⁵⁴ Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин... С. 124.

контакты на достаточно продолжительный период⁴⁵⁵. Так или иначе, в браке дворянка получает больше возможностей для реализации своей сексуальности – по меньшей мере у неё появляется «право» на флирт, считавшийся нормативной практикой межполового общения в рамках светского общества⁴⁵⁶.

Кроме того, замужество могло обозначать и некоторое ослабление внешнего «надзора» за честью. Так, А.Н. Вульф в своём «Дневнике» рассуждает о том, что «связь с женщиною гораздо выгоднее, нежели с девушкою»⁴⁵⁷. Это, однако, не означает, что дворянки, выходя замуж, начинали менее нравственно себя вести, напротив, строгие внутренние установки, воспринятые с самого раннего возраста и предписывавшие асексуальность и безусловную верность мужу, оказывались так сильны, что могли сохраняться на протяжении всей жизни⁴⁵⁸. Характерно, что А.П. Керн, не любившая мужа настолько, что в конечном итоге решилась «разъехаться» с ним⁴⁵⁹, следующим образом реагирует на его суждение о том, что женщине «любовников иметь непростительно только когда муж в добром здравии»⁴⁶⁰: «Какой низменный взгляд! Каковы принципы!»⁴⁶¹ – следовательно, и для неё измена мужу являлась определённым нарушением морально-нравственных принципов и внутренних установок.

На наш взгляд, рассматриваемая система запретов и предписаний, направленных, в первую очередь, на контроль и нормализацию женской сексуальности, была достаточно универсальной и фактически неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода, степень же следования данным требованиям могла быть неодинаковой. В частности, она могла зависеть от социальной среды, то есть конкретного повседневного окружения той или иной

⁴⁵⁵ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 366–372; Пушкарева Н.Л. Лев Толстой как зеркало русского секса // Секс и мы. Осень, 2006. С. 23.

⁴⁵⁶ Муравьёва О.С. Указ. соч.

⁴⁵⁷ Вульф А.Н. Указ. соч. С. 56.

⁴⁵⁸ Подробнее об этом см.: Лабзина А.Е. Указ. соч.

⁴⁵⁹ Губер П.К. Донжуанский список А.С. Пушкина. М., 1990. С. 156.

⁴⁶⁰ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Дневник для отдохновения...

⁴⁶¹ Там же.

представительницы дворянского сословия, круга её общения, ведь нормы поведения в «большом свете» и в провинциальном дворянском кругу серьёзно отличались⁴⁶², но, судя по всему, эти отличия между «*comme il faut*» и «*vulgar*»⁴⁶³ были в большей степени этикетного характера, нежели этического. Кроме того, дворянство, представлявшее собой «узкий (сначала абсолютно узкий, а потом относительно) замкнутый круг, который создается в значительной степени на основе родственных связей»⁴⁶⁴, составляло около 1% населения Российской империи, а в рамках такого сообщества вполне могла осуществляться более-менее универсальная система поведенческих норм, ведь многие дворянские семьи были, если не лично, то опосредованно знакомы между собой, что способствовало формированию гомогенной системы ценностей.

Также строгость следования нормам сексуальной морали, заключённым в систему представлений о женской «чести», могла определяться и сугубо личными морально-нравственными качествами той или иной представительницы дворянства. Так, зачастую, в женских текстах можно встретить рассуждения о сексуальности исключительно посредством передачи и интерпретации «чужого» сексуального опыта⁴⁶⁵. Характерно, что подобного рода описания несут, как правило, негативную оценку, если только речь не идёт о «нормативном» сексуальном поведении, понимаемом как отказ женщины от собственной чувственности – в таком случае охотно упоминается и собственный опыт, а также позитивно оценивается чужой⁴⁶⁶.

Это можно было бы интерпретировать с точки зрения различий индивидуальных морально-нравственных устоев (которые, безусловно, существовали, ведь в данный период происходит определённая плюрализация

⁴⁶² Соллогуб В.А. Большой свет... С. 220.

⁴⁶³ Подробнее об этом см.: Муравьёва О.С. Указ. соч.

⁴⁶⁴ Козлова Н. Указ. соч.

⁴⁶⁵ Лабзина А.Е. Указ. соч.; Головина В.Н. Указ. соч.; Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 32 и др.

⁴⁶⁶ Лабзина А.Е. Указ. соч.; Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 37, 40 и др.

стилей жизни и индивидуализации сознания⁴⁶⁷). Однако, на наш взгляд, универсальность подобных речевых практик позволяет говорить об ещё одной составляющей специфики женского письма: ввиду ряда влиятельных запретов – как внутренних (воспринятых нерелефторно поведенческих норм), так и внешних (боязнь огласки и общественного мнения) – осмысление опыта «Другого», в особенности «запретного», даже при наличии своего, становится важным механизмом для понимания собственной сексуальности и приобретения нового, пусть и исключительно «дискурсивного», опыта.

Так графиня В.Н. Головина, воспитывавшая «со снисходительностью, к которой почти обязывали нравы той эпохи»⁴⁶⁸ двух внебрачных детей своего мужа, ни словом не упоминает о данном факте в своих мемуарах, однако, при этом, не раз обращается к описанию сексуального поведения других придворных женщин, в частности, её приятельницы княгини Е.А. Долгорукой: «я вскоре заметила, что Потемкин очень ухаживал за княгиней Долгорукой. Она сначала некоторое время сдерживалась при мне, но потом тщеславие взяло верх и она стала кокетничать вовсю, что меня с каждым днём всё более удаляло от неё»⁴⁶⁹; «всё было великолепно и величественно, но не удовлетворяло меня. Нельзя наслаждаться спокойно, когда нарушаются принципы <...> Это было самое неприятное время моей жизни. Эта нечистая любовь... всё это противоречило моему сердцу»⁴⁷⁰. Заметим, что осуждается не могущественный Потёмкин, «искушающий» молодую женщину, а сама Долгорукая, нарушающая «принципы». Здесь явно заметно влияние «двойственной модели сексуального поведения»⁴⁷¹, требующей от женщины следования гораздо более строгим

⁴⁶⁷ Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии... С. 64.

⁴⁶⁸ Валишевский К. Предисловие // Головина В.Н. Мемуары [Электронный ресурс]. URL: <http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html> (дата обращения: 17.04.2014).

⁴⁶⁹ Головина В.Н. Указ. соч.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Муравьёва М.Г. Указ соч.; подробнее об этом см.: Гидденс Э. Указ. соч.

принципам сексуальной морали, чем от мужчины; вероятно, этим же можно объяснить и «снисходительность» Головиной к внебрачным отношениям её мужа.

Несколько позднее, находясь в свите великой княгини Елизаветы Алексеевны, В.Н. Головина станет свидетельницей ухаживаний за ней князя П.А. Зубова, фаворита Екатерины II, и ввиду своей близости к великой княгине сможет подробнейшим образом описать связанные с этим «опасности»⁴⁷² юной супруги будущего императора. Благодаря её описаниям можно получить представление о критериях женской «чести» и о том, что именно могло «скомпрометировать» благородную женщину. Интересно, что в этом случае влияние «двойного стандарта» не так очевидно: Елизавета Алексеевна уже показана невинной жертвой грубых посягательств на её спокойствие и «честь».

Так «возмутительными» В.Н. Головина находит «проделки»⁴⁷³, в результате которых подстраивались встречи, якобы случайные, Зубова с «объектом» его любви во время прогулок⁴⁷⁴. Показательно, что уже сам факт «влюблённости» Зубова в великую княгиню крайне беспокоит и её саму, и её наперсницу: «Её Величество поместила меня между собой и Великой Княгиней, с которой Зубов не спускал глаз. Великая Княгиня была смущена, и я не могла быть спокойной»⁴⁷⁵, по собственному мнению В.Н. Головиной, это уже само по себе способно бросить тень на репутацию женщины: «нет ничего бесполезнее и опаснее, как обратить внимание молодой женщины на чувство, которое *неизбежно должно оскорбить её* и которое чистота и благородство души не позволяют заметить, но удивление превращает его в замешательство, которое *можно дурно истолковать*»⁴⁷⁶. Характерно, что, по мнению Головиной, великая княгиня, благодаря своим «чистоте и благородству» вовсе не подозревает об «оскорбительных» чувствах

⁴⁷² Муравьёва М.Г. Указ соч.

⁴⁷³ Головина В.Н. Указ. соч.

⁴⁷⁴ «Эта проделка иногда удавалась. Зубов встречал нас с глубоким поклоном и глядел на нас своими большими черными глазами с томным выражением смущения...» (Головина В.Н. Указ. соч.).

⁴⁷⁵ Головина В.Н. Указ. соч.

⁴⁷⁶ Там же.

Зубова, пока на них ей не указывает её же муж⁴⁷⁷. Здесь следует ещё раз упомянуть об устойчивой системе внутренних табу, воспринимаемых в процессе асексуального воспитания и удерживающих дворянку в строгих рамках «пристойности».

В то же время традиции не столь сдержанного межполового общения, характерные для более раннего периода⁴⁷⁸, ещё не окончательно отошли в прошлое и вызывали у некоторых придворных в адрес Елизаветы Алексеевны даже своеобразный упрёк в «холодности»:

«– Дорогой друг, дорогая графиня, – сказал он (граф Штакельберг – прим. О.Л.) мне, – чем более я вижу прелестную Психею, тем более я теряю голову. Она несравненна, но я знаю у неё один недостаток. – Какой же? – А у неё *не чувствительное сердце*; она слишком многих делает несчастными. Она *не умеет поблагодарить за самые нежные чувства*, за самые почтительные ухаживания...»⁴⁷⁹.

Интересно отметить, что в подобного рода ожиданиях «благодарности» за «преданную любовь» легко усматривается связь с западноевропейской куртуазной традицией, восходящей к средневековому рыцарству, этикет которой требовал от Прекрасной дамы неких ответных действий по отношению к рыцарю, если она не хотела его «потерять»; под подобной «благодарностью» мог пониматься достаточно широкий спектр ответных действий знатной женщины – от сугубо этикетного проявления «милости» или дарения чего-либо до интимной

⁴⁷⁷ Головина В.Н. Указ. соч.

⁴⁷⁸ Известной сексуальной свободой по сравнению с более поздним периодом отличался XVIII в., ведь даже дискурс позволяет судить о фаворитизме, адюльтерах в семьях царствующих особ, как и о существенном ослаблении моральных норм в придворной среде в целом. Так, В.Н. Головина уже в 1790-е гг. отмечает следующие черты елизаветинской эпохи и лично будущего императора Петра III: «Он был некрасив, слаболовен, маленького роста, мелочен, пьяница и развратник. Двор Елизаветы также представлял полную картину разврата» (Головина В.Н. Указ. соч.).

⁴⁷⁹ Головина В.Н. Указ. соч.

близости с поклонником⁴⁸⁰. Разумеется, многие вольности исконного куртуазного стиля поведения были немислимы ни для европейских придворных обществ Нового времени⁴⁸¹, ни для российского двора конца XVIII – первой половины XIX в., однако, очевидно, именно он лежал в основе «светских» взаимоотношений полов в высших кругах российского общества в рассматриваемый период.

Очевидно, особую «опасность» для «чести» молодой женщины представляла возможность лично услышать признание в любви из уст поклонника – это, казалось, уже втягивало её в определённые отношения с ним, что негативно влияло на репутацию: «...кто-то сказал мне, что Зубов дает серенаду у своего окна, а услужливая Шувалова взялась провести Великую Княгиню по лужайке мимо окна и обратить внимание на Зубова, *чтобы получить одобрение его чувствам* <...> К счастью, я догнала Великую Княгиню раньше, чем она дошла до условленного места»⁴⁸². Как видим, это распространяется и на те случаи, когда признание носит скорее символический, формальный характер и выражено через исполнение серенады или романса: «однажды после обеда Колычев предложил мне от имени Зубова спеть романс <...> Я прочла куплеты и во втором увидела довольно ясно выраженное объяснение в любви <...> Я спела первый куплет, в котором *ничего не было*, и остановилась. Концерт кончился <...> Великий Князь... встал на колени передо мной и самым живым образом выразил мне удовольствие, которое ему доставил мой поступок»⁴⁸³.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы о «чести» и нормативном поведении женщины в российском дворянском обществе. Если для мужчины в основу понятия «честь» ложились его индивидуальные качества или заслуги, то для женщины наиболее значимым считалось то, что она смогла

⁴⁸⁰ Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья [Электронный ресурс]. URL: http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova_tb_women_in_medieval_times.pdf (дата обращения: 27.04.2014).

⁴⁸¹ По мнению М. Фуко, именно Европа Нового времени характеризуется наиболее жёсткими и всесторонними запретами в сфере сексуальности (Фуко М., Указ. соч.).

⁴⁸² Головина В.Н. Указ. соч.

⁴⁸³ Там же.

сохранить «невинность» до вступления в брак. Жизненные циклы дворянской девушки были строго регламентированы и в повседневной жизни она не часто могла самостоятельно принимать решения такой значимости, которые бы затрагивали её «честь», кроме того в рамках дворянской культуры девушка/женщина не имела возможности самостоятельно реабилитироваться в глазах общественности, в связи с этим основную ответственность за «честь» девушки несёт её семья.

На репутацию «честной» женщины могло повлиять не только и не столько её поведение, сколько поведение мужчины в отношении неё, которое от неё самой никаким образом не зависело, следовательно, женщина выступала не субъектом действия, а объектом мужских манипуляций, однако этот факт не снимал с неё ответственности, заставляя лишь ужесточать внутренние запреты и табу, причём она несла эту ответственность не столько перед собой, сколько перед мужем или семьёй в целом, ведь, по большому счёту, право отстаивания женской «чести» принадлежало исключительно мужчинам, в контексте чего она представляет ценность не сама по себе, а как «достояние» той или иной семьи или рода.

Итак, воспитание российской дворянки и система её морально-этических представлений были нацелены, в первую очередь, на то, чтобы сделать её «удобной женой». Подобного рода «подготовка» к браку, очевидно, оказывалась необходимой в ситуации, когда продолжают существовать принудительные браки. Судя по всему, каждое из культивируемых качеств было призвано нормализовать «климат» в семье, причём, разумеется, «за счёт» женщины, которую с детства словно «приспосабливают» под мужчину. Это объясняет и различия в моделях воспитания девочек и мальчиков, а также резкую критику любых несоответствий полу, жёсткую «гетеросексистскую» политику – причём именно в отношении женщин.

Система социальных ожиданий на протяжении интересующего нас периода изменялась слабо, каждое из «качеств», делающих девушку «востребованной» на «ярмарке невест» активно культивировалось в процессе женского воспитания,

ведь замужество было особенно важно – причём, не столько даже для самой дворянки, сколько для её семьи, для общества, требующих от неё следования определённому жизненному сценарию.

Следовательно, именно воспитание наделяет дворянок теми самыми качествами: они становятся «покорными», «кроткими», «добрыми» и т.д. именно в процессе социализации. В значительной степени подчинение родителям создавало конформную личность, способную подчиняться не только родителям, но и властям, и общественному мнению», но и целенаправленность, безусловно, была – как и вся ориентация женщины именно на брак. На это накладывается ещё и тот фактор, что женщина в рамках данной культуры всегда воспринимается как объект: манипуляций или любви – не важно. Если мальчики всё же заранее готовились к выполнению активных жизненных стратегий, то девочки, напротив, в процессе воспитания склонялись к выполнению пассивной роли – как в семье, так и в обществе.

Что касается категории чести, здесь также предъявляются совершенно различные требования к женщине и мужчине – они как бы осмысляются в разных категориях, в разных плоскостях: для мужчины честь – его качества и заслуги (иногда, возможно и любовные победы, донжуанство в кругу друзей, но ни в одном из нравоучительных сборников понятие мужской чести не трактовалось как тема верности избраннице, скорее, наоборот), а для женщины честь – умение контролировать собственную сексуальность, соблюдая «целомудрие» до брака и верность супругу в браке.

**ГЛАВА III. СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТИМНЫХ ПОМЫСЛОВ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦАМИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

**§ 1. Конструирование внешнего вида: канон красоты
и телесные практики в женской дворянской культуре
конца XVIII – первой половины XIX века**

Безусловно, «внешние» характеристики индивида, а женщины в особенности, следует признать одной из наиболее значимых составляющих сексуальности. Однако представления о привлекательной внешности существенно менялись в ходе исторического процесса, а так же и понятие красоты нельзя назвать безотносительным.

Выше уже велась речь о некоем «нормативном каноне» личности российской знатной женщины, теперь же важно остановиться на том, как ей «предписывалось» выглядеть и как она в соответствии с этим «конструирует» свою внешность. Цель данного параграфа – обозначить визуальные характеристики «нормативной женственности» и выявить степень и механизмы следования данному «канону».

Несмотря на то, что автодокументальные тексты российских дворянок содержат значительное количество описаний некоего «эталона» женской красоты, конкретика в них встречается нечасто. Характеристики, как правило, размыты и достаточно универсальны: «она была чудом прелести»⁴⁸⁴; «очень красивая особа»⁴⁸⁵; «прелестна, как ангел»⁴⁸⁶; «прелестная молодая девушка»⁴⁸⁷; «меня поразила её красота, изящество, её привлекательные манеры»⁴⁸⁸; «17-и лет и

⁴⁸⁴ Дашкова Е.Р. Указ. соч.

⁴⁸⁵ Головина В.Н. Указ. соч.

⁴⁸⁶ Письмо Л.Н. Котляревской к Е.Е. Чернышевской от 26 июня 1846 // РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44. Л. 2.

⁴⁸⁷ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁴⁸⁸ Там же.

совершенная красавица. <...> Говорили, что император восхищался её красотой и был в неё влюблен!»⁴⁸⁹; «Далия действительно была очень хороша. У неё были прекрасные алые губы и очаровательные улыбающиеся чёрные глаза»⁴⁹⁰; «...какая трогательная красота! печаль и задумчивость рисуются в чёрных глазах её; тёмные тонкие брови, розовые уста и лицо бледное, но миловидное, и которого все черты выражают вместе ум и кротость, чрезвычайно очаровательны»⁴⁹¹. Как видим, в женских текстах конкретные критерии женской красоты, как правило, не прописаны (последний приведённый фрагмент, принадлежащий перу Н. Дуровой и являющийся более подробным, нельзя считать «типично женским»).

Конкретные же описания, выражающие индивидуальность женской привлекательности, если таковые встречаются, призваны были, по-видимому, напротив, описать некое «отклонение от нормы», например: «у Лопухиной была красивая головка, но незначительная фигура. Хотя она и не была совершенно мала, но плохо сложена, с вдавленной грудью... У неё были красивые глаза, чёрные брови и такие же волосы. Её наибольшей прелестью были прекрасные зубы и приятный рот. У неё был маленький вздернутый нос, но он не придавал пикантности её лицу с добрым и ласковым выражением. Она действительно была добра и не способна пожелать или сделать кому-нибудь злое...»⁴⁹². Внешние «качества» словно должны были отражать именно те «добродетели», которыми автор наделяет описываемую, что вполне укладывается в рамки дворянского комплекса эстетико-этических представлений. Так, рассмотренные во второй главе «качества» идеальной женщины – терпение, кротость, непорочность и др., – которые усердно вменялись ей в качестве нормативной модели поведения, принято было не только ассоциировать с женственностью, но и соотносить с её «визуальным» каноном.

⁴⁸⁹ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

⁴⁹⁰ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 65.

⁴⁹¹ Дурова Н.А. Указ. соч.

⁴⁹² Головина В.Н. Указ. соч.

Очевидно, женщина-дворянка так «видит» собственную, женскую красоту. Тот факт, что конкретика в описаниях «нормативной» женской внешности практически отсутствует, на наш взгляд, объясняется следующим образом. Данные абстрактные описания, очевидно, отражают комплекс неких достаточно унифицированных представлений, коррелирующих с понятием «вечной женственности»⁴⁹³; более же конкретные представления о привлекательном женском облике, безусловно, также имевшие место, будучи изменчивыми и более вариативными, для российского дворянства конца XVIII – первой половины XIX в. имеют прямую взаимосвязь с модой: характеризуя ту или иную внешность в самых общих чертах, в простых и универсальных мыслительных категориях, дворянки имеют в виду совершенно конкретные образы, увязываемые ими с модой. Таким образом, мода как бы «надстраивает» приведённые выше образы «женственности», придавая им более конкретные, исторически специфические очертания. При наложении двух данных составляющих и формируется комплекс представлений о женской красоте – «внешняя» составляющая категории «нормативной женственности» данной эпохи.

Нет смысла подробно останавливаться на описании модных тенденций и всех изменений моды конца XVIII – середины XIX в.: они не только чётко и наглядно прослеживаются в портретной живописи и в распространившихся в данный период отечественных и зарубежных модных изданиях, но и обстоятельно отражены в историографии⁴⁹⁴. Отметим лишь, что на начало рассматриваемого

⁴⁹³ Рябов О.В. «Идеал мадонны» или «идеал содомский»? Два лика женственности в русской философии // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. С.17–20. С. 18.

⁴⁹⁴ Андреева А.Ю. Костюм русской знати: от Византии до модерна. СПб., 2009; Елисеева О.И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины; Захарова О.Ю. Русский бал. XVIII - начала XX века. Танцы, костюмы, символика. М., 2010; Каминская Н.М. Костюм 1800 – 1825 годов. Стиль ампир // История костюма / Н.М. Каминская, М., 1977; Кирсанова Р.М. Из истории костюма русских императриц // РОССИЯ / RUSSIA. М., 1999; Кирсанова Р.М. Русские императрицы и мода в России // Русское искусство. 2013. № 3. С. 146-153; Российские императрицы. Мода и стиль. Конец XVIII - начало XX века [альбом-каталог выставки в Выставочном зале федеральных архивов, Москва, 4 апреля – 13 июня 2013 г. / сост.: С.П. Балан, Т.Ф. Шакирова]. М., 2013; Её же. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. – М., 2002;

периода (1770-е – 1790-е гг.) приходится ощутимая трансформация не только самой моды, но и более устойчивого «пласта» – представлений о женской красоте: «от традиционного представления о красивом лице осталось лишь стремление не закрывать чела (лба)»⁴⁹⁵, иные же критерии видоизменяются. Так, если до этих пор «красивой» считалась дородная, крупная, пышущая здоровьем женщина, изображаемая на портретах с помпезной торжественностью, свойственной для барокко⁴⁹⁶, то, вслед за переходным периодом рококо⁴⁹⁷, на волне призывов французских просветителей о возвращении к природе⁴⁹⁸ приходит мода на «естественность»⁴⁹⁹, которой характеризуется женский облик периода увлечения сентиментализмом на рубеже веков⁵⁰⁰. С распространением

Пушкарева Н.Л. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша» (Одежда русских женщин XIX – начала XX века) [Электронный ресурс]. URL: http://afield.org.ua/mod3/mod82_1.phtml (дата обращения: 07.02.2015);

⁴⁹⁵ Пушкарева Н.Л. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша»...

⁴⁹⁶ Антропов А.П. Портрет статс-дамы А.Л. Апраксиной. Конец 1750-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/02/antropov-gallery/24-83/> (дата обращения: 04.05.2015); Антропов А.П. Портрет А.К. Воронцовой. 1763 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/02/antropov-gallery/13-342/> (дата обращения: 04.05.2015); Рокотов Ф.С. Портрет А.М. Загряжской. Конец 1760-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/02/rokotov-gallery/rokotov-29/> (дата обращения: 04.05.2015); Левицкий Д.Г. Портрет Г.И.Алымовой. 1776 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/04/dmitrylevitskiy-gallery/lev-15/> (дата обращения: 04.05.2015) и др.

⁴⁹⁷ Рокотов Ф.С. Портрет А.К. Васильчиковой. 1770-е гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/02/rokotov-gallery/rokotov-55/> (дата обращения: 04.05.2015); Левицкий Д.Г. Портрет М.А. Дьяковой. 1778 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/04/dmitrylevitskiy-gallery/lev-16/> (дата обращения: 04.05.2015); Рокотов Ф.С. Портрет княгини Е.Н.Орловой. Около 1779 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/02/rokotov-gallery/rokotov-67/> (дата обращения: 04.05.2015) и др.

⁴⁹⁸ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч.

⁴⁹⁹ Пушкарева Н.Л. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша»...

⁵⁰⁰ Аргунов Н.И. Николай Портрет С.И. Вишняковой. 1821 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/08/nikolay-argunov-gallery/43-16/> (дата обращения: 04.05.2015); Боровиковский В.Л. «Лизынька и Дашинька». 1794 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/06/borovikovskiy-gallery/borovikovsky-20/> (дата обращения: 04.05.2015); Боровиковский В.Л. Портрет Е.Н. Арсеньевой. Середина 1790-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/06/borovikovskiy-gallery/borovikovsky-46/> (дата обращения: 04.05.2015); Боровиковский В.Л. Портрет М.И. Лопухиной. 1797 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/06/borovikovskiy-gallery/borovikovsky-49/> (дата обращения: 04.05.2015);

романтизма в 1820-е – 1830-е гг. также меняется и тип «модной» женщины: теперь ей следует быть бледной, томной или задумчивой⁵⁰¹, но в то же время, сами представления о красивом и некрасивом в женской внешности с рубежа XVIII – XIX вв. по середину XIX в. существенно не изменятся, и в рамках рассматриваемого периода следует говорить лишь о смене модных тенденций.

Притом, что практика следования моде во второй половине XVIII в. только лишь усваивается в России (ещё за полвека до этого «моды» внедрялись принудительно⁵⁰²), к концу столетия она становится всеобщей – разумеется, в рамках дворянского сословия; позднее представительницы купечества также будут несколько подвержены веяниям моды, по большей части, перенимая те или иные модные атрибуты у дворянок⁵⁰³, а в середине века в процесс воспроизводства моды также начнёт вливаться народившаяся буржуазия, но в рассматриваемый период мода – «привилегия» исключительно дворянства, поэтому она приобретает роль некоего социального индикатора. В результате, даже не имеющие особых «претензий» представительницы и представители (а мужчины придают своему внешнему облику не меньшее значение, чем женщины⁵⁰⁴) дворянства вынуждены одеваться в соответствии с модой, ведь, как отмечает демократически настроенный Ж.-Ж. Руссо ещё в конце XVIII в., «разорительные наряды составляют гордость ранга, а не личности»⁵⁰⁵.

Для женщины же (равно как и для девушки) умение со вкусом одеться становится одним из важнейших факторов успеха в обществе: «не на месте

Тропинин В.А. Портрет А.И.Тропининой. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/12/vasiliy-tropinin-gallery/tropinin-2/> (дата обращения: 04.05.2015); Кипренский О.А. Портрет А.Ф. Фурман. Между 1812 и 1816 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/08/orest-kiprenskiy-gallery/33-41/> (дата обращения: 04.05.2015) и др.

⁵⁰¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 53.

⁵⁰² Пушкарева Н.Л. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша»... +Захарова Церемониал

⁵⁰³ Тропинин В.А. Портрет купчихи Е.И. Карзинкиной в русском костюме. 1840-е гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/12/vasiliy-tropinin-gallery/tropinin-140/> (дата обращения: 22.05.2015) и др.

⁵⁰⁴ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С.51–52.

⁵⁰⁵ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч.

приколотый цветок мог навсегда разрушить её будущее... И в самом деле, может ли женщина надеяться на успех, может ли она нравиться... франтам, если с первого взгляда скажут: *elle a l'air bourgeois* (у неё вид мещанки (фр.)) – это выражение, так некстати вкравшееся в наше чисто дворянское общество, имеет, однако же, ужасную власть над умами и отнимает все права у красоты и любезности. *Вкус, батюшка, отменная манера*⁵⁰⁶. Как видим, внешний вид женщины не только увязывается с её происхождением, но и приравнивается к одной из тех этикетных норм, следование которым возводилось в ранг не писаного закона.

В этой связи в сложной ситуации оказывается провинциальное дворянство: далёкие от столичной жизни и зачастую не имеющие лишних средств⁵⁰⁷, такие дворянки и сами не были заинтересованы в ношении непрактичных модных нарядов⁵⁰⁸, но вынуждены модно одеваться «напоказ». Однако, ситуация, когда совершенно нет возможности следовать модным тенденциям и выглядеть соответственно своему сословию, воспринимается уже крайне болезненно, как это было в семье Цевловских: «нас всех одевали более чем скромно... это прежде всего было результатом нашего плохого материального положения <...> если низ платья оказывался уже никуда не годным, его обрезали и к нему пришивали, в виде отделки, спорок с какого-нибудь другого платья, обыкновенно иного цвета и иного качества материи»⁵⁰⁹ – вспоминает Е.Н. Водовозова, добавляя, что они, дети, «очень рано начали стыдиться своих убогих платьев, особенно когда являлись к Воиновым, где дети и взрослые всегда одеты были не только хорошо, но и со вкусом»⁵¹⁰. Это было связано с очень характерной составляющей

⁵⁰⁶ Лермонтов М.Ю. Княгиня Лиговская... С. 510.

⁵⁰⁷ Письмо О.С. Аксаковой к Н.Т. Карташевской от 27 апреля 1840 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 135. Л. 1 об.–2.

⁵⁰⁸ Пушкирева Н.Л. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша»...

⁵⁰⁹ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁵¹⁰ Там же.

дворянского этоса – правилом стыдиться и пытаться скрыть свою бедность⁵¹¹: дворянину приписывается выглядеть определённым образом (что требует определённых денежных средств), и, если он не следует этому предписанию, принадлежность к сословию уже ставится под сомнение, он воспринимается как неполноценный его член.

Вот почему приехавший из Петербурга старший брат Е.Н. Водовозовой следующим образом отзывается о внешнем виде одной из своих «провинциальных» сестёр: «ведь в порядочном петербургском доме в таком туалете ты не могла бы даже прислуживать за столом!»⁵¹², прибавив, что, видимо, мать «окончательно забыла, что её дети – дворяне», и что лично его «она страшно конфузит перед товарищами»⁵¹³. Можно сказать, что в ситуации высокой семиотичности дворянского общества мода приобретает значение знака: она служит для «маркирования социального различия»⁵¹⁴ – как на сословном уровне, так и внутри дворянского сословия.

Обратной стороной подобного стремления «влииться» в лучшее общество становится роскошная жизнь не по средствам, которую так многие (не только столичные «молодые люди»⁵¹⁵, но и почтенные женщины⁵¹⁶) вынуждены были вести, чтобы не афишировать истинное состояние собственных финансовых дел. В таком контексте следование моде, действительно, предстаёт лишь как «знак, призванный демонстрировать господство, власть, статус»⁵¹⁷, и не несёт сексуального подтекста. Подобному отношению к модным аксессуарам и предметам роскоши, в частности, были массово подвержены воспитанницы институтов благородных девиц, обзаводившиеся ими в значительной степени из

⁵¹¹ Жукова М.С. Указ. соч.; Соллогуб В.А. Большой свет... С. 198.

⁵¹² Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Козлова Н. Указ. соч.

⁵¹⁵ Соллогуб В.А. Большой свет... С. 207.

⁵¹⁶ Жукова М.С. Указ. соч.

⁵¹⁷ Бодрийяр Ж. Указ. соч.

страха продемонстрировать затруднительное материальное положение своим товаркам и «институтскому начальству»⁵¹⁸.

Пожалуй, единственной категорией дворянства, имевшей право «легально» не следовать моде, были пожилые люди («Никто насмешкою холодной //Встречать не думал старика //Заметя воротник немодный //Под бантом шейного платка»⁵¹⁹), которые, как правило, предпочитали носить старомодное платье – одежду, бывшую в моде во времена их молодости. Очевидно, отчасти такого рода исключённость данной категории из числа «носителей» моды можно объяснить тем, что им также отказывается обществом в сексуальности, хотя, при этом, другие возрастные группы, также не обладающие «легитимной» сексуальностью участвуют, тем не менее, в воспроизводстве канона внешней привлекательности – это дети, а в особенности, подростки.

В первую очередь, конечно, речь идёт о юных барышнях, которые в процессе социализации подвергаются не только «внутренним» но и «внешним» «корректировкам». Конструирование собственной внешней привлекательности, по-видимому, было настолько неотъемлемым умением каждой российской дворянки, что мало кто из них осознаёт его как сознательно культивируемый в процессе воспитания навык и соответствующим образом описывает.

Поскольку мода, а правильнее сказать – умение корректировать свою внешность в соответствии с принятой в тот или иной момент системой социальных ожиданий, воспринималась как одна из этических и одновременно этикетных норм (которые в контексте дворянской культуры трудно делимы), следует предположить, что за данный аспект социализации «отвечали» те же агенты воспитания, что и за развитие прочих «отменных манер».

Действительно, А.П. Керн в мемуарах пишет о своей гувернантке M-lle Benoit, «очень серьезной» и «сдержанной» «девице 47 лет», которая была «прюдка», однако «заботилась о... туалете» воспитанниц (А.П. Керн была

⁵¹⁸ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁵¹⁹ Пушкин А.С. Евгений Онегин... С. 339.

«вверена» ей вместе со своей кузиной А.Н. Вульф), «отрастила» им локоны, «сделала коричневые бархотки на головы»⁵²⁰. Очевидно, девочек одевали как взрослых барышень уже с начала подросткового возраста, на что указывает не только вышеприведённая цитата (а А.П. Керн и А.Н. Вульф в ту пору было не более 12 лет), но и замечание А.В. Стерлиговой, что она «очень рада была избавиться от завивки волос»⁵²¹, когда, поступив в 12-летнем возрасте в Екатерининский институт, была коротко пострижена (как и все новенькие), что свидетельствует о ношении ею до этого «взрослых»⁵²² локонов. Так девочки и девушки-подростки приучаются определённым образом выглядеть, чтобы впоследствии воссоздавать «нормативный» (возможно уже иной, ввиду смены моды) облик.

Аналогичные механизмы формирования навыков конструирования внешней привлекательности существовали и в институтах благородных девиц. При том, что там велась борьба даже с малейшими проявлениями индивидуальности в одежде и причёсках воспитанниц⁵²³, а также существовал запрет на ношение каких-либо украшений и других «непредусмотренных» уставом аксессуаров⁵²⁴, к воспитанницам старшего возраста предъявляется требование снимать во время уроков (то есть при учителе) пелеринку, оголяя тем самым плечи⁵²⁵. Очевидно, агенты воспитания полагали (и данное требование, судя по всему, было ещё и «узаконено» уставом института), что впоследствии девушке будет гораздо легче

⁵²⁰ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

⁵²¹ Стерлигова А.В. Указ. соч.

⁵²² Подробнее об этом см.: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»...

⁵²³ Стерлигова А.В. Указ. соч.

⁵²⁴ Водовозова Е.Н. Указ. соч. Ср.: «Обе они были одеты одинаково в легкие парадные платья темно-вишневого цвета, снизу доходившее до щиколотки. Бальное большое декольте оставляло открытыми спереди шею и верхнюю часть груди, а сзади весь затылок и начало спины, позволяя видеть чистую линию нежных полудетских плеч. Руки, выступавшие из коротеньких матово-белых рукавчиков, были совсем обнажены. И никаких украшений – ни сережек, ни колец, ни брошек, ни браслетов, ни кружев. Только лайковые перчатки до поллоктя да скромный веер подчеркивали юную, блистательную красоту» Куприн А.И. Юнкера. М., 2012. С. 172).

⁵²⁵ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

привыкнуть к наряду, причёске и украшениям, чем научиться чувствовать себя естественно, уверенно и свободно «с обнажёнными плечами»⁵²⁶ при «посторонних мужчинах» без соответствующей «практики». Поэтому во втором случае и делается столь значительная «уступка» сексуальности в ущерб строгим, едва ли не монастырским, требованиям, предъявляемым как внешнему виду, так и поведению воспитанниц с целью сохранения их нравственности: целомудрие и невинность девушки не должны были быть помехой для её внешней, «светской» привлекательности. Этой же цели отчасти, вероятно, служила и такая ежедневная институтская практика, как «показывание себя», которое «было также уменьем, требовавшим привычки»⁵²⁷.

Всё это было связано с тем, что лучшие воспитанницы переходили по окончании института в категорию фрейлин и соответствующий светский «лоск» был им просто необходим – не только для того, чтобы чувствовать себя уверенно, но и чтобы просто иметь возможность находиться при дворе. Отметим, что форменные платья и воспитанниц младшего класса были декольте, правда, носились они под пелеринкой⁵²⁸. Так происходит приобретение соответствующих навыков трансляции сексуальности через внешний вид. Причём, характерно, что сами воспитанницы об этом даже не подозревают – по их мнению «ничего нет дурного в декольтировании... Это только красиво»⁵²⁹.

Разумеется, не только одежда и причёски барышень заботили женщин, занимавшихся светской составляющей их воспитания, в частности, в дворянской системе представлений женская красота была фактически неотделима от грации, умения вести себя и «держаться» себя в обществе: «в сумерках она (M-lle Benoit – О. Л.) заставляла нас ложиться на ковёр на полу, чтобы спины были ровны, или приказывала ходить по комнате и кланяться на ходу, скользя...»⁵³⁰. В институтах

⁵²⁶ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁵²⁷ Стерлигова А.В. Указ. соч.

⁵²⁸ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

имели место аналогичные «тренировки» воспитанниц, были они и в частных пансионах: «ну, милая, – говорила начальница, обращаясь к воспитаннице, в вашем доме сидит гость – молодой человек. Вы должны выйти к нему, чтобы провести с ним время <...> И девица, как бы входя в зал из другой комнаты, шла по направлению к начальнице, делала реверанс и садилась на какой-нибудь стул <...> Затем девицы то будто провожали гостя, то будто давали согласие на мазурку, то садились играть, по просьбе кавалера, то встречали и видались с бабушкой или дедушкой»⁵³¹. Подобного рода дисциплинарные политики в отношении тела были характерны для социализации детей обоего пола, но специфической чертой именно женского воспитания становится навык «демонстрации» себя в публичном пространстве, требующий длительного развития.

Что же касается более непосредственных «корректировок» тела, внешности, практикующихся российскими дворянками, пожалуй, наиболее характерной из них следует признать ношение корсета. Практически на протяжении всего интересующего нас периода корсет был обязателен к ношению для любой благородной женщины (исключение – период рубежа XVIII – XIX вв., когда из-за моды на силуэт с высокой, «коротенькой», талией общеизвестный жёсткий корсет на китовом усе не носился). Кроме того, что корсет, как западноевропейский элемент костюма, отличает благородную женщину от «простолюдинки», играет важную роль в её осанке и «формирует» силуэт в соответствие с модой, он напрямую связывается с представлениями о приличиях, с одной стороны, и о сексуальности, с другой.

Очевидно, что в этом не усматривается никакого противоречия, и женщины, на протяжении долгих лет сохраняя «конфузливость» и «целомудренную девичью застенчивость»⁵³² одновременно с этим могут свободно щеголять нарядами и кокетничать: «добрейшая хозяйка этого радушного дома была до того чопорна и

⁵³¹ Цит по: Муравьёва О.С. Указ. соч.

⁵³² Водовозова Е.Н. Указ. соч.

до того прюдка... *что закрывала даже шею платочком от нескромного взгляда. Этот, однако, платочек был вымыт в шафране, чтобы оттенял белизну кожи на лице*⁵³³. По видимому, подобная поведенческая модель была достаточно устойчивой, ведь молодые представительницы дворянского сословия заимствуют такое поведение у старших женщин – в процессе воспитания и социализации. Важно отметить, что ни кто иной, как «нравственные»⁵³⁴ гувернантки и классные дамы, культивируя полнейшую сексуальную непросвещённость воспитанниц, в то же время, с самого юного возраста приучают их конструировать собственную сексуальную привлекательность.

Следует предположить, что такая двойственность сексуального поведения российской дворянки, составляя важнейшую часть её самовосприятия и мироощущения, была, тем не менее, напрямую связана с мужскими представлениями о женской привлекательности и женской сущности вообще. Очевидно, что российская дворянка конца XVIII – первой половины XIX в. воспринимает себя, свою внешность и свою телесность как объекты чужого и, в первую очередь, мужского внимания – в том числе сексуального, а двойственность мужского восприятия, отразившаяся в двойственности мужского дискурса о сексе (о котором подробно велась речь в первой главе), обусловила, в свою очередь, подобные противоречия сексуального поведения женщины, действующей «под прицелом» мужских взглядов: можно сказать, что она балансирует между «невинностью» и сексуальной привлекательностью.

Вышесказанное вкупе с рассмотренными ранее представлениями о таких женских качествах, как «смирение», «забота», а в особенности «чистота нравов»⁵³⁵ «невинность»⁵³⁶ и «чистосердечие»⁵³⁷ в очередной раз вызывает

⁵³³ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

⁵³⁴ Письмо Бахметевой А.П. Бахметевым Н.А. и В.Ф., родителям мужа, с припиской Бахметева А.Н., 1835 г. // ЦГАМ. Ф.1845. Оп.1. Д. 956. Л. 1.

⁵³⁵ Ржевская Г.И. Указ. соч. С. 40.

⁵³⁶ Там же. С. 47.

⁵³⁷ Там же.

аналогию между «нормативным» женским обликом – как «внутренним», так и «внешним» – и столь любимым в российском дворянском дискурсе образом ангела, ведь ангел – бесполое существо, прекрасное и добродетельное, но лишённое сексуальности – такой, очевидно, должна была быть и дворянская девушка: сексуально привлекательной, но «непорочной», а кроме того и обладающей целым комплексом традиционных качеств «доброй» жены.

В числе прочих, взгляд на женщину как на «объект» мужских притязаний и мужского удовольствия (в данном контексте – эстетического) культивировал в своих педагогических сочинениях Ж.-Ж. Руссо: «всё воспитание женщин должно иметь отношение к мужчинам. Нравиться этим последним, быть им полезными, снискивать их любовь к себе и почтение... – вот обязанности женщин во все времена, вот чему нужно научить их с детства <...> всякая женщина хочет нравиться мужчинам и должна этого хотеть...»⁵³⁸; «разве наша (мужская – О. Л.) вина, если они (женщины – О. Л.) нравятся нам, когда красивы, если жеманство их нас прельщает, если искусство, которому они учатся... привлекать нас и льстить нам, если мы любим видеть их со вкусом одетыми...?»⁵³⁹. Таким образом, популярный среди образованного российского дворянства просветитель не только полагает стремление нравиться мужчине смыслом женского существования, но и призывает воспитывать подобные устремления у благородной женщины с детства.

В то же время, следует отметить, что в рамках дворянской культуры всем поступкам принято было находить и некое нравственное «обоснование». С этой точки зрения, считается, что следование моде и даже стремление нравиться означает, что индивид внимателен к окружающим, следовательно, задумываясь о внешнем виде, он демонстрирует своё уважение к обществу: «отношение к внешности и одежде носило не суетно-тщеславный, но эстетический, даже

⁵³⁸ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч.

⁵³⁹ Там же.

философский характер. Это был культ прекрасного, стремление найти изящную форму для всех проявлений жизни»⁵⁴⁰.

В контексте столь сильной подверженности российской дворянки мужскому мнению о себе становятся интересны восприятие и оценка женской красоты внутри женского же сообщества, наиболее ярко выраженные в закрытых учебных заведениях. Наряду с бытовавшим в ряде институтов и пансионов обычаем «обожания», объектами которого выбирались наиболее внешне привлекательные воспитанницы⁵⁴¹ и представлением, что «если ты красива, то институтки станут щадить и баловать тебя»⁵⁴², в некоторых из них существовала традиция ранжировать «всех воспитанниц по наружности на четыре разряда: красавица, миленькая, ничего и уроды. Всякая новенькая общим приговором причислялась к какому-нибудь разряду»⁵⁴³. Это свидетельствует об определяющем значении, которое сами воспитанницы придавали своим и чужим эстетическим характеристикам, при этом очень важно отметить, что они «были уверены, что первая по красоте выйдет замуж раньше других, затем вторая и так далее»⁵⁴⁴ – то есть, как видим, собственная внешняя привлекательность была важна для девушки-дворянки не сама по себе, а в контексте возможности иметь успех у мужчин, но, опять же, не столько из соображений сексуального характера, сколько с целью «составить блестящую партию». Таким образом, и в данном аспекте женского сексуального поведения на первый план выходит вступление в брак как основное её жизненное устремление.

⁵⁴⁰ Муравьёва О.С. Указ. соч.

⁵⁴¹ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 65; Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁵⁴² Энгельгардт А.Н. Указ. соч.

⁵⁴³ Там же. Ср.: «У нас в каждом классе подружки сообща решали, кто первый, кто второй по красоте... Я числилась только девятой <...> и, следовательно, я должна была выйти замуж девятой, – и вдруг я первая» (Водовозова Е.Н. Указ. соч.)

⁵⁴⁴ Водовозова Е.Н. Указ. соч.

Как бы то ни было, разрыв «между идеальным образом и “живыми” телами»⁵⁴⁵ был, по видимому, достаточно ощутимым, впрочем, как и в любой другой период времени в любом обществе: мода является модой лишь до тех пор, пока она представляет собой «достояние» меньшинства, остальные же лишь стремятся к ней. Однако, истинные мотивы, побуждающие к данному стремлению, зависят от исторического контекста. Так, в рассматриваемый период «актуальные», модные тела⁵⁴⁶ конструируются из иных соображений, нежели это принято на сегодняшний день.

Итак, в ситуации высокой семиотичности дворянской культуры мода приобретает значение знака: она выполняет роль социального индикатора и обозначения сословного различия – даже внутри дворянства. Поэтому за модой вынуждены следить все представители дворянского сословия независимо от пола и рода занятий. При этом внешний вид женщины не только увязывается с её происхождением и рассматривается в качестве одной из этикетных норм, которой она обязана следовать, но и воспринимается как своеобразное «продолжение» её внутренних качеств.

Девушка-дворянка ввиду неусыпного контроля со стороны семьи или иных агентов воспитания оказывалась настолько отчуждена от собственного тела, что зачастую не только не имела физической возможности нарушить запреты, связанные с категорией «чести», но и, конструируя свою внешность в соответствии с тем, что считается сексуально привлекательным для мужчин, сама же она этого не осознаёт.

Конструирование собственной внешней привлекательности было неотъемлемым умением каждой женщины-дворянки – этому аспекту её социализации агентами воспитания придаётся большое значение. Но важно, что данный навык у юной барышни развивается на фоне полной сексуальной

⁵⁴⁵ Омельченко Е. Культурная география мужских тел: современный путеводитель // В тени тела / Под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко. Ульяновск, 2008. – 208 с. С.17–18.

⁵⁴⁶ Омельченко Е. Культурная география мужских тел... С. 43.

непросвещённости и блокирования информации на сексуальные темы, ввиду чего можно говорить о некой рассогласованности её «внутреннего» и «внешнего» облика. Это связано с известной «объектностью» женщины в рамках дворянской культуры: ей вменяется взгляд на себя как на объект мужского внимания и мужского удовольствия – в этом контексте осуществляется следование моде и «корректировки» внешности, с этим связано и развитие навыка «демонстрации» себя. Следовательно, собственная внешняя привлекательность была важна для девушки-дворянки не сама по себе, а в контексте возможности иметь успех у мужчин, причём не столько из соображений сексуального характера, сколько в контексте матримониальных устремлений. Вероятнее всего для замужней женщины, получившей уже сексуальный опыт и какие бы то ни было представления о сексуальности, роль сексуальности в её практиках «корректировки» и украшения себя могла существенно возрасти, но отсутствие соответствующего дискурса в «женском» дворянском письме не позволяет утверждать это с полной уверенностью.

§ 2. Флирт и его место в сексуальной жизни представительниц дворянского сословия конца XVIII – первой половины XIX века

В современной культуре понятие «флирт» широко распространено; словари определяют его как «ухаживание, кокетство, любовную игру»⁵⁴⁷. В то же время, несмотря на то, что этот термин восходит к XVIII в.⁵⁴⁸ и мог быть известен в российской дворянской среде, в источниках конца XVIII – середины XIX в. он не фигурирует. Заменяющие же его понятия «кокетство», с одной стороны и «ухаживание», «волокетство», с другой, в отличие от самой категории «флирт», не являются гендерно нейтральными, так как первое из них практически всегда атрибутируется женщине, второе же – всегда мужчине.

Ввиду того, что данное понятие претерпело на сегодняшний день существенные изменения, целесообразно обратиться к трактовке дефиниции «флирт», данной в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» в 1907 – 1909 гг., где, по крайней мере, представлен дореволюционный дискурс. Там флирт определяется как «*особая форма проявления полового чувства; выражается в ухаживании, кокетливом заигрывании взглядами, словами, притворно-неумышленными прикосновениями и пр.*»⁵⁴⁹, как видим, в трактовке начала XX в. связь между флиртом и сексуальностью была более очевидной, чем современной; следует предположить, что сексуальный аспект флирта являлся не менее значимым и в интересующий нас период, так как множество запретов и ограничений в сфере сексуальности сильно повышало значение тех практик, которые считались допустимыми. В данном параграфе будет предпринята попытка определить место флирта в жизни российской дворянки, а также выявить

⁵⁴⁷ Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22158/ogl.shtml> (дата обращения: 04.05.2015).

⁵⁴⁸ Козлов Н. Флирт и кокетство. Художник Federico Andreotti. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diary.ru/~Adelina3/p196469813.htm?oam> (дата обращения: 01.05.2015).

⁵⁴⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/brok.htm> (дата обращения: 01.05.2015).

специфику практик флирта российской дворянки в различных возрастных и социальных группах.

Как правило, особенно строго регламентировался флирт наиболее юных дворянок, что было напрямую связано с системой представлений о «девичьей чести», раскрытых нами во второй главе: всесторонний контроль над действиями девушки осуществлялся воспитателями или семьёй с целью сохранения её «непорочности» до брака. Так, А.П. Керн вспоминает, как её «тетушка Анна Ивановна», опасаясь за «честь» юной барышни, которой было не более 13 лет, отрезала ей волосы «по-солдатски», чтобы та «не кокетничала ими»⁵⁵⁰; а смолянок и других институток то и дело наказывали за такие проявления кокетства, как «перетянутая талия», «пелеринка, спущенная с одного плеча», волосы, «счесанные со лба, между тем как им полагалось низко спускаться на лоб»⁵⁵¹ (а ведь подобное «кокетство» осуществлялось в закрытом для мужчин, сугубо женском сообществе); особенно бдительно классные дамы следили именно за причёсками воспитанниц «чтобы искоренять кокетство», «но этим лишь развивали его. По вечерам, когда дама уходила в свою комнату, воспитанницы старшего класса изощрялись в изобретении причёсок»⁵⁵². Разумеется, практики флирта не сводимы к описанным выше корректировкам внешности, однако, прочие, очевидно, были не только недоступны, но и неизвестны девушке-дворянке: «мы по выходе из института были совсем неопытны в кокетстве»⁵⁵³. Судя по всему, для подрастающей барышни, не входившей ещё в категорию невест, и вовсе не предусматривалось «легитимных», не осуждаемых обществом практик флирта, поэтому развитие соответствующих навыков было затруднено.

⁵⁵⁰ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

⁵⁵¹ Энгельгардт А.Н. Указ. соч.

⁵⁵² Водовозова Е.Н. Указ. соч.

⁵⁵³ Там же.

«Дозволенный» же флирт становится возможен для неё лишь тогда, когда девушку официально начинают «вывозить»⁵⁵⁴ в свет. Данное событие имело большое значение как для самой юной дворянки, так и для её семьи⁵⁵⁵, оно тщательно планировалось заранее⁵⁵⁶ и вовлекало широкий круг родственников⁵⁵⁷, в особенности тех, которые имели связи в «лучшем обществе»⁵⁵⁸.

Однако в ситуации, когда «вновь прибывшие» молодые особы становились «предметами бесжалостного внимания»⁵⁵⁹ со стороны общества («странный шёпот встретил // Её явление: свет её заметил»⁵⁶⁰; «все кинули на неё испытующий взгляд; даже старые сановники...удостоили её мгновенным одобрительным осмотром»⁵⁶¹), и при отсутствии соответствующих навыков использование данной «привилегии» оказывалось достаточно затруднительным. К этому следует добавить по-прежнему довлеющий над девушкой контроль со стороны семьи: «батюшка продолжал быть со мною строг... Если мне случалось танцевать с кем-нибудь два раза, то он жестоко бранил маменьку, зачем она допускала это, и мне было горько, и я плакала. Ни один бал не проходил, чтобы мне батюшка не сделал сцены или на бале, или после бала»⁵⁶². Как видим, в ситуации такого жесткого «двойного контроля» возможности реализации своей сексуальности для дворянской девушки оставались также весьма ограничены, и её положение после первого «взрослого» бала существенно не изменялось.

⁵⁵⁴ Толстой Л.Н. После бала. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_14/01text/0299.htm (дата обращения: 17.12.2014).

⁵⁵⁵ Письмо Волконской С.Н. к Бахметевоу А.П. от 1832 . на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1845. Оп.1. Д. 1204. Л. 1 об.

⁵⁵⁶ «На бале [у князя Щербатова] должен был состояться её выход, но это [не было устроено] мой дядя мог вам говорить свои соображения [о причинах этого]... (Там же, Л. 1)

⁵⁵⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁵⁸ Соллогуб В.А. Большой свет... С. 208–209.

⁵⁵⁹ Ган Е.А. Указ. соч.

⁵⁶⁰ Лермонтов М.Ю. Сказка для детей // Сочинения... Т. 1. Стихи и поэмы. С. 717.

⁵⁶¹ Соллогуб В.А. Большой свет... С. 243.

⁵⁶² Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний...

Но в то же время нельзя забывать, что основным смыслом «вывозов» девушки в свет было её замужество, в связи с чем некоторые послабления для неё, разумеется, делаются. Так, очевидно, нормой считался регламентированный флирт молодых людей в публичном пространстве, осуществлявшийся, в первую очередь, через танцы, бывшие всеобщей социально поощряемой формой времяпровождения дворянства, в особенности дворянской молодёжи⁵⁶³.

Для нас танцы интересны тем что, при всеобъемлющем и массовом своём распространении, они представляют собой единственную в своём роде «легитимную» практику близкого тактильного контакта между мужчиной и женщиной: «молодая особа, легко одетая, бросается в руки молодого человека, который её прижимает к своей груди, который её увлекает с такой стремительностью, что сердце её невольно начинает стучать, а голова идет кругом! Вот что такое этот вальс!»⁵⁶⁴. Очевидно, танцы, а особенно, столь критикуемый за свою сексуальность вальс, были очень важной составляющей сексуального поведения российской дворянки, являя собой некую «компенсацию» полной непросвещённости и барышни. Исходя из источников, вальс являлся излюбленным танцем дворянской молодёжи, и ждали его с нетерпением⁵⁶⁵

Однако этот тактильный флирт, в наибольшей степени возможный именно в вальсе, дополнялся ещё и вербальным – танцы предполагали разговор, причём, манера этого разговора регламентировалась и видоизменялась в зависимости от танца: «“мазурочная болтовня” требовала поверхностных, неглубоких тем»⁵⁶⁶, а вальс создавал соответствующую обстановку «для нежных объяснений»⁵⁶⁷, но эти объяснения делались не столько вербально, сколько письменно, так как «соприкосновение рук позволяло передавать записки. Вальс танцевали долго, его

⁵⁶³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 91.

⁵⁶⁴ Жанлис М.Ф. Критический и систематический словарь придворного этикета. Цит. по: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 95.

⁵⁶⁵ Письмо Е. Строгановой к С. Бобринской от 1821. на франц. яз. // ЦГАМ. Ф.1341. Оп.1. Д. 1257. Л. 2.

⁵⁶⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 96.

⁵⁶⁷ Там же.

можно было прерывать, присаживаться и потом снова включаться в очередной тур»⁵⁶⁸.

Очевидно, не меньшую свободу для «приватного» общения, вербального флирта, в рамках публичных «веселостей»⁵⁶⁹ давали и следующие практики: «Зоя сидела возле Веры Яковлевны, князь стоял за нею, прислонясь к колонне... Они говорили и говорили, не замечая, как из всех углов посматривали на них зоркие глаза цензоров в чепцах и шالях»⁵⁷⁰; «кое-где мужчина, проходя за диванами, останавливался позади девицы и, наклонясь, шептал ей, вероятно, что-нибудь очень приятное, потому что улыбка вдруг расцветала на устах девушки, и, глядя на неё, маменька самодовольно поправляла свой чепец»⁵⁷¹. Известная «вольность» подобного общения молодых людей при этом нивелировалась контролем, осуществлявшимся социумом («цензорами в чепцах и шалях») через два основных механизма: общепринятые правила светского поведения и общественное мнение.

Иногда мужчине было достаточно подойти к интересующей его даме и встать возле её кресла или стула, который она занимает в перерывах между танцами. Однако, для этого они должны были быть представлены: «у двери, ведущей из залы в гостиную, сидели две зрелые девы, вооруженные лорнетами и разговаривающие с двумя или тремя молодыми людьми, - не танцующими. Одна из них была Лизавета Николаевна... она была к лицу одета. В надежде на это

⁵⁶⁸ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 96.

⁵⁶⁹ Ган Е.А. Указ. соч. Ср.: «Александров не отходил от Оленьки, упрямо и ревниво лоя минуты, когда она освобождалась от очередного танцора. Он без ума был влюблен в нее и сам удивлялся, почему не замечал раньше, как глубоко и велико это чувство. Оленька, – сказал он. – Мне надо поговорить с вами по очень, по чрезвычайно нужному делу. Пойдемте вон в ту маленькую гостиную. На одну минутку. А разве нельзя сказать здесь? И что это за уединение вдвоем? – Да ведь мы все равно будем у всех на глазах. Пожалуйста, Олечка! – Во-первых, я вам вовсе не Олечка, а Ольга Николаевна. Ну, пойдемте, если уж вам так хочется. Только, наверно, это пустяки какие-нибудь, - сказала она, садясь на маленький диванчик и обмахиваясь веером. – Ну, какое же у вас ко мне дело?» (Куприн А.И. Указ. Соч. С. 79.)

⁵⁷⁰ Жукова М.С. Указ. соч.

⁵⁷¹ Ган Е.А. Указ. соч.

преимущество она довольно холодно отвечала на вежливый поклон Печорина, когда тот подошел к ней... Печорин стал возле Елизаветы Николаевны, ожидая, чтобы она начала разговор, и рассеянно смотрел на танцующих. *Так прошло несколько минут, и наконец она принуждена была сорвать с своих уст печать молчания*». Как видим, строгие правила этикета, как ни странно, не ограничивают флирт, а, напротив, в известной мере его поощряют.

Однако даже легитимизированные подобным образом практики флирта, вовлекающие девушку-дворянку, могли восприниматься по-разному её семьёй. В этой связи А.В. Белова выделяет два типа сексуального поведения, возможные для девушки в дворянском обществе – «репрессированная сексуальность»⁵⁷², которая, предполагая максимальный контроль над сексуальным поведением дочери и подавление её сексуальности, имела место в большинстве случаев; и «контролируемая сексуальность», которую можно охарактеризовать как осуществляемое с ведома родителей «коккетство»⁵⁷³. То или иное отношение семьи к флирту дочери могло определяться «взглядами» родителей⁵⁷⁴, но значительно чаще ключевым фактором в данном вопросе всё же становилась личность «партнёра» девушки⁵⁷⁵.

Следует подчеркнуть, что сколько-нибудь серьёзное внимание к юной, незамужней дворянке со стороны представителя противоположного пола ею самой, родителями и обществом воспринимается исключительно в контексте брака, ведь «женская жизнь в любом слое “доэмансипированного” общества чётко делилась на добрачную и замужнюю»⁵⁷⁶, и, соответственно, переход из одной

⁵⁷² Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 279.

⁵⁷³ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 279–284.

⁵⁷⁴ «Коккетство, которое я разрешила Мари (дочери – О. Л.), было самого невинного свойства...» (Письмо Н.Н. Пушкиной-Ланской к П.П. Ланскому от 13/25 июля 1851 г. Цит. по: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 284).

⁵⁷⁵ «Коккетство... Мари... относилось к человеку, который был вполне подходящей партией» (Там же).

⁵⁷⁶ Листова Т.А. По поводу статьи Т.Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // Этнографическое обозрение. 1994, № 5. С. 32.

категории в другую являлся чрезвычайно важным событием в жизни российской дворянки. Мужчины, безусловно, также учитывают этот фактор, выстраивая своё поведение с противоположным полом, так, А.Н. Вульф, «преуспевший» в «волокистве», отмечает в дневнике, что «связь с женщиною гораздо выгоднее, нежели с девушкою»⁵⁷⁷.

В связи с этим внимание к барышне со стороны женатого мужчины могло восприниматься двояко. Если он уже перешагнул границу того возраста, которому в дворянском обществе атрибутируется сексуальность, то он характеризуется как старик⁵⁷⁸ – «умный и уважаемый»⁵⁷⁹, «почтенный»⁵⁸⁰, «благодарный»⁵⁸¹, «веселый»⁵⁸², возможно даже «весельчак и проказник»⁵⁸³, но внимание с его стороны воспринимается лишь как часть светской галантности⁵⁸⁴ и, по общественному мнению⁵⁸⁵, не может иметь сексуальный подтекст, противном же случае это могло вызвать крайне негативную реакцию семьи, будь то даже внимание императора.

Любой же другой (неженатый) мужчина, публично проявивший выходящий за рамки обычной светской любезности интерес к барышне расценивается как потенциальный жених, поэтому сценарий, при котором он не делает ей

⁵⁷⁷ Вульф А.Н. Указ. соч.

⁵⁷⁸ Там же.

⁵⁷⁹ Дашкова Е.Р. Указ. соч.

⁵⁸⁰ Головина В.Н. Указ. соч.

⁵⁸¹ Францева М.Д. Указ. соч.

⁵⁸² Головина В.Н. Указ. соч.

⁵⁸³ Андреев Н.И. Воспоминания // Российский мемуарий [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Andreev/And-2.htm> (дата обращения: 14.05.2015)

⁵⁸⁴ «Я танцевала с маркизом де Табэ, который мне сказал: “Je suis vieux pour m’intéresser aux femme et à la mode, mais ce sont des yeux que je ne sais pas à Paris!” (“Я стар, чтобы интересоваться женщинами и модой, но таких глаз я не видел и в Париже!” (фр.))» (Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 102),

⁵⁸⁵ «Маша... была прекрасна, как майский день; молодые люди за нею бегали; старики, глядя на неё, жалели о прошедшей своей молодости» (Погорельский А. Лафертовская маковница // Русская романтическая новелла. [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/neizvesten_avtor/russkaya_romanticheskaya_novella/read_1/ (дата обращения: 17.04.2014)).

ожидаемое предложение, может быть воспринят ею и её семьёй достаточно болезненно: «прошло несколько воскресений сряду – и стул подле m-lle Armidine не был уже занят пламенным корнетом. M-lle Armidine была расстроена и смеялась ещё принуждённее, чем прежде»⁵⁸⁶: «мать пишет, что он («г. Плаутин» – О. Л.) получил Тираспольский конный егерский полк, и что тем разрушилась её надежда на замужество сестры... *Хотя он и волочился за нею, но я не надеялся на него. Сестра не умеет себя вести* и вряд ли когда-либо таким образом найдет порядочного мужа»⁵⁸⁷.

Существенно, что фактором дозволения или запрета «флирта» становилась «приемлемость» того или иного мужчины в качестве жениха, ведь расширение границ дозволенного в отношениях молодых людей становилось возможно лишь после помолвки, когда они официально получали статус отношений жениха и невесты (что для девушки могло быть возможно только с мужчиной, представляющим «блестящую партию» и потому «способным сделать её счастье»⁵⁸⁸ – по мнению семьи, разумеется).

Если же брак оказывался невозможным или нежелательным, молодым людям, которые всё равно виделись на светских мероприятиях не позволяли общаться и танцевать вместе: «Вера Яковлевна объявила Зое, что запрещает ей не только танцевать, но и видаться с князем и даже думать о нём»⁵⁸⁹; «князь танцевал очень мало, был печален, стоял поодаль... между тем как она, невольница, выплясывала посреди залы кадрили с советником, летя и взорами и душою к другому. Лишь только под конец бала <...> князь не выдержал; он завладел Зоєю в глазах советника и... увел её на другой конец залы. И как он был нежен, как был любезен во всю мазурку! Как много говорили глаза его! Все это заметили, так что Вера Яковлевна притворилась больною и увезла Зою из мазурки, бросив на князя

⁵⁸⁶ Соллогуб В.А. Большой свет. С. 222.

⁵⁸⁷ Вульф А.Н. Указ. соч. См. также: Соллогуб В.А. Большой свет...

⁵⁸⁸ Пушкин А.С. Барышня-крестьянка...

⁵⁸⁹ Жукова М.С. Указ. соч.

взор раздраженной Юноны»⁵⁹⁰; «...когда, две недели спустя, Надежда Осиповна (бабушка автора по матери – О.Л.) увидела на бале отца (отца автора, ищущего руки матери автора – О.Л.), то запретила дочери с ним танцевать. Во время одной из фигур котильона отец сделал с нею тура два. Об этом доложили Надежде Осиповне, забавлявшейся картами в соседней комнате. Та в негодовании выбежала и в присутствии общества, далеко не малочисленного, не задумалась толкнуть свою тридцатилетнюю дочь. Мать моя упала в обморок»⁵⁹¹.

Таким образом, для дворянской девушки флирт, подчинённый матримониальным соображениям часто имел мало общего с любовными переживаниями и сексуальностью, как и сам брак, по-прежнему заключающийся «по экономическим и социальным мотивам»⁵⁹². Причём подобный разрыв между понятиями любви и брака у женщины имел место практически всегда (и преодолевался путём своеобразного «конструирования» любовного чувства), браки «по склонности», как правило, были возможны только при так называемом «умыкании» невесты. У мужчины же мог быть выбор – жениться по «по склонности» или по расчёту: «...скорее заключить можно, что они в биржевой, а не в бальной зале. “Эта девушка прелестна, – думает один, – но отец её молод, бог знает, сколько проживет он лет и денег. Эта умна и образованна, дядя её на важном месте, но, говорят, он колеблется, – тут надобно подумать... Вот эта, правда, не очень красива и очень недалеко, зато как одушевлена! чертовски одушевлена тремя тысячами душ... Я невольник её!”»⁵⁹³.

Так или иначе, спустя некоторое время после выхода в свет дворянская девушка выдаётся замуж. Формально это событие лишь меняло источник власти, довлевшей над ней, однако в действительности, очевидно, вступление в брак

⁵⁹⁰ Жукова М.С. Указ. соч.

⁵⁹¹ Из воспоминаний Павлищева о романе родителей цит по: Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloi_stariny._Nnavy_i_byt_pushkinskoi_epohi.pdf (дата обращения: 17.04.2014).

⁵⁹² Кон И.С. Сексуальная культура в России... С. 45.

⁵⁹³ Бестужев-Марлинский А.А. Испытание // Дуэль... С.35–36

давало ей ряд значимых преимуществ перед незамужними представительницами дворянского сословия⁵⁹⁴. В первую очередь, она получает доступ к более обширной информации сексуального характера, которая была для неё под запретом до этих пор – в значительной мере за счёт личного сексуального опыта. Не менее важно, что она, наконец, выходит «из-под прицела родителей и прочих блюстителей нравов»⁵⁹⁵ – тех лиц, которые были заинтересованы в сохранении ею морального облика и потому всячески ограничивали её – как на уровне цензуры, так и на уровне практик.

Разумеется, отныне таким, лично заинтересованным в «чести» дворянки лицом становится её муж, однако, если речь идёт о «светской» супружеской паре⁵⁹⁶, молодой женщине не только было позволительно, но и желательно вести светскую жизнь, что предполагает известную долю свободы и самостоятельности от мужа: «я только вышла замуж и очень веселилась»⁵⁹⁷ – пишет А.О. Смирнова-Россет, а из дальнейшего её повествования становится понятно, что «веселилась» она, проводя время порознь со своим мужем⁵⁹⁸.

Отметим, что принадлежность к «свету» требует как от мужчины, так и от женщины известной непринуждённости, раскованности – не только в собственном поведении, но и в отношениях с противоположным полом. Такая игривость, своего рода «лёгкий флирт», осуществляемый всеми женщинами и всеми мужчинами по отношению друг к другу⁵⁹⁹, считался не только допустимым, но был признаком хорошего тона, но, разумеется, в чётко очерченных рамках, ограниченных для обоих полов. Так, более опытная губернаторша между делом

⁵⁹⁴ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 270–272.

⁵⁹⁵ Там же. С. 280.

⁵⁹⁶ Но в провинции патриархальные взаимоотношения всё ещё сильны даже в среде дворянства: Гонецкий с женой; сестра Водовозовой с мужем (Водовозова Е.Н. Указ. соч.)

⁵⁹⁷ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч.

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ Жукова М.С. Указ. соч.

замечает Николаю Ростову, что он *«слишком»* ухаживает за «за той, за белокурой» для человека, который собирается жениться на княжне Болконской⁶⁰⁰.

Безусловно, подобное сочетание светской непринуждённости с чётким пониманием границ дозволенного было отличительной чертой двора и высшего, «светского» общества, а не всего дворянства. Так, некой кокетливой игривостью отличается поведение таких молодых придворных женщин, как В.Н. Головина и А.О. Смирнова-Россет. Причём самими светскими людьми подобный стиль межполового общения, по-видимому, как флирт не воспринимается, и его, действительно, не следует считать таковым, ведь в данном случае отсутствует ключевой элемент флирта – желание выделить партнёра среди прочих, продемонстрировать особое к нему отношение – напротив, смысл подобного «галантного» поведения заключается в желании быть в равной степени приятным и любезным собеседником или партнёром.

По-видимому, грань была настолько тонкой, что представители других категорий дворянства, опасаясь её переступить часто склонны к большему консерватизму в межполовых отношениях. О таких женщинах пишет Н. Дурова: «ах, как я не люблю этих неприступных медведиц, которые, желая поддержать какой-то высший тон, не замечают того, что, вместо знатных дам, они имеют всю наружность надутых купчих. Глупые женщины!»; очень схоже и суждение Пушкина о стремлении подражать высшему свету: «Почему им знать, что в лучшем обществе жеманство и напыщенность еще нестерпимее, чем простонародность... и что оно-то именно и обличает незнание света?»⁶⁰¹. Конечно, можно сказать, что свобода от придворного этикета и правил приличия давали представителям дворянства, не относящимся к высшему обществу больше свободы в проявлениях чувств и флирта – особенно в провинции, а тем более в деревне: «и он пришёл к обеду. После обеда Сидорка принёс ему гитару... и он пел: “Тише, ласточка болтлива” и ещё “Ах, Саша, как не стыдно сердце чужое

⁶⁰⁰ Толстой Л.Н. Война и мир. Том четвёртый // Собр. соч.... 1981. Т. 7. С. 23–214.

⁶⁰¹ Пушкин А.С. Цит. по: Муравьёва О.С. Указ. соч.

взять и не отдать”. И в это время он посматривал на Дунюшку. Вечером она вместе с ним гуляла, а после ужина он сделал предложение»⁶⁰²; «родство, короткая связь с сестрою её, способность всякий день её видеть, – всё обещало мне успех, – пишет Алексей Вульф о своей кузине, – сначала он мне даже показался скорым, ибо уже во второй день нашего знакомства, вообще видев её только несколько часов, я вечером, обнимая её, лежавшую на кровати, хотел уже брать с неё первую дань любви»⁶⁰³. Однако, при всей вольности нравов, отсутствие той самой светской «простоты» и непринуждённости в межполовом общении нивелирует это преимущество провинциального или столичного несветского быта: «...она очень хотела выдать замуж свою дочь и звала фрейлин, потому что балы только тогда были удачны, когда были фрейлины»⁶⁰⁴.

Очевидно, что подобного рода различия были не столько региональными и даже не столько связанными с дихотомией «столица-провинция»: основной «водораздел» пролегает между высшим, «большим», светом и остальной частью дворянского общества, так как в рамках последнего флирт, будучи связанным с двумя такими определяющими для дворянского общества категориями как «девичья честь», с одной стороны, и этикетное поведение, с другой, подвергается регламентации. Данная регламентация, разумеется, была не гласной и, тем более, не письменной, поэтому её выявить не так просто. Кроме того, будучи чем-то привычным, повторяющимся для самих аристократок эти «легитимные» практики флирта не несли ни позитивную, ни негативную оценку, воспринимались как само собой разумеющееся, и потому слабо освещены в их текстах.

Вообще, для техник флирта очень характерно ранжирование на «светские», которые, действительно, практически «отсутствуют» в дискурсе, и «не светские», которые, воспринимаясь знающими обхождением в лучшем обществе аристократками как «чуждые» вызывали удивление, осмысление,

⁶⁰² Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 60

⁶⁰³ Вульф А.Н. Указ. соч.

⁶⁰⁴ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 105.

воспроизводство на бумаге. Так для нас оказывается важным провинциальный «легитимный» – то есть публичный и осуществляемый с «дозволения» общества флирт, ведь его рефлексия, описание его недостатков поможет понять специфику «великосветского» флирта.

Ценным свидетельством в этой связи оказываются воспоминания А.О. Смирновой-Россет о пребывании её в Калуге. Будучи «губернаторшей» и, следовательно, вращаясь постоянно в провинциальном, губернском обществе, она, как бывшая фрейлина, привыкшая к придворным практикам флирта не только маркирует те отличия с которыми сталкивается, но и даёт им оценку. В частности, её удивила специфическая разновидность флирта, имевшая место на одном из балов: «...на заедки и десерт были слоёные пирожки, груши, яблоки. Их барыни ели с кожей и, танцуя, укусывали, а потом кавалер»⁶⁰⁵ и резюмирует с долей иронии: «милая обмена нежностей». Безусловно, такая практика могла осуществляться лишь замужними дворянками: «барынями», но не барышнями, находящимися даже в провинции под гнётом семейного и социального контроля. Но здесь важно напомнить, что замужние дворянки проводят время на балах и других светских мероприятиях как бы не со своими мужьями⁶⁰⁶, а с «чужими мужчинами», равно как и на прогулках⁶⁰⁷, катаниях⁶⁰⁸ – жена и муж существуют рядом, но словно отдельно и самостоятельно в этом специфическом светской пространстве. Таким образом, можно заключить, что данный пример демонстрирует довольно смелую практику флирта. Представляет интерес и такое описание: «Она <...> болтала и любезничала с подругами. Есть в губернских городах мода ходить под ручку вдвоём и втроём и иногда в восемь; они

⁶⁰⁵ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 173.

⁶⁰⁶ «...губернатор прошелся со всеми супругами своих подчиненных, строго соблюдая старшинство чинов, а губернаторша со всеми офицерами, строго соблюдая постепенность их милостивости» (Ган Е.А. Указ. соч.)

⁶⁰⁷ «Я шла с соседом Петром Ивановичем Кумановским... Озеров шёл с Березниковой, Александра Петровна Воейкова с Павлом Алексеевичем Березниковым, она... болтала без умолку всякий вздор» (Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 169).

⁶⁰⁸ Ростопчина Е.П. Указ. соч. С. 170–173.

заигрывают с мужчинами и будто не нарочно задевают их»⁶⁰⁹ – вероятнее всего, подобные практики флирта были также доступны лишь замужних представительниц дворянства.

Достаточно часто авторами маркируется флирт неумелый или некорректный. Так, дочь декабриста Никиты Муравьёва, воспитанная уже в Сибири, но, по-видимому, всё же, не без аристократических тонкостей, следующим образом описывает местную губернаторшу: «Когда бывало приезжала к нам из Иркутска жена губернатора, женщина довольно ветреная, хотя добрая, и *говорила всякий вздор и жеманилась, отца, видимо, коробило*, он молчал и краснел»⁶¹⁰. Эта цитата коррелирует с рядом других, что показывает устойчивость некоей «нормы», от которой в данных случаях происходит отступление: «Кити Голицына была недурненькая девочка, но такая affectée (притворщица), что тошно было смотреть на неё; она жевала медленно... как её гувернантка *m-me Dani...*»⁶¹¹; «пять дочерей его ломались и жеманились: это был настоящий балаганный спектакль»⁶¹² и др.

Как видим, светские женщины свысока оценивают провинциалок с их практиками флирта, воспринимая его как неумелый, а потому – неестественный, однако, характерно, что ни в столице, ни в провинции не существовало иных механизмов обучения данному «искусству», кроме наблюдения и «самообучения»: «Пред зеркалом, бывало, целый час // То волосы пригладит, то красивый // Цветок пришпилит к ним; движенью глаз, // Головке наклоненной вид ленивый // Придав, *стоит... и учится*; не раз // Хотелось мне совет ей дать лукавый; // Но ум её и сметливый и здравый // Отгадывал всё мигом сам собой»⁶¹³ – описывает своеобразные «тренировки» барышни Лермонтов, представ перед

⁶⁰⁹ Речь идёт о замужних женщинах, в частности, среди «кокеток» упоминается «жена Жданова» Варвара Петровна (Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 168).

⁶¹⁰ Бибикова С.Н. Указ. соч. С. 63.

⁶¹¹ Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 168.

⁶¹² Головина В.Н. Указ. соч.

⁶¹³ Лермонтов М.Ю. Сказка для детей // Сочинения в 2-х т. М., 1970. Т. 1. Стихи и поэмы. С. 711.

читателем в образе Демона, следящего за красавицей. Следует предположить, что женщина-дворянка не выбирает, как ей флиртовать, а заимствует ту модель флирта, которую наблюдает и которая, следовательно, распространена в её кругу. Смена общества вполне может повлечь и смену тех способов, с помощью которых женщина в нём реализует собственную сексуальность.

Итак, можно говорить о положительной динамике роли флирта в жизни российской дворянки: если в подростковом возрасте практик дозволенного флирта для юной барышни не предусматривалось вовсе, для девушки, выходящей в свет, многие из них уже становятся формально доступны, но при этом продолжающий довлеть над ней контроль со стороны авторитарной семьи, блокирует значительную часть проявлений её чувственности, направляя сексуальное поведение в русло брака и позволяя флирт лишь в этом контексте.

В связи с этим, существенно меняется положение дворянки после замужества: если она продолжает бывать в свете, брак, как правило, открывает новые возможности для флирта, отделённого уже от матримониальных устремлений и, следовательно, основанного на личной симпатии и влечении. Однако, женщина, демонстрируя и свои личные, а не навязываемые ей, как прежде, эмоции и чувства, делает это с помощью строго нормализованной системы знаков. Какой была эта система, рассмотрим подробнее в следующем параграфе.

§ 3. Повседневные сексуальные практики столичной дворянки в светском обществе

В данном параграфе будет предпринята попытка изучить «легитимные» практики межполового общения – «соблазнительные эпизоды бальных зал»⁶¹⁴, – принятые в светском обществе, а также проанализировать специфические для дворянства конца XVIII – середины XIX в. формы повседневного сексуального поведения женщины.

Разумеется, незамужние представительницы дворянского сословия, инкорпорированные уже в светское общество, как было показано выше, не были полностью исключены из воспроизводства флирта, но в данном параграфе, по преимуществу, речь будет идти о замужних женщинах – не только ввиду того, что они имели бóльшую свободу сексуального поведения, но и потому, что девичество представляло собой специфически позиционированную и сильно ограниченную⁶¹⁵ возрастными рамками категорию, ведь между «вывозом» барышни в свет и её замужеством, как правило, проходило не слишком много времени («...эта девушка так мила, так особенна, что она *не протанцует здесь месяца и выйдет замуж...*»⁶¹⁶), хотя, конечно, всё могло зависеть от конкретной ситуации: «довольно странно: с её прекрасными качествами и состоянием она по сю пору не замужем»⁶¹⁷.

Заметим, что практики даже «легитимного» флирта в конце XVIII – середине XIX в. могли быть крайне плюральны, как и сами взаимоотношения мужчины и женщины. Однако среди этого многообразия в российской дворянской культуре, на наш взгляд, выделяется комплекс достаточно унифицированных форм флирта, нормализованных не только принятыми в дворянском обществе правилами взаимоотношения полов, но и строгим светским

⁶¹⁴ Ростопчина Е.П. Указ. соч. С. 154.

⁶¹⁵ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 251–254.

⁶¹⁶ Толстой Л.Н. Война и мир. Том второй // Собр. соч.... 1980. Т. 5. С. 213.

⁶¹⁷ Вульф А.Н. Указ. соч.

этикетом. Ведь, по большому счёту, флирт как специфическая форма межполового общения, подразумевающая обмен знаками внимания, представляет собой лишь информацию о том, что инициатор флирта проявляет интерес к своему партнёру и желает дать это понять, однако, как мы уже убедились, неумелый флирт, несоответствующий определённым представлениям и канонам способен вызвать не только иронию, но и совершенно обратный эффект. Следовательно, особенно важным оказывается «правильное» использование флирта, ведь речь идёт о публичных практиках, способных, следовательно, вызвать ту или иную реакцию общественного мнения.

Данные практики флирта были строго упорядочены и именно поэтому допустимы. Однако, несмотря на это, женщины-дворянки всё же редко отражают в эгодокументальных текстах свой опыт подобного рода, несколько чаще – чужой, однако значительно большее развитие данная проблематика находит в произведениях художественной литературы (и, в первую очередь, в прозе) – как «мужских», так и «женских» по своему авторству, где представлена вся совокупность «легитимных» практик сексуального поведения российской дворянки.

Важно также отметить, что техники флирта, о которых пойдёт речь, в абсолютном большинстве случаев представляют собой сексуальное поведение вне брака, что особенно принципиально оказывается для женщины, вся повседневность которой, по большому счёту, строится вокруг понятия брака – сначала будущего, затем текущего⁶¹⁸, – в данном же случае её сексуальное поведение направлено на некоего «чужого мужчину». В данном контексте следует также напомнить, что, в отличие от мужчины, всегда имевшего возможности для реализации своей сексуальности «на стороне» (причём не только «вне брака», но и «вне света» – через отношения с актрисами, «дамами полусвета», да и просто собственной женской прислугой, остававшейся в данный период по-прежнему крепостной), для женщины флирт приобретает значение

⁶¹⁸ Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С.255–256 и др.

единственной общепризнанной и дозволенной формой внебрачного сексуального поведения.

Безусловно, основной ареной, где могли осуществляться различные формы флирта являлся бал – место, где, по словам П.А. Вяземского, представители дворянской молодёжи обоих полов «учились любезничать, влюбляться, пользоваться правами и вместе с тем покоряться обязанностям общежития»⁶¹⁹. О наиболее характерных для бала практиках флирта, которыми следует признать танцы и связанное с ними времяпровождение, то есть, тактильный и вербальный флирт, уже велась речь выше. Однако следует остановиться на вербальном флирте, лишь вскользь затронутым в предыдущем параграфе. Уже не раз упоминавшаяся эвфимистичность дворянского дискурса сексуальности, очевидно, в полной мере находит своё отражение именно в данной практике. Важно отметить и тот факт, что вербальный флирт, отличаясь импровизацией и иносказательностью, требовал от женщины известной проницательности и остроумия⁶²⁰, способствуя отмеченной ранее положительной динамике представлений о роли женского ума в нормативной характеристике женской личности.

Особенно далеко вольности вербального флирта простирались на маскараде. Если в XVIII в. маскарад воспринимался лишь как своеобразная разновидность бала и на таких «“маскированных балах” церемониал выполнялся весьма строго»⁶²¹, в XIX в. ситуация существенно меняется, с точки зрения этикета, в том числе и специфического этикета флирта, маскарад, не столько схож, сколько противопоставлен балу: наследуя средневековой европейской традиции, даже сама обстановка маскарада резко противоречит балу и другим официальным светским мероприятиям, где социальное положение, внешние

⁶¹⁹ Захарова О.Ю. Русский бал. XVIII – начала XX века. Танцы, костюмы, символика. М., 2010. С. 9

⁶²⁰ См.: Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 118-119; 126-127; Головина В.Н. Указ. соч.; Лермонтов М.Ю. Княгиня Лиговская... С. 509, 511 и др.

⁶²¹ Захарова О.Ю. Русский бал. XVIII – начала XX века. Танцы, костюмы, символика. М., 2010.

характеристики, возраст и пол определяли место каждого члена, где «придворный этикет строжайшим образом регламентировал дворцовую жизнь» и «заранее было установлено... как проходят высочайшие выходы, церемонии аудиенций, балов, обедов»⁶²².

Маскарады конца XVIII – первой половины XIX в. характеризуются большой свободой нравов по целому ряду причин. Во-первых, в отличие от сугубо дворянского досуга, маскарады, зачастую, были доступны и для представителей других сословий, если те имели, однако, возможность заказать соответствующий костюм⁶²³. Во-вторых, костюм и маска, позволявшие участникам оставаться неузнанными (по мнению Р.М. Кирсановой, непривычного костюма и полумаски в XIX в. было действительно достаточно, чтобы остаться неузнанным, так как «психология восприятия... основывалась на иных признаках индивидуальности. Для нас это черты лица, знакомый силуэт или походка», тогда же «переодетого человека действительно могли не узнать; если его костюм менял социальный статус – его просто не замечали»⁶²⁴), а также и смена голоса, к которой прибегали женщины⁶²⁵, открывали большую свободу слов и поступков. Наконец, в-третьих, существовал даже целый особый этикет маскарада, требовавший обращения на «ты» между всеми участниками⁶²⁶ и даже предполагавший своеобразную защиту инкогнито⁶²⁷.

⁶²² Захарова О.Ю. Русский бал... С. 7.

⁶²³ Там же.

⁶²⁴ Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/1216671/> (дата обращения: 08.04.2015).

⁶²⁵ Неверин. Маскарад // Библиотека для чтения. 1839. Т. XXXIII, отд. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=fN1fqVFme2w=&tabid=10358> (дата обращения: 01.06.2015)).

⁶²⁶ Лермонтов М.Ю. Лермонтов М.Ю. Маскарад // Сочинения... Т. 2. Драммы и проза. С. 282–390; Соллогуб В.А. Большой свет... С. 196–198.

⁶²⁷ «– Позволь мне проводить тебя до кареты. – О, нет! Это противно законам маскарада...» (Неверин. Маскарад // Библиотека для чтения. 1839. Т. XXXIII, отд. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=fN1fqVFme2w=&tabid=10358> (дата обращения: 01.06.2015)).

Ввиду вышесказанного маскарад, освобождая женщину от привычной социальной роли, хотя бы на несколько часов открывал ей большие возможности для проявления искренних, необузданных и неподверженных обычной нормализации чувств и эмоций («Вольность, которою пользуются маски, придает много цены этим удовольствиям»⁶²⁸; «и если маскою черты утаены, // То маску с чувств снимают смело»⁶²⁹). На маскарадах предполагались и стол, и танцы, но, как правило, они мало кого занимали: недолгие часы свободы и раскрепощения в полной мере тратились на общение, интриги, шутки, заиргывания – одним словом, такие формы поведения, которые были невозможны за пределами маскарадного пространства⁶³⁰.

Характерно, что именно женщины становятся главными действующими лицами маскарадов: в то время, как мужчины зачастую являлись на маскарад и вовсе без маски, женщины всегда «маскируются»: «тайна маскарадов – тайна женская. Для женщин маскарад великое дело»⁶³¹. Вследствие этого женщина и чувствует себя на маскараде значительно более свободной: «маскарад, как известно, свет наизнанку. Мужчины скромничают и порой даже краснеют. Женщины бегают за мужчинами, шепчут им любовные признания, назначают свидания, упрекают в ветрености»⁶³².

Как видим, дама могла проявлять полную свободу чувств, в том числе, будучи неузнанной под маской, она имела возможность сделать и признание не только в любви, но и в страсти, в сексуальном влечении – как шуточное, так и искреннее: «Он не узнал меня... да и какой судьбою // Подозревать, что женщина, которой свет // Дивится с завистью, в пылу самозабвенья // К нему на шею кинется, моля // Дать ей два сладкие мгновенья, // Не требуя любви — но только

⁶²⁸ Вульф А.Н. Указ. соч.

⁶²⁹ Лермонтов М.Ю. Маскарад... С. 284.

⁶³⁰ Маскарады Энгельгардта // Квартальный надзиратель <http://kn.sobaka.ru/n37/07.html>

⁶³¹ Соллогуб В.А. Большой свет... С.195.

⁶³² Неверин. Указ. соч.

сожаленья, // И дерзко скажет – я твоя!.. // Он этой тайны вечно не узнает...»⁶³³. У мужчины же, в свою очередь, в такой ситуации возникает желание продолжить знакомство с такой дамой или же разоблачить знакомую: «– Твоё имя! Прошу тебя, скажи, кто ты! – Угадай! – Не смею. Но ты так мила, так снисходительна, что верю не откажешь мне в счастье увидеть тебя без маски. – Изволь. – Место! – Михайловский театр. – День? – Будущая среда. – Знак? – Во время антракта я уроню в партер афишку. – А я могу ли тебе её вручить? – Если ты меня узнаешь, почему же нет!..»⁶³⁴ – в данном повествовании маска, преследуя определённую цель, выдаёт себя за другую, в абсолютном же большинстве случаев, разумеется, такое согласие для благородной женщины было немислимо.

Даже столь незначительный аксессуар, как лента с руки незнакомки⁶³⁵, полученный на маскараде от тайной поклонницы, считался фактически любовной «победой» мужчины⁶³⁶, тем более – такая заметная деталь туалета, как браслет Нины, фигурирующий в «Маскараде» М.Ю. Лермонтова. Не только подаренный, но и потерянный случайно элемент гардероба или аксессуар грозил необратимыми последствиями для чести женщины. Следует сказать, что даже не делавшая на маскараде никаких откровенных признаний светская дама, будучи узнанной, считает своим долгом опровергнуть справедливую догадку: «– Вы любите маскарады?.. – спросил он тихо. – Я? – сказала графиня, взглянув на него с простодушием ребёнка. – Вообразите, что я не знаю, что такое маскарад. Я боюсь масок и сама, как меня не уговаривали, никогда не могла решиться надеть маску <...> Леонин изумился»⁶³⁷.

Так или иначе, большинство женщин, посещая маскарад, преследовало какую-либо цель – иерархию этих «целей» приводит В.А. Соллогуб: «много здесь женщин и первого сословия, и второстепенных сословий, и таких, которые ни к

⁶³³ Лермонтов М.Ю. Маскарад // Сочинения... Т. 2. Драммы и проза. С. 286–287.

⁶³⁴ Неверин. Указ. соч.

⁶³⁵ Там же.

⁶³⁶ Там же.

⁶³⁷ Соллогуб В.А. Большой свет... С. 224–225.

какому сословию не принадлежат. Иные здесь вовсе без цели – это самые несносные... Другие здесь с каким-нибудь любовным замыслом: та – чтоб побесить мужа, та – чтоб изобличить предательного капуцина или отомстить вероломной летучей мыши... Они здесь ищут только тех, кого им надобно... Наконец, есть малое число таких, которые вертятся здесь из одних только честолюбивых видов»⁶³⁸. К последним относится незнакомка из повести Неверина «Маскарад», которая, выдав себя на маскараде за княгиню, якобы ответившую взаимностью, высокопоставленному чиновнику, смогла «выхлопотать» место для своего мужа⁶³⁹ – следует представить, какие последствия это могло иметь для «настоящей» княгини, если бы данная история получила распространение в свете.

Ввиду вышесказанного, закономерно, что со временем маскарады приобретают сомнительную репутацию, тем более, что помимо благородных дам, там можно было встретить и таких, которые «ни к какому сословию не принадлежат»: «Вот, например, взгляните там – // Как выступает благородно // Высокая турчанка... как полна, // Как дышит грудь её и страстно и свободно! // Вы знаете ли, кто она? // Быть может, гордая графиня иль княжна, // Диана в обществе... Венера в маскераде, // И также может быть, что эта же краса // К вам завтра вечером придет на полчаса»⁶⁴⁰. Подобное сосуществование в пространстве маскарада, помимо того, что оно само по себе негативно сказывалось на чести благородных женщин, также могло стать причиной двусмысленностей и недоразумений, что заставляло дворянскую женщину с большой настороженностью относиться к маскараду как способу проявления собственной сексуальности и как форме общественного досуга, в целом.

Разумеется, имея такую специфику, маскарады были доступны лишь для замужних дам и, очевидно, вопреки расхожему мнению, чаще они отправлялись туда вместе со своими мужьями («раз как-то папенька, желая повеселить свою

⁶³⁸ Соллогуб В.А. Большой свет... С.195–196.

⁶³⁹ Неверин. Указ. соч.

⁶⁴⁰ Лермонтов М.Ю. Маскарад... С. 295.

молодую супругу, придумал сделать себе и ей... костюмы двух фарфоровых саксонских кукол <...> Папенька с маменькой... нарядились в них и поехали на маскарад»⁶⁴¹), что не мешало им, впрочем, весело проводить там время порознь. Ситуация же, когда дама посещает маскарад не только самостоятельно, но и в тайне от мужа, как это описано в «Маскараде» М.Ю. Лермонтова, хоть и вполне могла иметь место (современники связывали неоднократные цензурные запреты драмы с тем, что в её основе лежат реальные события⁶⁴²), но требовала немалых усилий, чтобы сохранить тайну, и была сопряжена с известным риском, поэтому Р.М. Кирсанова склонна характеризовать Нину Арбенину ни как жертву трагического стечения обстоятельств, а как особу, склонную к риску и авантюризму⁶⁴³.

Помимо рассмотренных выше практик, относящихся преимущественно к вербальному флирту, и потому лишь особенностями дискурса и соотношением вербальной составляющей с тактильной отличающихся от аналогичных современных форм флирта, следует остановиться на таких специфических разновидностях невербального флирта, которые характеризуют исключительно куртуазное дворянское общество.

Одной из наиболее распространённых практик невербального флирта следует признать язык цветов. В рассматриваемый период цветы широко использовались знатными женщинами при декорировании платьев⁶⁴⁴ и причёсок⁶⁴⁵, а высокий уровень семиотичности, характеризующий дворянское общество, способствовал наделению особым смыслом «надевания» женщиной тех или иных цветов. Таким образом, по наряду и причёске дамы, зная смыслы данных знаков, можно было прочесть некое послание или скрытое чувство,

⁶⁴¹ Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 91.

⁶⁴² Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика...

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ «Эта молодая дама была одета в голубое платье, и по бокам приколоты маленькими букетами мелкие *roses poudrées* (красные розы (фр.))» (Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 88).

⁶⁴⁵ «У вас, может быть, платье не готово к завтрашнему балу или, чего боже сохрани, вы, может быть, ещё не знаете, какие цветы надеть на голову?» (Соллогуб В.А. Большой свет... С. 234).

которое она хотела таким образом «высказать», а преподнесённые или посылаемые букеты и вовсе «являли собой, по сути дела, письмо»⁶⁴⁶. Однако, существовало огромное количество вариантов трактовки значений различных цветов. Одни из них восходили к христианской символике (например, белая роза – символ невинности), другие были почерпнуты из античной мифологии и западноевропейской культуры («разновидность фиалок – “веселые (или анютины) глазки” – символизировали размышление, созерцание. Распространение такого значения связано, скорее всего, с французским названием цветка – *pensée* (мысль)»⁶⁴⁷).

В такой ситуации возникала путаница, зачастую значения одних и тех же растений даже противоречили друг другу. Тем более, трудно было запомнить значение каждого из многочисленных цветов. В дамском модном журнале «Аглая» иронично приводили следующий пример использования данного языка: «Ежели имеешь бальзамин, розовый лавр, мимозу, голубую сиренгу, персиковый цвет и скабиозу, если нет у тебя можжевельника, колокольчиков и желтого нарцисса, то будешь иметь розу, желтофиоли. Вот смысл: ежели имеешь добродетель, приятность, чувствительность, постоянство, скромность; если нет у тебя пороков, нетерпеливости, вождлений, то будешь иметь другом женщину нежную и верную»⁶⁴⁸. В результате, вскоре смыслы стали присваиваться цветам на основе совершенно иных соображений. Так, роман А. Дюма-сына «Дама с камелиями», сделавший невероятно популярными в российском дворянском обществе данные цветы⁶⁴⁹, также и прочно увязал их с дамами полусвета, которых иносказательно также называли «камелиями».

Но особенно охотно наделяют собственными смыслами те или иные цветы, а именами цветов – то, что необходимо «зашифровать», именно девушки и

⁶⁴⁶ Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика...

⁶⁴⁷ Там же.

⁶⁴⁸ «Аглая», ч. 3, кн. 2. Цит. по: Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика...

⁶⁴⁹ «Зоя была одета в белом платье с пунцовою камелией в волосах – подарок экс-прокурорши, у которой была бездна вкуса» (Жукова М.С. Указ. соч.)

женщины. Так, имея, безусловно, в собственном арсенале немалые познания о символике растений А.П. Керн присваивает имя «Шиповник» своему возлюбленному, о котором размышляет и мечтает, будучи уже замужем, в своих письмах-дневнике⁶⁵⁰.

Также возможно было придание определённой символики цветку и вовсе без обращения к каким-либо общепринятым значениям, а исключительно в соответствии с субъективными переживаниями или воспоминаниями: «особенностью наряда молодой девушки, постоянно, всегда одетой в белое, была воткнутая за пояс ветка фуксии, той пунцовой фуксии, которой яркие цветки так грациозно склоняются на мелких стеблях своих... Эти ветки обыкновенно оставались по два, по три дня за поясом девушки, пока, свертываясь, не засыхали совершенно на груди её. Тогда девушка становилась задумчивою, печальнее обыкновенного, сидела по целым часам, вертя в руках засохшую ветку». Такое поведение, как и предпочтение, всегда отдаваемое одному цветку, связаны с воспоминаниями о возлюбленном, с которым девушка познакомилась возле «деревца фуксии»⁶⁵¹. В данном случае цветок не несёт в себе иной смысловой нагрузки, кроме той, что девушка сама в него вкладывает: что она верна своему возлюбленному, однако, в ситуации, когда его нет рядом с ней, этот смысл ускользает ото всех остальных и доступен лишь ей самой.

Не менее распространённым невербальным языком был язык веера, который Р.М. Кирсанова называет «интимным шифром влюбленных», однако, в ситуации, когда его значения⁶⁵² были всем известны (причём, не только

⁶⁵⁰ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Дневник для отдохновения...

⁶⁵¹ Жукова М.С. Указ. соч.

⁶⁵² «Чтобы выразить согласие да – следует приложить веер левой рукой к правой щеке. Нет – приложить открытый веер правой рукой к левой щеке. Ты мой идеал – дотронуться открытым веером до губ и сердца. Я тебя люблю – правой рукой указать на сердце закрытым веером. Я вас не люблю – сделать закрытым веером движение в сторону. Я к вам не чувствую приязни – открыть и закрыть веер. Мои мысли всегда с тобою – наполовину открыть веер и провести им несколько раз по лбу <...> Будьте осторожны, за нами следят – открытым веером дотронуться до левого уха. Мои слова не должны быть переданы другим – правой рукой держать открытый

женщинам, но и мужчинам), он не мог долго оставаться тайным и интимным, и, на наш взгляд, использовался в большей степени для усиления эффекта, производимого вербальным или иным флиртом, для привлечения взглядов быстрым помахиванием, расстановкой акцентов при жестикуляции, а также для кокетливого выражения задумчивости, загадочности или, наоборот, игривости.

Не являясь по сути дела тайными языками и, зачастую, будучи наполненными субъективными смыслами, невербальные языки веера и цветов являлись, тем не менее, важными элементами флирта – усиливая сказанное, подчёркивая существенное и даже намекая на невысказанное.

Ещё одним аксессуаром, не использовавшимся непосредственно с целью флирта, но активно участвующим в нём, следует признать карне (от франц. carnet de bal – бальный блокнот) – род дамской записной книжечки, изящной и зачастую богато декорированной, которая использовалась для записи танцев, а, точнее сказать, – кавалеров, пригласивших даму на тот или иной танец⁶⁵³. Карне состояли из пластин слоновой кости, на которых и делались соответствующие записи, легко при необходимости стираемые и наносимые повторно⁶⁵⁴. Разумеется, у склонных к кокетству и флирту особ кашне были особенно плотно заполнены записями – этим объясняется выражение «записные кокетки», использованное А.С. Пушкиным при описании бала в романе «Евгений Онегин».

Впрочем, аксессуары флирта могли быть и не столь универсальны: не только веер, но и одно пёрышко из него, подаренное дамой поклоннику, в контексте российской дворянской культуры приобретает особое значение: «Я взял

веер и прикрыть им левую руку <...> Выскажись яснее – наклонить голову, рассматривать открытый веер <...> Я жду ответа – ударить веером по ладони. Я буду исполнять твои желания – открыть веер правой рукой и вновь закрыть <...> Прости меня – сложить руки под открытым веером. Нас подслушивают, молчи – дотронуться закрытым веером до губ. Я хочу с тобой танцевать – открытым веером махнуть несколько раз к себе, то есть поманить. Я сделалась недоверчива – барабанить закрытым веером по ладони левой руки» (Комильфо А. Цит. по: Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика...)

⁶⁵³ С блокнотом на бал: история карне // Ярмарка мастеров. Журнал <http://www.livemaster.ru/topic/360371-s-bloknotom-na-bal-istoriya-karne>

⁶⁵⁴ Там же.

перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал перышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё»⁶⁵⁵. Как видим, речь здесь идёт об особом способе выделить мужчину среди остальных, «отличить», поощрить его. Судя по всему, такая практика, восходящая к западноевропейской куртуазной традиции, имеет сугубо символическое значение: такие «подарки», представляющие собой материальные знаки расположения женщины, будучи зачастую сугубо номинальными, ценны либо как «сувенир», некая вещественная память о возлюбленной: «ниточка или цветок иногда очень дороги»⁶⁵⁶, либо уже как своеобразное подтверждение расположения дамы, которое, в ситуации подобной практики именно среди замужних женщин, могло в случае огласки или демонстрации «подарка» третьим лицам «погубить» её «честь»⁶⁵⁷. Следовательно, такое «поощрение» было важным и ответственным шагом со стороны дамы: отличая среди всех светских мужчин одного, она тем самым даёт ему понять, что он может надеяться на большее в их взаимоотношениях. Разумеется, этот своеобразный ритуал никоим образом не афишировался, напротив, решиться на него было для дворянской женщины риском, ведь, если такое отличие становилось известным, репутация женщины сильно страдала. Причём, порицается не столько сам факт, сколько неумение соблюсти тайну. Это очень важно: нормативные практики сексуальности требуют строгого соблюдения приличий: хорошо завуалированный с формальной точки зрения, но известный всем адюльтер вызывает меньший резонанс, нежели

⁶⁵⁵ Толстой Л.Н. После бала...

⁶⁵⁶ Жукова М.С. Указ. соч.

⁶⁵⁷ «Как водится на братских сборищах молодёжи, разговор обратился на женщин... каждый стал исповедовать громко и подробно свои удачи прошлой недели и наджды для следующей <...> Я вспомнил платок, вспомнил перчатку – и они мигмополетели на стол. “Вот вам и ответ и рассказ мой. Смотрите!” <...> Дольский вырвал платок у соседа... быстро отыскал метку, и всё лицо его взволновалось» (Ростопчина Е.П. Указ. соч. С.174)

неподконтрольные, искренние чувства и отношения мужчины и женщины, выходящие за рамки светских условностей.

Следует сказать, что не у всех женщин даже в «большом свете» были равные возможности для осуществления соответствующих практик. В частности, привлекательная внешность женщины играла в её восприятии очень важную роль и оказывала влияние на многие сферы её жизни: «красота наружная придаёт ей ценность в глазах света»⁶⁵⁸. В частности, внешняя привлекательность могла существенно поспособствовать «удачному» замужеству дворянки, причём, стоящий выше по статусу муж как мог просто «плениться» привлекательностью небогатой девушки, так и преследовать при этом далеко идущие цели, так, граф Воротынский, делая предложение, надеется «использовать» красавицу-жену для приобретения «положения в свете»⁶⁵⁹, как следствие – и в карьере.

Как видим, практики флирта вновь оказываются тесно связанными с «тщеславием», расчётом. Однако, напомним, что браки по любви, в данный период всё ещё оставались редкостью, в результате же такого брачного союза обе стороны оказывались в выигрыше: мужчина, используя «могущество прекрасной женщины»⁶⁶⁰ как её супруг получал желаемое покровительство и участие «нужных» людей, женщина же получала доступ в высшее общество и свободу, которой не имела в девичестве, ведь положение замужней женщины, особенно, в высшем свете, давало достаточно большое количество преимуществ в плане проявления ею собственной сексуальности «Они хоть мужей-то и не очень любят, да дело в том, что по мужьям и им почесть»⁶⁶¹.

Так, обладающая незаурядными внешними данными и введённая мужем в «знатный круг», для поддержания своей репутации «кумира» и «признанной царицы прекрасных»⁶⁶² светская женщина уже не только имеет право, но и

⁶⁵⁸ Соллогуб В.А. Большой свет... С.199.

⁶⁵⁹ Там же. С. 230.

⁶⁶⁰ Там же. С.230.

⁶⁶¹ Там же. С.196.

⁶⁶² Ростопчина Е.П. Указ. соч. С. 157.

вынуждена практиковать многочисленные техники флирта, чтобы, единожды став «модной» (то есть «востребованной» обществом), продолжать оставаться «окружённой, обожаемой, превознесённой»⁶⁶³.

Так, многочисленные поклонники, зачастую, и видели в ней лишь «модную женщину», «в чьей короткости можно быть замеченным»⁶⁶⁴. В итоге она оказывается вовлечённой в узел социальных взаимоотношений, построенных на флирте, однако, имеющих мало общего с истинными привязанностью и влечением, и вынуждена с горечью признать: «меня многие хотят любить... У всех есть... свои расчёты... один адъютант меня любит, потому что он чрез меня надеется выйти в люди... любит меня один дипломат, потому что это ему даёт особое значение в обществе»⁶⁶⁵. Как видим, о том, что флирт замужней женщины, не нуждающейся уже в демонстрации искусственно сконструированных чувств, всегда был для неё средством выражения чувственности, сексуальности, говорить не приходится.

Как видим, светские дамы обладали собственными, сугубо дворянскими формами сексуального поведения, имеющими существенную специфику. Некоторые из них, такие как маскарад, действительно, давали женщине большую свободу сексуального поведения, однако, именно ввиду этого они несли на себе печать некой маргинальности, в связи с чем, несмотря на их «легитимность», причастность к ним могла сказаться на репутации.

В то же время, источники показывают, что даже для замужней дамы, для которой флирт уже не служит цели удачного замужества, он не всегда оказывается увязан с её сексуальным влечением, склонностью к тому или иному мужчине, а выполняет для неё роль своеобразного рычага давления, средства манипуляции и достижения тех или иных целей в светском обществе.

⁶⁶³ Ростопчина Е.П. Указ. соч.

⁶⁶⁴ Там же. С. 157.

⁶⁶⁵ Соллогуб В.А. Большой свет... С. 199.

Ввиду массы запретов и ограничений в сфере сексуальности, носящих гендерный характер, женщины-дворянки, вращающиеся в свете, прибегают к совершенно специфическим формам сексуального поведения, увязанным со светскими правилами этикета и с характерными для российского дворянского общества особенностями взаимоотношения полов. Так, навык конструирования собственной внешней привлекательности, присущей каждой дворянской женщине сосуществует у неё с сексуальной непросвещённостью, а внешняя привлекательность оказывается важной для девушки по преимуществу в контексте возможности иметь успех у мужчин, причём не столько из соображений сексуального характера, сколько в контексте матримониальных устремлений.

Определённо, можно говорить о существенном отличии роли, которую играет сексуальное поведение, и, в частности, флирт, в жизни российской дворянки в зависимости от её возраста: если для девушек-подростков практик легитимного сексуального поведения не предусматривалось вовсе, для девушки, выходящей в свет, многие из них уже становятся формально доступны, однако продолжающий довлеть над ней контроль со стороны авторитарной семьи, блокирует значительную часть появлений её чувственности, направляя сексуальное поведение в русло брака и рассматривая флирт лишь в этом контексте.

В связи с этим, существенно меняется положение дворянки после замужества: если она продолжает бывать в свете, брак, как правило, не только не становится помехой, но и открывает новые возможности для флирта, теперь уже отделённого от матримониальных устремлений. Однако, по-прежнему, флирт российской дворянки далеко не всегда основывается на личной симпатии и склонности, преследуя совершенно иные цели, такие, как достижение большей власти и влияния в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление мужских и женских эгодокументальных и литературных текстов демонстрирует существенную гендерную специфику женского и мужского дискурсов сексуальности: если мужчины с конца XVIII в., повинуясь модным тенденциям сентиментализма, начали активно включать сферу чувств, эмоций и интимных переживаний в свои повседневные речевые практики, то женщины-дворянки, только получившие возможность саморепрезентации посредством письма, создавали значительно более сдержанные и формализованные тексты. Безусловно, это было связано с двойными стандартами общества, предъявлявшего разные требования к сексуальному поведению мужчины и женщины, что и нашло отражение в нарративах.

Специфика изучения сексуальности российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. заключается в практически полном отсутствии соответствующего дискурса, в особенности, в женских текстах, ведь общепринятые в дворянском обществе речевые практики фактически полностью исключали «сексуальный» контекст. Однако «прорывы» сексуальности в речь всё же были возможны, о чём свидетельствует, в первую очередь, специфический пласт мужских «нелегитимных» текстов, как литературных, так и личного происхождения, демонстрирующих откровенный, экспрессивный и чувственный, однако сугубо мужской, «внутренний» дискурс сексуальности.

Он обладал соответствующей лексикой, которая зачастую могла быть обценной, и толерантным отношением к проявлениям собственной, мужской (в том числе и гомозротической) сексуальности. Женщины же из участия в производстве и даже «потреблении» таких речевых практик были исключены посредством строгих запретов, осуществляемых через комплекс морально-этических установок и цензуру. Подобные тексты в рассматриваемый период не публиковались, да и не предназначались для печати, но сам факт их наличия позволяет судить об истинном уровне сексуальной культуры российского

дворянства, который был не таким низким, как это может показаться при изучении иных, «легитимных» текстов, созданных в рамках действовавших в дворянском обществе табу.

Однако, обращаясь к изучению норм и практик сексуального поведения, тем более женского, анализировать исключительно «озорные», фривольные мужские сочинения значило бы существенно обеднить и упростить российскую дворянскую культуру, являющую собой сложную систему организации сексуального поведения индивидов. Поэтому в данном историко-антропологическом исследовании последовательно решалась задача изучения не только конкретных сексуальных опытов людей мужского пола, но (скорее) исследование тех табу и механизмов, которые, диктуя обществу представления о норме и девиациях, формировали мировоззрение, определяющее мотивацию поведения индивидов. Решая множественные задачи исторической реконструкции, мы старались привлечь возможно более широкий круг автодокументальных и литературных источников, как женского, так и мужского авторства и, в конечно счете, проанализировали не только то, что было в них зафиксировано, но и то, что в них отсутствовало (было умышленно опущено, но подразумевалось), выявляя тем самым трудно уловимый дискурс сексуальности.

В итоге трудно было не прийти к выводу о том, что в рассматриваемое время существовало, по сути, два основных направления, в которых развивалась система речевых практик о сексе в среде дворянского сословия. Одно из них, упомянутое выше, откровенное и экспрессивное, демонстрировало достаточно большую свободу сексуального поведения, но было «закрытым» для женщин с помощью своеобразной «гендерной цензуры» (в наиболее невыгодном положении оказывались девушки-дворянки, находившиеся под неусыпный контролем старших; не имеющие ни возможности свободного общения с противоположным полом, ни доступа к сколько-нибудь значимой информации о сексуальности). Второе же направление, «открытое» женщине, но зачастую не как субъекту, а лишь как объекту мужского внимания, удовольствия, пассионарности,

оказывалось более «легитимным», всеобщим, но сильно формализованным, сдержанным и эвфемистическим.

В условиях фактической исключённости российской дворянки из числа «говорящих субъектов», участвующих в воспроизводстве дискурса сексуальности, комплекс женских речевых практик о сексе был замещён иным, выражавшим симпатии и влечения дворянок исключительно в категориях романтического любовного чувства. Будучи при этом в большинстве случаев формализованным и выражающим не живые индивидуальные эмоции, а отражение норм (каким оно 'должно быть'), любовное чувство в проанализированных эгодокументальных текстах предстало некоей сознательно или искусственно сконструированной категорией, увязанной исключительно с личностью «законного» объекта любовных страстей – вначале жениха, затем мужа. Несогласие девушек следовать подобной нормативности, любить не тех, кого «предписано», могло быть воспринято обществом как угроза существующему матримониальному порядку и повлечь за собой жёсткие социальные санкции. На основании подобного анализа автобиографических нарративов нами сделан вывод о том, что описания любовного чувства, которые могли бы носить индивидуальный характер, встречались в российской женской автодокументальной традиции рассматриваемого времени крайне редко. Они представляли собой скорее исключение, нежели правило. В мужских же текстах того же самого периода не только сами их авторы, но и дворянки могут представлять (рисоваться) значительно более сексуально-раскрепощёнными, нежели в женских сочинениях.

В своих текстах российские образованные дворянки по возможности избегали вопросов «непристойного» характера. Если они все же затрагивали их, то демонстрировали самоограничение и отрицание собственной телесности и потребности в сексуальной жизни.

Важно отметить, что и демонстрируемое отсутствие чувственности, и сексуальная непросвещённость самими дворянками – даже много лет спустя –

осмысляются чаще всего в позитивном русле, очевидно, что ими подобная модель поведения воспринимается не только как предпочтительная, но как единственно возможная.

Система морально-этических представлений российской благородной женщины, формируемая в процессе воспитания, оказалась достаточно унифицированной в различных слоях дворянства и независимо от агентов социализации (которыми для девочки оставались лишь особы женского пола: мать, няня, гувернантка, классная дама в институте и т.д.). Дворянское воспитание основывалось на гендерном разделении: если мальчик с детства готовился на роль будущего общественно-политического, культурного или военного деятеля, то девочка воспитывалась как будущая жена и мать. Воспитательная и образовательная гендерная сегрегация и сопровождающие её различия в целях и методах социализации детей разного пола задавали общий тон поляризации «мужского» и «женского» с целью сохранения принудительной гетеросексуальности в обществе, неизменно заинтересованном в воспроизводстве своих членов.

Общество через женскую воспитательную систему осуществляло «производство» такого «продукта», в коем было заинтересовано, иначе говоря, воспитывало женщин в соответствии с системой конкретных социальных ожиданий. Как институт, так и семья развивали в девочке именно те качества, которые были востребованы, ведь родители (или те, кто их заменял) были заинтересованы, в первую очередь, в удачном замужестве своего чада. Успешность замужества была значимым критерием состоятельности женской личности – не столько для неё самой, сколько для её семьи. Важно отметить, что в рассматриваемый период в данный процесс включилось государство, внося некоторую упорядоченность в формирование специфической социальной категории «востребованных» невест.

Парадоксально, что при подобной матримониальной и репродуктивной направленности всей системы женского воспитания сознательно подавлялся его

сексуальный аспект. Изученная нами система воспитания предоставляла женщине приобретать сексуальный опыт, не владея какой бы то ни было информацией о телесности, поле и сексуальных отношениях, при отсутствии соответствующего дискурса – исключительно опытным путём и было допустимо лишь в контексте брака. Несформированность «женского» дискурса сексуальности блокировала возможность какого-либо обмена опытом и стагнировала ситуацию отсутствия сексуального воспитания.

Отдельно следует сказать о существовании нормы, вменявшей дворянке в обязанность «любить избранника» при отсутствии реального права выбора. Брак, будучи центральной категорией в системе жизненных устремлений дворянок, оставался сферой, в которой они – за неимением альтернативы – должны были себя реализовывать. Важность замужества как переломного события женской жизни трудно переоценить. Следовательно, представления о любви к мужу как о прямой обязанности и даже как о такой категории, которую возможно сознательно и искусственно сконструировать, внедрялись в сознание девочек и девушек буквально с их рождения. Они превращались в важную часть их мировоззрения, и такие взгляды сглаживали возможные конфликты между малознакомыми, в сущности, супругами, внося подчас комфорт и стабильность в семейную жизнь. Не стоит лишь забывать, что эта стабильность завоевывалась путем подавления женской воли и женских интересов.

В отношении девушек в дворянской среде существовала достаточно жёсткая и безальтернативная система социальных ожиданий, формировавшая у них самих представления о том, каким должен быть их моральный облик и нормативная модель поведения. Базировалась она на двух источниках нормативности, опирающихся, соответственно, на два основополагающих пласта российской дворянской культуры – христианскую мораль и дворянский этико-этикетный неписаный (для девушек) кодекс чести. Домашнее дворянское воспитание, имевшее установку на некий идеал, с самых ранних лет формировала у юных особ определённую – в зависимости от половой принадлежности – систему

представлений о принятых нормах поведения с учетом устойчивой, нелабильной гендерной роли в рамках традиционного общества. Иными словами, общественная мораль в России XVIII - начала XIX в. являла собой один из дискурсов власти, призванных контролировать социум, а в особенности – депривированных его членов, какими в российском обществе выступали казалось бы мало, в чем ущемленные (по сравнению с податными сословиями) дворянки.

Путём сопоставления и анализа наиболее часто употребляемых в женской автодокументалистике характеристик нами воссоздана в данном исследовании некая нормативная модель женской личности, некий облик «идеальной» дворянки, которую лепило, конструировала образованное российское общество конца XVIII – первой половины XIX в. Важно подчеркнуть, что этот идеал был приемлем самими дворянками, хотя и не отвечал их чаяниям, но они и права не имели об этом задуматься. Набор основополагающих прививаемых девочке качеств был теснейшим образом связан с представлениями о христианских добродетелях. В рамках дворянской традиционности дети обоего пола воспитывались с позиций православия; но для мужчин тема нравственного соответствия не внушалась как определяющая все их взрослое поведение, оставляя значительное место иной, светской системе ценностей, вступавшей иногда даже в противоречие с христианской моралью. В то же самое время девочке в дворянской семье прививались такие качества, как «терпение», «покорность», «смирение», «кротость», «доброта», «послушание». Такое воспитание способствовало формированию *удобной* женской личности, склонной к конформизму. Очевидно, можно говорить о неких «корректировках» женской личности, осуществлявшихся посредством данного нормативного канона, целью которых также было укрепление супружеских отношений и, соответственно, семьи. Важно отметить, что знатная женщина смотрела на себя как бы чужими глазами, так как привыкала с юности быть воспринимаемой (осознавая или не осознавая это) объектом мужского внимания. В связи с этим девушка всегда

оценивала и свои личностные качества, и свою внешность и телесность в контексте чужих критериев и представлений.

Категория *честь* в рассматриваемый период имела сугубо гендерное наполнение: если для мужчины в основу этого понятия ложились его индивидуальные качества или заслуги, то применительно к женщине наиболее значимым считалось сохранение девственности до вступления в брак. В отличие от крестьянской традиции, дворянкам было свойственно не буквальное (физиологическое) понимание «невинности» ввиду эвфимистичности дворянской культуры в целом.

Жизненные циклы дворянок были строго регламентированы и в повседневной жизни они часто не могли самостоятельно принимать решения, касающиеся темы чести, а в случае ее потери не имели возможности самостоятельно реабилитироваться в глазах общественности: всю меру ответственности за её честь несла семья. На репутацию честной женщины могло повлиять не столько её поведение, сколько поведение мужчины в отношении неё, которое от самой женщины почти не зависело. Иными словами, женщина выступала не субъектом действия, а объектом мужских манипуляций, что не снимало с юной дворянки ответственности, зато заставляло ужесточать внутренние запреты и табу. Эту ответственность она несла не столько перед собой, сколько перед мужем и семьёй в целом, ведь, по большому счёту, право отстаивания женской «чести» принадлежало исключительно мужчинам, в контексте чего сама честь предстает в нынешнем понимании не самостоятельной ценностью, а достоянием семьи или рода.

Анализ разнообразных исторических источников доказал высказанную в начале работы гипотезу о том, что девушка-дворянка ввиду неусыпного контроля со стороны семьи и иных агентов воспитания была в рассматриваемое время настолько отчуждена от собственного тела, что зачастую не имела физической возможности нарушить запреты, связанные с категорией чести. А если вдруг и возникали условия для девиации, то внутренние моральные установки,

сформированные у девушек в процессе воспитания, как правило, не позволяли им действовать вразрез данным нормам. Серьезным фактором, блокирующим свободу сексуального поведения, был запрет самостоятельно отстаивать свою репутацию: семья отдавала девушку замуж, семья же считала своим долгом и обязанностью соблюдение девичьей «почестности».

В ситуации высокой семиотичности дворянской культуры мода имела значение знака, выполняя роль социального индикатора и обозначения сословного различия – даже внутри самого дворянства. При этом внешний вид женщины не только увязывается с её происхождением, не только рассматривался в качестве одной из этикетных норм, которой она обязана следовать, но и воспринимался как своеобразное «продолжение» её внутренних качеств. Этическая составляющая имела большое значение в рамках российской дворянской культуры.

Девушка-дворянка (ввиду неусыпного контроля со стороны семьи или иных агентов воспитания) оказывалась настолько отчуждена от собственного тела, что, как правило, не только не имела физической возможности нарушить запреты, связанные с категорией «чести», но и зачастую принимала номинальное участие в конструировании своей внешности, ведь конструировался её облик не столько исходя из её личных предпочтений, сколько в соответствии с тем, что считается сексуально привлекательным для мужчины (при том, что сама она этого не осознаёт). Конструирование внешности, будучи нацеленным на формирование или подчёркивание сексуальной привлекательности, приобретает для юной представительницы дворянства иные смыслы, выдержанные в русле её матримониальных устремлений. Дворянка воспринимает свою внешность через призму мужских предпочтений и притязаний. Ориентируясь на общепринятый нормативный канон, она следует ему не для осуществления своих личных устремлений, а для исполнения традиционного жизненного сценария, ведь для неё же – это лишь «средство» сделать «удачную партию».

Описанный контроль над сексуальным поведением благородной женщины ощутимо ослабевал после её вступления в брак. Если в подростковом возрасте практик дозволенного флирта для юной барышни не было предусмотрено, а для девушки, выводимой матерью в свет кое-что было формально доступно, то со вступлением в брак контроль со стороны авторитарной семьи, блокировавшей значительную часть проявлений её чувственности, становился куда менее заметным. Пассионарность вступившей в брак молодой женщин направлялась на ее законного мужа, флирт в его контексте был позволителен. Положение дворянки после замужества существенно менялось: она продолжала бывать в свете, светское общение открывало возможность флиртовать, и стремление быть отмеченной мужским вниманием оказывалось подчас отделённым от матримониальных устремлений, быть основанным на личной симпатии и влечении.

Последняя часть исследования как раз и представила особенности женского сексуального поведения в столичных кругах российского дворянского общества. Бывавшие в свете супружеские пары, в которых жена наравне с мужем была заметна и принимаема как личность, отличались подчас широким кругом знакомств. В отношении мужчин нормы поведения были нежесткими; но женщины и в обстановке великосветской беседы или танцевальных вечеров продолжали испытывать на себе гнёт запретов и ограничений, блокирования проявлений сексуальности – то есть неписанные правила имели очевидную гендерную маркированность. Девушки и женщины, вращавшиеся в «большом свете» были вынуждены выражать свою чувственность через специфические формы сексуального поведения, нормализованные в соответствии со светскими правилами этикета. Некоторые из них (например, маскарад) давали женщине действительно большую свободу сексуального самовыражения, однако, именно ввиду в силу этого они заведомо несли на себе печать маргинальности. Несмотря на их легитимность, причастность к ним могла сказаться на репутации. Литературные и автобиографические источники показали также, что для

замужней дамы, для которой флирт не служил цели удачного замужества, сексуальные практики уже далеко не всегда были увязаны с её сексуальным влечением, «склонностью», а зачастую выполняли роль своеобразного рычага давления, средства манипуляции и достижения тех или иных целей в светском обществе.

ИСТОЧНИКИ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Письменные источники

1. Аладьина Е.А. Воспоминания институтки. СПб: Тип. К. Вингебера, 1834. 95 с.
2. Баратынский Е.А. «Когда неопытен я был ...». [Электронный ресурс]. URL: [//http://rurpоеm.ru/baratynskij/all.aspx#kak-mnogo-ty](http://rurpоеm.ru/baratynskij/all.aspx#kak-mnogo-ty) (дата обращения: 14.05.2015).
3. Батюшков К.Н. «В Лаисе нравится улыбка на устах...» [Электронный ресурс]. URL: [//http://www.goldpoetry.ru/batushkov/index.php?p=101](http://www.goldpoetry.ru/batushkov/index.php?p=101) (дата обращения: 14.05.2015).
4. Батюшков К.Н. «“Куда, красавица?” – “За делом, не узнаешь!”» [Электронный ресурс]. URL: [//http://www.goldpoetry.ru/batushkov/index.php?p=109](http://www.goldpoetry.ru/batushkov/index.php?p=109) (дата обращения: 14.05.2015)
5. Белинский В. Письмо к В. Боткину от 4 апреля 1842 г. Цит. по: Огнёв А.В. Любовь, семья и судьба России. Тверь: Русская провинция. 2000. С. 11
6. Бецкий И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества конфирмованное Ея Императорским Величеством 1764 года марта 12 дня URL: [// http://www.bim-bad.ru](http://www.bim-bad.ru) (дата обращения: 29.05.2013).
7. Бибилова С.Н. Воспоминания о моём отце Никите Михайловиче Муравьеве // В потомках ваше имя оживет: Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986, С.62-65.
8. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0110.shtml (дата обращения: 04.04.2015).
9. Валишевский К. Предисловие // Головина В.Н. Мемуары [Электронный ресурс]. URL: [http:// http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html](http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html) (дата обращения: 17.04.2014).

10. Василий Великий, святитель. Происхождение человека. Беседа. [Электронный ресурс]. http://shestodnev.ortox.ru/users/79/1100779/editor_files/file/Беседы%20на%20Шестоднев.pdf (дата обращения: 02.12.2014).
11. Водовозова Е.Н. На заре жизни [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 09.05.2015)
12. Волконская М.Н. Записки [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wolkonskaja_m_n/text_zapiski.shtml (дата обращения: 22.08.2015)
13. Волконский С.Г. Записки // Из «Записок» князя Сергея Григорьевича Волконского (изданных в С.-Петербурге в 1902 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adjudant.ru/cavaler/26.htm> (дата обращения: 28.12.2014).
14. Вульф А.Н. Дневник. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/pushkin/vulf_dnevnik.html (дата обращения: 19.04.2014).
15. Вульф А.Н. Письмо к А.С. Пушкину, начало марта 1826 г. Малинники // Письма женщин к Пушкину /под. ред. Л. Гроссмана. Подольск, 1994. С. 57–59.
- Вульф А.Н. Письмо к А.С. Пушкину от начала марта 1826. Малинники // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва: АСТ, 2013. С. 41–42.
16. Вульф А.Н. Письмо к А.С. Пушкину от 20 апреля 1826. Малинники // Там же. С. 47.
17. Вульф А.Н. Письмо к А.С. Пушкину от начала марта 1826. Малинники // Там же. С. 45.
18. Вульф А.Н. Письмо к А.С. Пушкину от 20 апреля 1826. Малинники // Там же. С. 50.
19. Вульф А.Н. Письмо к А.С. Пушкину от 11 сентября 1826. Петербург // Письма женщин к Пушкину... С. 54
20. Вяземский П.А. К мнимой счастливце. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruspoeti.ru/aut/vyazemskij/4401/> (дата обращения: 11.11.2014)).
21. Вяземский П.А. Сравнение Петербурга с Москвой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/stih87.html> (дата обращения: 18.15.2015).

22. Ган Е.А. Идеал [Электронный ресурс]. URL: <http://fb2.booksgid.com/content/55/elena-gan-ideal/1.html> (дата обращения: 14.09.2015).
23. Головина В.Н. Мемуары [Электронный ресурс]. URL: <http://dugward.ru/library/xviiiivek/golovina.html> (дата обращения: 17.04.2014).
24. Грасиан-и-Моралес Б. Придворной человек. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1742. – 262 с.
25. Давыдов Д.В. Бурцову [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/LITRA/DAWYDOW/stihi.txt> (дата обращения: 14.05.2015)
26. Давыдов Д.В. Элегия VIII (О пощади!..) [Электронный ресурс]. URL: <http://rurpоеm.ru/davydov/o-poschadi-zachem.aspx> (дата обращения: 14.15.2015)
27. Давыдов Д.В. Решительный вечер [Электронный ресурс]. URL: http://сасса.ru/publ/d/davydov_denis/reshitelnyj_vecher/78-1-0-4453 (дата обращения: 14.15.2015).
28. Давыдов Н.В. Из прошлого // Московский летописец: Сборник. М., 1988. Вып. 1. С. 109. Цит по: Солодянкина О.Ю. Указ. соч.
29. Дашкова Е.Р. Записки // Российский мемуарий [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Dashkova/Dashkova.htm> (дата обращения: 14.05.2015).
30. Дельвиг С.М. Письмо к А.Н. Семёновой от 13 октября 1824 г.. Цит. по: Модзалевский Б.Л. Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С.М. Дельвиг // Пушкин и его современники. Избранные труды (1898-1928) / сост. и прим. А.Ю. Балакина. Санкт-Петербург: Искусство - СПб, 1999 С.227 – 339 С. 233 – 234
31. Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/derzhawin_g_r/text_0060-1.shtml (дата обращения: 14.04.2015).

32. Долгорукая Н.Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой [Электронный ресурс]. URL: http://imwerden.de/pdf/dolgorukaya_natalia_zapiski_1913.pdf (дата обращения: 17.12.2013).

33. Дмитриев И.И. Модная жена [Электронный ресурс]. URL: <http://i-dmitriev.ouc.ru/modnaya-zhena.html> (дата обращения: 21.12.2013)

34. Дубельт А.Н. Письма к мужу // Российский мемуарий. [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Dubelt/Dubelt.htm> (дата обращения: 8.10.2014)

35. Дурова Н.А. Кавалерист-девица. Происшествие в России [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/durova1/index.html> (дата обращения: 02.04.2014).

36. Жанлис М.Ф. Гортензия, или Жертва романов и путешествий. Цит. по: Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры. [Электронный ресурс]. URL: www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm. (дата обращения: 29.05.2015).

37. Жанлис М.Ф. Критический и систематический словарь придворного этикета. Цит. по: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 95.

38. Жукова М.С. Дача на Петергофской дороге [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml (дата обращения: 13.05.2015).

39. Загряжский М.П. Записки [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (дата обращения: 02.04.2015).

40. Каменская М.Ф. Воспоминания. М.: Художественная литература 1991. С. 91. 383 с.

41. Капнист-Скалон С.В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеев М.: Современник, 1990. С. 281-388.

42. Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний о моём детстве // Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 02.05.2015).
43. Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине // Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0020.shtml (дата обращения: 30.11.2014).
44. Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Дневник для отдохновения // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине потомков. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 14.11.2014).
45. Ковалевская С.В. Воспоминания детства [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaya_memoirs.htm (дата обращения: 17.12.2014)
46. Куприн А.И. Юнкера. М.: Азбука, 2012. 320 с.
47. Лабзина А.Е. Воспоминания // Российский мемуарий [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Labzina/Labzina.htm> (дата обращения: 17.05.2015).
48. Ле Нобль Э. Светская школа, или Отеческое наставление сыну об обхождении в свете. В 2 т. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1761 222 с.
49. Лермонтов М.Ю. Княгиня Лиговская // Сочинения в 2-х т. М.: Художественная литература, 1970. Т. 2. Драммы и проза. С. 506–572.
50. Лермонтов М.Ю. Маскарад // Сочинения... Т. 2. Драммы и проза. С. 282–390.
51. Лермонтов М.Ю. Сашка. [Электронный ресурс]. URL: http://mirknig.mobi/data/2013-06-09/1383723/Lermontov_Sashka.1383723.pdf (дата обращения: 30.11.2014).
52. Лермонтов М.Ю. Сказка для детей // Сочинения... Т. 1. Стихи и поэмы. С. 709–719.

53. Монкриф Ф. Опыт о надобности и средствах нравиться. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. 168 с.

54. Неверин. Маскарад // Библиотека для чтения. 1839. Т. XXXIII, отд. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=fN1fqVFme2w=&tabid=10358> (дата обращения: 01.06.2015).

55. Погорельский А. Лафертовская маковница // Русская романтическая новелла [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/neizvesten_avtor/russkaya_romanticheskaya_novella/read_1/ (дата обращения: 17.04.2014)

56. Пушкина-Ланская Н.Н. Письмо к П.П. Ланскому от 13/25 июля 1851 г. Цит. по: «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 284.

57. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения. В 3-х т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1986. С. 186–354.

Пушкин А.С. Опровержение на критики. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v07/d07-116.htm> (дата обращения: 19.12.2014).

58. Пушкин А.С. Из письма к Вульфу http://www.rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1824/0343.htm и мн. др.

59. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Сочинения. В 3-х т. Т. 3. Проза. М., 1986. С. 254.

62. Пушкин А.С. К*** // Там же. Т. 2. Стихотворения 1823–1836... С. 89.

63. Пушкин А.С. На кн. А. Н. Голицына // // Пушкин А.С. Стихи не для дам. М, 1994; электронная версия: URL: <http://www.litmir.net/br/?b=136353&p=1> (дата обращения: 08.05.2015).

64. Пушкин А.С. «Орлов с Истоминой в постеле...» // Там же.

65. Пушкин А.С. Письмо к А.Н. Вульфу от 7 мая 1826 г. из Пскова или Острова в Дерпт // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т.

[Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/193.htm> (дата обращения: 01.12.2014).

Пушкин А.С. Письмо к С.А. Соболевскому от второй половины февраля 1828 г. из Петербурга в Москву // Там же.

66. Ржевская Г.И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. Изд. 4-е. М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 576 с. С. 33–66.

67. Ростопчина Е.П. Поединок // Дуэль. Повести русских писателей / сост., вст. ст. Н.П. Утехина; посл. В.В. Дорошевича. М., 1990. С. 134–194;

68. Руссо Ж.-Ж. Софи, или Женщина // Эмиль, или о воспитании // Руссо Ж.-Ж. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marsexx.ru/tolstoy/russo-emil5.html#099> (дата обращения: 19.05.2015).

69. Сабанеева Е.А. Воспоминание о былом. 1770 – 1828 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/alexandr1/sabaneeva_vospominan.html (дата обращения: 02.12.2013).

70. Собеседование мудрости, или Отборныя наставления предложенныя в пяти вечерах. СПб., 1784; Истинная политика знатных и благородных особ. СПб, 1787.

71. Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. СПб., 2011. – 416 с.

72. Соллогуб В.А. Большой свет // Дуэль. Повести русских писателей / сост., вст. ст. Н.П. Утехина; посл. В.В. Дорошевича. М.: Правда, 1990. С. 194–262;

73. Соллогуб В.А. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/text_0170.shtml (дата обращения: 17.12.2013).

74. Стерлигова А.В. Воспоминания о Екатерининском институте. [Электронный ресурс]. URL: <http://duchesselisa.livejournal.com/78186.html> (дата обращения: 25.02.2015)

75. Толстой Л.Н. Война и мир // Собр. соч. в 22-х т. М.: Художественная литература, 1980–1981. Т. 4–7.

76. Толстой Л.Н. После бала. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_14/01text/0299.htm (дата обращения: 17.12.2014)

77. Толстая С.А. Моя жизнь // Октябрь. 1998. № 9 С. 67.

78. Францева М.Д. Воспоминания. [Электронный ресурс]. URL: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/franzeva.htm> (дата обращения: 30.11.2014).

79. Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-oldrussia.livejournal.com/88880.html> (дата обращения: 04.05.2015).

80. Языков Н.М. Аделаиде [Электронный ресурс]. URL: // <http://rurpоеm.ru/yazykov/all.aspx#lanit-i-persej> (дата обращения: 14.15.2015));

81. Языков Н.М. И.В. Киреевскому (Щёки нежно пурпуровы...) [Электронный ресурс]. URL: // <http://rurpоеm.ru/yazykov/all.aspx#lanit-i-persej> (дата обращения: 14.15.2015)).

82. Языков Н.М. Н.Д. Киселёву [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/stih60.html> (дата обращения: 18.15.2015) и др.

83. Языков Н.М. А.С. Пушкину (О ты, чья дружба...) <http://rurpоеm.ru/yazykov/all.aspx#o-ty-chnya>

Визуальные источники

1) Аргунов Н.И. Портрет С.И. Вишняковой. 1821 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/08/nikolay-argunov-gallery/43-16/> (дата обращения: 04.05.2015).

2) Антропов А.П. Портрет А.К. Воронцовой. 1763 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/02/antropov-gallery/13-342/> (дата обращения: 04.05.2015).

3) Антропов А.П. Портрет статс-дамы А.Л. Апраксиной. Конец 1750-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/02/antropov-gallery/24-83/> (дата обращения: 04.05.2015).

- 4) Боровиковский В.Л. «Лизынька и Дашинька». 1794 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/06/borovikovskiy-gallery/borovikovsky-20/> (дата обращения: 04.05.2015)
- 5) Боровиковский В.Л. Портрет Е.Н. Арсеньевой. Середина 1790-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/06/borovikovskiy-gallery/borovikovsky-46/> (дата обращения: 04.05.2015).
- 6) Боровиковский В.Л. Портрет М.И. Лопухиной. 1797 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/06/borovikovskiy-gallery/borovikovsky-49/> (дата обращения: 04.05.2015).
- 7) Кипренский О.А. Портрет А.Ф. Фурман. Между 1812 и 1816 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/08/orest-kiprenskiy-gallery/33-41/> (дата обращения: 04.05.2015) и др.
- 8) Левицкий Д.Г. Портрет Г.И. Алымовой. 1776 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/04/dmitrylevitskiy-gallery/lev-15/> (дата обращения: 04.05.2015).
- 9) Левицкий Д.Г. Портрет М.А. Дьяковой. 1778 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/04/dmitrylevitskiy-gallery/lev-16/> (дата обращения: 04.05.2015).
- 10) Рокотов Ф.С. Портрет А.М. Загряжской. Конец 1760-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/02/rokotov-gallery/rokotov-29/> (дата обращения: 04.05.2015).
- 11) Рокотов Ф.С. Портрет А.К. Васильчиковой. 1770-е гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/02/rokotov-gallery/rokotov-55/> (дата обращения: 04.05.2015).
- 12) Рокотов Ф.С. Портрет княгини Е.Н. Орловой. Около 1779 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/02/rokotov-gallery/rokotov-67/> (дата обращения: 04.05.2015).

13) Тропинин В.А. Портрет А.И. Тропининой. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/12/vasiliy-tropinin-gallery/tropinin-2/> (дата обращения: 04.05.2015)

14) Тропинин В.А. Портрет купчихи Е.И. Карзинкиной в русском костюме. 1840-е гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://cultobzor.ru/2014/12/vasiliy-tropinin-gallery/tropinin-140/> (дата обращения: 22.05.2015) и др.

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ГОРОДА МОСКВЫ (ЦГАМ)

1. Ф. 1325. Глушковы. Оп. 1. Д. 5, 9, 16.
2. Ф. 1327. Ладомирские. Оп. 1. Д. 2.
3. Ф.1341. Львовы. Оп.1. Д. 141, 783, 936, 938, 990, 1170, 1258.
4. Ф.1845. Бахметевы-Толстые. Оп.1. Д. 956, 1002, 1204, 1860, 1870, 1877;
5. Ф. 1851. Говоровы. Оп. 1 Д. 103.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСККУСТВА (РГАЛИ)

6. Ф. 1. Чернышевский Николай Гаврилович. Оп. 2. Д. 29, 44, 45, 83.
7. Ф. 7. Анненков Павел Васильевич. Оп. 2. Д. 282.
8. Ф. 10. Аксаковы. Оп. 1. Д. 119, 134, 135.
9. Ф. 256. Кюхельбекер Вильгельм Карлович. Оп. 1. Д. 10.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.А. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.): Автореф. докт. дисс. Екатеринбург, 2007. 40 с.
2. Андреева А.Ю. Костюм русской знати: от Византии до модерна. СПб.: Паритет, 2009. 176 с.
3. Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. 416 с.
4. Батлер Дж. Гендерное регулирование. [Электронный ресурс]. URL: http://www.feminismru.org/publ/stati_zarubezhnykh_avtorov/dzhudit_batler_gendernoe_regulirovanie/8-1-0-133 (дата обращения: 22.12.2014).
5. Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.
6. Белова А.В. Девичество в российской дворянской семье XVIII – середины XIX в. // Род и семья в контексте тверской истории: Сборник научных статей / отв. ред. Т.И. Любина, В.В. Чижова. Тверь: Лилия Принт, 2006. Вып. 2. С. 25–47.
7. Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX в.: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4 (41). С. 45–63.
8. Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX вв. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII – XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Верременко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 68–75.
9. Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68–74.

10. Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: «корневое» и «иноземное» // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: Научно-методический сборник / отв. ред. В.И. Успенская. Тверь, 2000. С. 32–44.

11. Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 2 (8). С. 5–14.

12. Белова А.В. Женщина дворянского сословия в России конца XVIII – первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии): Автореф. канд. дисс. М.: ИЭА РАН, 2009. 66 с.

13. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.

14. Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середины XIX в.): Автореф. докт. дисс. М.: ИЭА РАН, 2009.

15. Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе. 2004. № 1/2 (30–31). С. 72–82.

16. Белова А.В. Роль няни в православном воспитании дворянских девочек в России XVIII – середины XIX в. // Культурно-исторические традиции православия: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Третьи пюхтицкие чтения». Куремяэ, Эстония, 2014. С. 140–147.

17. Белова А.В. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – первая половина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 3–18.

18. Белова А.В. Уездные «абитуриентки»: прием провинциальных дворянок в столичные институты // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей под общей редакцией В.И. Успенской. Тверь: ОГУП «Тверское областное книжно-журнальное издательство», 2002. Вып. 2. С. 212–228.

19. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. – 480 с.
20. Бовуар С. Второй пол. Т. I, II. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
21. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/zb_fuko.php (дата обращения: 22.10.2014).
22. Бородай Ю.М. Эротика. Смерть. Табу. Трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. С. 351–361. 416 с.
23. Брайдотти Р. Женские исследования и политики различия // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. 2001. С. 464–533. С. 13–23.
24. Гапова Е. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. Ч. I / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя. 2001. С. 370–390;
25. Гапова Е. Кейт Миллет: личное как политическое // Неприкосновенный запас. 2008. № 4 (6). С. 250–252;
26. Гапова Е. Полный Фуко: тело как поле власти // Неприкосновенный запас. 2011. № 2 (76). С. 69–75
27. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
28. Голод С.И. Личная жизнь, любовь, отношения полов. Л.: Знание, 1990. 32 с.
29. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.
30. Голод С.И. Социологические проблемы сексуальной морали. Автореф. канд. дисс. М., 1969.
31. Голод С.И. Социологические проблемы сексуальной морали. Автореф. канд. дисс. Л.: ЛГУ, 1968.

32. Голод С.И. Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. М., Ладомир, 2005. 244 с.
33. Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб, 1996; Алетейя. – 192 с.
34. Губер П.К. Донжуанский список А.С. Пушкина. СПб.: Петроград. 1990. 279 с.
35. Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования. Ч. II...
36. Елисеева О.И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М.: Молодая гвардия, 2008. 597 с.
37. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22158/ogl.shtml> (дата обращения: 04.05.2015).
38. Жеребкина И.А. Гендерные 90-е или фаллоса не существует. URL: <http://www.gender.univer.kharkov.ua/RUSSIAN/pub/dantomas.htm> (дата обращения: 11.08.2014).
39. Жеребкина И.А. «Прочти моё желание...»: Постмодернизм, психоанализ, феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000. 256 с.
40. Жеребкина И.А. Феминистская теория 90-х годов: проблематизация женской субъективности // Введение в гендерные исследования. Ч. I... С. 49–80.
41. Захарова О.Ю. Русский бал. XVIII – начала XX века. Танцы, костюмы, символика. М.: Центрполиграф. 2010; 448 с.
42. Захарова О.Ю. Светский церемониал. М., Центрполиграф, 2001. 457 с.
43. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Российская трансформация и сексуальная жизнь (вместо введения) // В поисках сексуальности... С. 7–23;

44. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Ч. I... С. 147–173 и др.
45. Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II...
46. Каминская Н.М. Костюм 1800 – 1825 годов. Стиль ампир // История костюма / Н.М. Каминская. М.: Лёгкая индустрия, 1977. 128 с.
47. Кирсанова Р.М. Из истории костюма русских императриц // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М.: ОГИ, 1999. С. 71–81.
48. Кирсанова Р.М. Русские императрицы и мода в России // Русское искусство. 2013. № 3. С. 146-153;
49. Кирсанова Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. М.: Слово, 2002. 224 с.
50. Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/1216671/> (дата обращения: 08.04.2015).
51. Козлова Н. Социально-историческая антропология. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/411505/> (дата обращения: 23.02.2015)
52. Козлов Н. Флирт и кокетство. Художник Federico Andreotti [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diary.ru/~Adelina3/p196469813.htm?oam> (дата обращения: 01.05.2015).
53. Коллман Н.Ш. Проблема женской чести в Московской Руси XVI-XVII вв. // Социальная история. 1998/1999. М., 1999. С. 205–216.
54. Кон И.С. Введение в сексологию. М. Медицина, 1989. 336 с.
55. Кон И.С. Вкус запретного плода: Сексология для всех. М.: Семья и школа. 1997. 464 с.
56. Кон И.С. О социологической интерпретации сексуального поведения // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 113–122

57. Кон И.С. Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966, № 12, С. 64–77.
58. Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 47–57.
59. Кон И.С. Психология юношеской сексуальности // Советская педагогика. 1976. № 5. С. 66–75.
60. Кон И.С. Ребёнок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
61. Кон И.С. Секс, общество, культура // Иностранная литература, 1970, № 1. С. 243–255.
62. Кон И.С. Сексология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2004. Академия. 383 с.
63. Кон И.С. Сексология // Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/medicina/SEKSOLOGIYA.html?page=0,0#part-1> (дата обращения: 15.07.2015).
64. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М.: ОГИ., 1995. 464 с. Также см.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22158/ogl.shtml> (дата обращения: 11.09.2015).
65. Кон И.С. Сексуальная революция в России // Семья, гендер, культура. Материалы международных конференций 1994 и 1995 гг. М., 1997. С. 395–407.
66. Кондаков А. Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России // Неприкосновенный запас. 2012. 5(85). С. 249–258.
67. Красова Е.Ю. Андрогиния // Словарь гендерных терминов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/002.htm> (дата обращения: 24.03.2015).
68. Лакан Ж. О наслаждении // Семинары. Книга 20. Ещё. М.: Гнозис, 2011. 176 с.
69. Листова Т.А. По поводу статьи Т.Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // Этнографическое обозрение. 1994, № 5. С. 28–34.

70. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 2006. 413 с.
71. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lot/lot-472-.htm> (дата обращения: 26.08.2015); Его же. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2006. С. 48–49.
72. Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей северо-западной Меланезии // Избранное: динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. – 959 с. (1-е изд. 1929).
73. Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloi_stariny._Nnavy_i_byt_pushkinskoi_erohi.pdf (дата обращения: 17.04.2014).
74. Маскарады Энгельгардта // Квартальный надзиратель [Электронный ресурс]. URL: <http://kn.sobaka.ru/n37/07.html> (дата обращения: 24.03.2015).
75. Мид М. Пол и темперамент в трёх примитивных обществах // Культура и мир детства. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 429 с.
76. Миллетт К. Политика пола. [Электронный ресурс]. URL: <http://accion-positiva.livejournal.com/106868.html> (дата обращения: 08.04.2015)
77. Мицюк Н.А. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. Том 13. № 1. С. 21–32;
78. Мицюк Н.А. Средства контрацепции в повседневной жизни российских дворянок на рубеже XIX – XX веков // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 2. С. 49–68.
79. Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX века по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 17–28.

80. Модзалевский Б.Л. Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С.М. Дельвиг // Пушкин и его современники. Избранные труды (1898-1928) / сост. и прим. А.Ю. Балакина. Санкт-Петербург: Искусство - СПб, 1999 С. 227 – 339 С. 233 – 234.

81. Муравьёва М.Г. История сексуальности // Словарь гендерных терминов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/094.htm> (дата обращения: 02.12.2014).

82. Муравьёва О.С. Как воспитывали русского дворянина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (дата обращения: 15.12.2014).

83. Мур Г. Феминизм и антропология: история взаимоотношений // Введение в гендерные исследования. Ч. II... С. 582–599.

84. Огнёв А.В. Любовь, семья и судьба России. Тверь: Русская провинция. 2000. С. 11

85. Омельченко Е. Культурная география мужских тел: современный путеводитель // В тени тела / Под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко. – Ульяновск: издательство Ульяновского государственного университета, 2008. – 208 с. С.17–18.

86. Пушкарева Н.Л. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша» (Одежда русских женщин XIX – начала XX века). [Электронный ресурс]. URL: http://afield.org.ua/mod3/mod82_1.phtml (дата обращения: 07.02.2015).

87. Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. Вып. 3. Харьков, 2000. С. 166–187;

88. Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6. С.74–83.

89. Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических науках: рождение, методы, перспективы // Женщина. Гендер. Культура / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Е.И. Трофимова, З.А. Хоткина. М., 1999. С. 14–28.

90. Пушкарева Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. Ч. I... С. 277–312.
91. Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб: «Алетейя», 2007. 496 с.
92. Пушкарева Н.Л.. Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре до и после великих реформ XIX века // Вестник пермского университета. Серия история. 2013. № 1. С. 43–55.
93. Пушкарева Н.Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 55–70.
94. Пушкарева Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1997. № 6.
95. Пушкарева Н.Л. Интимные переживания и интимная жизнь женщин в XVI–XVII вв. // Социальная история. 1997. М., 1998. С. 205–226.
96. Пушкарева Н.Л. История частной жизни в России глазами российских и зарубежных историков // Отечественная история. 1998. № 3. С. 208–213.
97. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 93–112.
98. Пушкарева Н.Л. «Како се разгоре сердце мое... и тело мое до тебе...»: Любовь в частной жизни человека средневековой Руси по ненормативным источникам // «А се грехи злые, смертные...»... С. 507–516.
99. Пушкарева Н.Л. Лев Толстой как зеркало русского секса // Секс и мы. Осень, 2006. С. 18–25.
100. Пушкарева Н.Л. «Мед и млеко под языком у нее» (Женские и мужские уста в церковном и светском дискурсах России X - начала XIX в.) // Тело в русской культуре / сост. Г.И. Кабакова, Конт Ф. М., 2005. С. 78–101.
101. Пушкарева Н.Л. Между «великим грехом» и «удовольствием»: интимная жизнь женщины в Старой Руси // Социум. 1995. 3 6(49). С. 32–39.

102. Пушкарева Н.Л. «Милый Алексей Николаевич» (флирт и любовь русского дворянина начала XIX века) // Родина. 1996. № 3. С. 67–73.
103. Пушкарева Н.Л. Мир чувств русской дворянки конца XVIII – начала XIX века: сексуальная сфера // Человек в мире чувств. Очерки истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: РГГУ, 2000. С.85–119.
104. Пушкарева Н.Л. Мир чувств русской женщины XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С.17–31.
105. Пушкарева Н.Л. «Не мать велела – сама захотела»: Интимные переживания и интимная жизнь россиянок в XVIII в. // «А се грехи злые, смертные...»... С. 612–627.
106. Пушкарева Н.Л. «Огнь естественный» или «грех поганый»? Источники по истории сексуальной этики и эротики в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) // «А се грехи злые, смертные...» Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) /отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М., 1999. С. 5–13.
107. Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для девушек в традиционной русской культуре XIX-начале XX в. как следствие гендерной ассиметрии // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2009. № 3. С. 88–97.
108. Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120–134.
109. Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://womensation.org/pozoriaschiye-nakazania/> (дата обращения: 28.02.2015).
110. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. М., 2004. № 5. С. 3–19.
111. Пушкарева Н.Л. Рот и губы в интимной жизни наших предков // Секс и мы. 2004. № 2. С. 31–38.

112. Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и московитов X–XVII вв. // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 51–103.
113. Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 3–18. .
114. Пушкарева Н.Л. «Устне твои сот искаплют...» (Опыт феминистского прочтения нарративов XII–XIX вв., описывающих женский рот) // Гендерные исследования. Вып. 9. Харьков, 2003. С. 253–276.
115. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М: «Ломоносов», 2012. 208 с.
116. Пушкарева Н.Л., Экштут С.А. Любовные связи и флирт в жизни русского дворянина начала XIX века // Человек в кругу семьи... С. 178–204.
117. Пушкарева Н.Л., Экштут С.А. «Cherchez la femme!» (Дневники А.Н. Вульфа как источник по истории русской эротической культуры начала XIX в.). «А се грехи злые, смертные...»... С. 681–712.
118. Рейфман П.С. Из истории русской, советской и постсоветской цензуры. [Электронный ресурс]. URL: <http://reifman.ru/russ-tsenzura/glava-2/> (дата обращения: 02.12.2014).
119. Репина Л.П. Выделение частной сферы как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 20–32.
120. Репина Л.П.. История женщин сегодня: Историографические заметки // Человек в кругу семьи... С. 35–73.
121. Репина Л.П. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. Вып. 2. С. 76–100 и др.

122. Российские императрицы. Мода и стиль. Конец XVIII – начало XX века [альбом-каталог выставки в Выставочном зале федеральных архивов, Москва, 4 апреля – 13 июня 2013 г. / сост.: С.П. Балан, Т.Ф. Шакирова]. М., 2013.

123. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 89–140.

124. Рубин Г. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории социальных политик // Введение в гендерные исследования. Ч. II... С. 464–533.

125. Рябов О.В. «Идеал мадонны» или «идеал содомский»? Два лика женственности в русской философии // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. С.17-20. С. 18.

126. Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья [Электронный ресурс]. URL: http://cens.ivanovo.ac.ru/publications/riabova_tb_women_in_medieval_times.pdf (дата обращения: 27.04.2014).

127. Савкина И.Л. До и после бала: история молодой девушки в мужской литературе 30-х – 40-х гг. XIX в. // Женщина. Гендер. Культура / под ред. З.А. Хоткиной, Н.Л. Пушкаревой, Е.И. Трофимовой. М.; МЦГИ, 1999. 287 – 301.

128. Савкина И.Л. «Пишу себя...» Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.torrentino.com> (дата обращения: 11.03.2015).

129. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII века. Л.: Наука, 1982; 279 с.

130. Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. СПб., Типография СПб. Т-ва печ. и изд. Дела «Труд», 1910. С.92.

131. Солодянкина О.Ю. Иностранцы гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры. [Электронный ресурс]. URL: www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm. (дата обращения: 29.05.2015).

132. Строганова Е.Н. Мотив женского любовного соперничества в повестях русских писательниц 1840-х гг. // Мир романтизма: Материалы международной научной конференции. Тверь, 2002. Вып. 6 (30). С. 49–57.
133. Строганова Е.Н. Категория «гендер» в изучении истории русской литературы // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин. Материалы научной конференции. Тверь, 2000. С. 32–37.
134. Строганова Е.Н. «Пропущенная глава». Женское писательство в России XIX века: российский опыт изучения // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 27–38.
135. Сэдживик И. Эпистемология чулана // Введение в гендерные исследования. Ч. II... С. 182–198.
136. Третьяков В. История сексуальности и понятия о ней в XX веке // Новое литературное обозрение. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2641> (дата обращения: 23.08.2015).
137. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2003. Флинта, Наука. 132 с.
138. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.: Азбука, 2014. 224 с.
139. Фуко М. Воля к знанию (История сексуальности, Т. I) // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
140. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. Киев: Дух и Литера, 1998. 288 с.